МОСКОВСКИЙ ДОМ
Современная поэзия и проза

БИНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

МОССАЛИТ
2013

УДК 82-3.161.1
ББК 84 (2Рус)6
М52

ISSN 2078-0230

Издательский проект «Московский Дом»
Московского Салона Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Составители сборника
Ольга Грушевская
Ольга Моисеева

Предисловие
Ольга Моисеева

© Московский Салон Литераторов, 2013
© Авторы сборника, 2013

Вместо предисловия

Этот сборник объединил произведения авторов Московского Салона Литераторов под общей темой: «Время - пространство – люди».

О людях, пространстве и времени

Оглянувшись вокруг, увидел человек, что всё в мире изменяется, имеет начало и конец, и только небеса кажутся действительно бескрайними. Тогда он побежал к линии, отделявшей голубой купол от земной тверди, и бежал до тех пор, пока не оказался на берегу моря, где остановился, заворожённый тем, как небо смыкается с водой, растворяя свою синеву в прозрачных волнах. Человек бросился в море и плыл, пока вновь не оказался на суше. Там он опять бежал до следующей воды, потом снова плыл и так до тех пор, пока не встретил то место, откуда впервые пустился в путешествие.

И понял тогда человек, что на Земле круг навсегда замкнулся, и вновь обратил взгляд к небу. Только теперь смотрел он уже не на линию горизонта, а вверх – где в полдень горело Солнце. Попасть туда оказалось много труднее, чем за море, но человек сумел поднять себя в воздух и полетел за облака, а потом выше, выше и ещё выше, пока не попал в вечную ночь космоса, откуда хорошо разглядел, как замыкают свои круги Луна, Земля, другие планеты и даже Солнце.

К этому моменту он давно уже знал, что начало-изменение-конец – это время, а безграничность небес – пространство, и разобрался, как они вместе управляют движением. Человек даже подумал, что наконец-то открыл закон, по которому всё во Вселенной живёт в пространстве-времени, но тут вдруг выяснилось, что правила, подходящие звёздам и планетам, никак не годятся для атомов и частиц. И понял он тогда, что истина вновь отдалилась от него, как когда-то давно – линия горизонта, и стал искать новый закон, примиряющий огромное и крохотное, чтобы увидеть, как Вселенная замыкает свой самый полный круг...

Так по сей день и ищет.

Очарованный понятиями пространства и времени разум заставляет размышлять о нашей Вселенной всех: технарей и гуманитариев, философов и прагматиков.

Как возникла стрела времени? Знаем ли мы наше пространство, или то, что мы видим и чувствуем, – лишь слабый отблеск истинной реальности?

За последнее столетие люди совершили такие удивительные открытия на пути познания мира, что теперь и физику надо стать лириком, чтобы по-настоящему понять современную царицу наук, явственно намекающую на существование параллельных миров и скрытой реальности.

Что же касается писателей и поэтов, то для них параллельные миры, как и смещения во времени, – дело родное, привычное. Увести читателя в прошлое, будущее или, вообще, в безвременье, преломить настоящее в собственной фантазии или создать новую реальность – у каждого из авторов сборника свой способ исследовать мир, и каждое произведение – это личный, неповторимый срез жизненного пространства во времени...

Возможно, скоро бумажные носители окончательно уступят место электронным, и книги навсегда исчезнут, превратившись в виртуальные тексты – молекулы в океане чистой информации, более или менее востребованные ловцами-читателями. Отдавая им свои копии, молекулы-тексты продолжат свой бесконечный дрейф нетронутыми – словно бестелесные души, вечно ожидающие физического воплощения.

Но пока этого не произошло, вы держите в руках одно из таких воплощений – с шуршащими страницами и запахом типографской краски – книгу с собственным лицом и характером, вещественное проявление творчества авторов Моссалита в пространстве-времени: здесь и сейчас.

Ольга Моисеева

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Андрей Баранов ***7***

Игорь Лукшт ***17***

Мария Панфилова ***26***

Надежда Гусева ***37***

Ада Шмакова ***48***

ПРОЗА

Микаел Абаджянц ***58***
Картина 59
Бином распределения 61
Заумь 68
Палимпсест 71
Игра не по правилам 74
Натюрморт к ненаписанному рассказу 76
Портрет 79
Поющая ваза 81

Ольга Грушевская ***83***
Дети 84

Всеволод Круж ***112***
Богомаз 113

Алёна Чубарова ***120***
Поэма потерянной радости 121
(Тексты для экспериментального театра)

Мари Веглинская 144
Во имя любви 145
Дуська 157

Игорь Бурдонов 168
Лун Ху цзы «Кунь Эй» 169

Ольга Моисеева ***202***
Семь петель 203

Владимир Борисов ***228***
Зона отчуждения 229
Капитан Мишка 241

Анна Народицкая ***254***
Перевертыш 255
Вишневые бусы 273
(Из сборника «Вишневые бусы»)
Дама в ретро стиле 275
(Из сборника «Волшебный калейдоскоп»)

Ирина Егорова ***280***
Homo fortunatus, или Человек счастливый 281
(Сценарий моноспектакля)

ПОЭЗИЯ

Андрей Баранов

Я родился в 1962 г. в городе Винница (Украина). В 1966 г. вместе с семьёй переехал в Ульяновск (Россия), где и прошла большая часть моей жизни.

Стихи начал писать в 1979 г. Печатался в газетах, коллективных сборниках. В 1991 г. подборка стихотворений вышла в журнале «Дальний Восток». В 1998 г. увидел свет первый сборник стихов «Странник» (Ульяновск). С этого момента и до 2005 г. стихи нигде не публиковал.

В 2002 г. я переехал в Москву, где и живу по сей день. Работаю в одном из крупнейших издательств учебной литературы. С апреля 2005 г. возобновил публикацию своих стихов и стал постоянным автором интернет-журналов «Сетевая словесность», «45 параллель», «Топос», «Новая литература». Подборки стихотворений печатались в журнале «День и ночь», альманахе «Каштановый дом», коллективных сборниках в России, Украины, Германии, США.

В 2009 г. вышла в свет вторая книга стихотворений «Крылья деревьев» (Москва-Петербург).

Чайничек

Это был чайничек с ручкой.
Это был чайничек с крышкой.
Не было чайничка лучше,
но почему-то стал лишним.

В доме сменилась хозяйка,
в доме печальные вести:
ходики, плюшевый зайка,
чайничек изгнаны вместе.

Осень крадётся неслышно,
капает дождик из тучки...
Бедному чайничку – крышка,
сделали чайничку ручкой.

Перчатка

От меня убежала перчатка.
Убежала на старости лет.
Да, возможно, жилось ей несладко,
руку в куртку – а там её нет!

Может быть, затаила обиду
и носила в себе много дней?
А такая спокойная с виду –
никогда б не подумал о ней!

Я бреду полутёмной аллейкой,
сердце ноет, как нудный москит.
А перчатка лежит под скамейкой
и, наверное, тоже грустит...

Учебная граната

В ней давно уже нет
ни запала, ни пороха,
раньше были, но сдох довоенный запал,
и её извлекли из ненужного вороха,
чтобы к жизни вернуть
проржавевший металл.

И запал удалили рукой осторожною,
из груди извлекли смертоносный заряд,
и в простую болванку пустопорожнюю
превратили опасный военный снаряд.

А она всё мечтала о славе. Особенно
ей хотелось взорвать огнедышащий дзот.
Ей никто не сказал, что она – лишь пособие,
и что ей никогда уже не повезёт.

Портреты

Петька Баскаков

Петька Баскаков всегда одинаков.
Горя не знает Петька Баскаков.
Петька Баскаков дует в дуду,
пачки дензнаков видел в гробу.
Он не ловчее других, не умнее.
Шепчут соседи: «Жить не умеет».
Тихо редеет дым над рекой.
Жить не умеет – странный какой!

Ромка-бродяга

Плещется моря кромка,
по кромке шагает Ромка,
висит на плече котомка,
в котомке – гаванский ром.
Ромка поёт негромко
(недаром в котомке ром-то!),
Ромка поёт о том, как
прекрасен родимый дом.
Я вам скажу по секрету –
дома у Ромы нету.
Ромка бредёт по свету.
Ромка на свете – гость.
Смотрит садов цветенье,
слушает птичье пенье,
ловит сачком из тени
звёзд золотую горсть.
Где-то летят ракеты,
где-то горит планета,
кого-то зовут к ответу,
над кем-то грохочет гром.
Роме и дела мало,
жизнь его не сломала,
были бы хлеб да сало,
и не кончался ром.

Дурак

Он забросил офис и ушёл в загул.
Было всё как надо, а теперь не так.
У него замкнуло что-то там в мозгу –
раньше был он умный, а теперь дурак.
Прежде говорили: у него семья,
важная работа, домик у леска.
А теперь смеются бывшие друзья
и тихонько пальцем крутят у виска.
Мы столкнулись в парке. Я домой спешил.
Он сидел под буком около пруда.
Мимо пролетали тысячи машин,
по подземным рельсам мчались поезда.
Мир вокруг клубился, пенился, урчал,
громыхал станками, трубами гудел –
он же увлечённо уток изучал,
будто нет важнее в жизни этой дел.
Хлипкая фигура, много дней не брит,
он сидел свернувшись, точно эмбрион.
Мне же показалось, кольцами орбит
звякают планеты, а в серёдке – он.
Вертятся народы, страны, города,
миллионы твёрдых и упругих тел.
Я хотел окликнуть: «Здравствуй, борода!»
но чуть-чуть подумал и перехотел.

Заблудившийся ангел

Ровно в шесть, когда неторопливо
заведут куранты свой рингтон,
из подъездов с точностью прилива
выплывает офисный планктон.
Он плывёт привычными путями
по Большой Никитской и Тверской,
оглашая нервными гудками
воздух над усталою Москвой.
И не помня пожалеть о ком бы
и куда девать свои часы,
он вползает в Метро-катакомбы
с фанатичной стойкостью хамсы.
В этом копошащемся потоке,
чокнутом на сексе и бабле,
как тебе живётся, одинокий
ангел, заблудившийся во мгле?
Как в твоей аорте отдаётся
музыка небесных телеграмм?
Как тебе печалится? Поётся?
Как тебе встаётся по утрам?
С той поры, когда ты очутился
в мире охамевших подлецов,
как ты не повесился, не спился?
Не взбесился как, в конце концов?
Нет, ещё не наступили сроки.
На пустой и горестной Земле
как тебя узнать мне, одинокий
ангел, заблудившийся во мгле?

Гражданин Руси

Народ наш дик, и груб, и неумён,
и водку пьёт с прадедовских времён,
и неопрятен, и до мзды горазд,
но за идею жизнь легко отдаст:
за Третий Рим, за батюшку-царя,
за коммунизм... Потом посмотрит –
зря!!!
Но мертвецов не возвратить назад,
а гибнут молодые, в полной силе,
и с ними нерождённых миллиард,
которых они так и не взрастили.
Наверное, пройдя сквозь мразь и гнусь,
сквозь тьмы веков и светопреставление,
из крови их растёт иная Русь
в каком-нибудь четвёртом измерении.
И в той Руси цветёт иная новь,
иной народ, могучий и красивый,
играет свадьбы, засевает нивы
и чтит Надежду, Веру и Любовь.
Я той Руси примерный гражданин,
а вашу Рашу я не принимаю,
ублюдочный язык не понимаю,
ублюдочные нравы вместе с ним.
Когда у власти лихоимцев рать,
когда с торгов распродают святое,
нельзя гордиться родиной такою
и ложь вельмож за правду принимать.
Но верю я, хоть верить и боюсь,
что рухнут лжи тяжёлые оковы,
и воссияет истинное Слово,
и Словом этим всё же будет “Русь”.

Дед Иван

Так ли важно, кто прав был, а кто нарушил законы
и напал вероломно на Heimat или Родину-мать,
Только вижу: идут, и идут, и идут эшелоны,
в них здоровых и крепких мужчин миллионы,
их везут на войну
убивать.

Их поставят повзводно цепью пехотной,
и за Сталина (или за фюрера?) – вперёд, вперёд! –
их по минному полю пошлёт в наступление ротный,
и от запаха крови захлебнётся свинцовой слюной пулемёт.

Большинство их останется там, в этом диком бескрайнем поле,
их остывшие лица покроет под утро лёд.
От того, что они там убиты, мир стал лучше, стал чище, что ли?
В нём прибавилось только много новых вдов и сирот.

А кому повезло возвратиться в родные селения
с парой серых медалей и шрамами от бесчисленных ран,
тот ещё очень долго ходил по ночам в наступление
и кричал среди ночи, как дед мой Иван.

И когда в День Победы, охваченный общим дурманом,
я к нему приставал: “Расскажи, как сражался, дед!”,
он отмахивался и хлопал себя по карманам
в поисках смятой пачки своих сигарет.

В звуках праздничных маршей он слышал предсмертные
стоны,
а когда, утомлённый, он ложился под вечер в кровать,
ему снилось опять, как идут и идут эшелоны,
в них здоровых и крепких мужчин миллионы,
их везут на войну
убивать.

* * *

вот идёт человек огорчённый
всею жизнью своей огорчён
на погибель судьбой обречённый
освещённый последним лучом
заливается лаем собака
из породы конвойных собак
он идёт из вселенского мрака
и в такой же скрывается мрак

а навстречу ему ниоткуда
а навстречу ему в никуда
как извилистый хвост Чуда-юда
вереницей плетутся года
молодые пустые шальные
следом зрелые полные бед
дальше немощные и больные
а счастливых практически нет

а счастливых не больше пригоршни
не годов а скорее минут
человеку всё горше и горше
пальцы старую кепочку мнут
он подумал зачем обречённо
я бреду за закатным лучом
оттого я такой огорчённый
а невзгоды мои ни при чём

и присел он у края дороги
вырвав тело из скопища тел
о душе вдруг подумал о боге
и внезапно как шарик взлетел
и летел он сверкая над миром
и смеялся на сто голосов
и смотрели во след конвоиры
осекая рассерженных псов

Молитва моряков «Пекода»

Когда сроки исполнятся, бешен и дик,
выплывает из чрева морей Моби Дик
и в своё необъятное чрево
поглощает вельботы и их корабли,
и усталых гребцов, что упрямо гребли,
не склоняясь ни вправо, ни влево.

Нам счастливых мгновений хватило с лихвой.
Дай нам жизни короткой и смерти лихой
и весёлой, о праведный Боже!
Нас никто не услышит, никто не спасёт,
наше время пришло, и разбитый вельбот
нам в пучине уже не поможет.

Но мы жили так ярко! Желаем и вам,
когда время настанет платить по счетам,
в трюм не прятать своей головы и,
на прошедшие годы не глядя с тоской,
расплатиться за всё недрожащей рукой
и в горсти не считать чаевые.

Игорь Лукшт

Родился в г. Баку в 1950 г.. Окончил СШ №3 в г. Фрунзе в 1967 г., в 1973 г. – Московский авиационный институт им. С. Орджоникидзе, в 1985 г. – Московское высшее художественно-промышленное училище им. С. Г. Строганова. Скульптор. Преподаю рисунок в МГХПА им. Строганова и школе-студии МХАТ, член Московского и Российского союзов художников. Первые стихи датированы 80-ми годами, первые публикации в сети – 2004-м годом.

Отдельные стихи опубликованы в журналах «Октябрь» и «Лауреат» (изд. «Новый Современник»), поэтических сборниках «Загадки души» (серия «Библиотека современной поэзии»), «Самое время» (Москва, изд. центр «Вентана-Граф»), «Серебряный стрелец. Поэзия – 2009», «Серебро слова» и др.

Финалист Волошинского международного конкурса 2005, 2006, 2008 гг. и Первого чемпионата Балтии по русской поэзии. Лауреат международных конкурсов: «ПОЭЗИЯ – 2006», «Вся королевская рать» – 2006, 2007, 2009 гг., «Серебряный стрелец. Большая премия» – 2009, 2010, 2011 гг. и др.

Развалины крепости Каффа

Морские ветры ранами расщелин
изрыли кладку каменную рвов,
и неприветливо встречает чужаков
чертополох на стенах древней цитадели.
Венозных листьев хрусткие венцы
он целит в небо серое угрюмо –
шипов воздетых бронзовые клювы
скрывают войн увечные рубцы.
И сколько дождь осенний не кропит
сады в округе, сурик ржавых кровель, –
не вытравить из кладки запах крови,
седую гарь обугленной степи,
пороховую копоть не замыть...
Печальноокий ястреб клёкот с неба
роняет на щербатый мшистый гребень
стены, где мокнут каперсы и сныть.
Спит грубый камень башен и куртин,
бугрятся глыб обветренные скулы,
в суровой отрешённости замкнул он
уста печатью шрамов и морщин.
В тревожных снах – бомбарды латинян,
турецкий меч и сабли чингизидов,
ногайский лук над дымною Тавридой,
штыки полков и мерный марш славян...

В пролом стены внизу рокочет море,
зелёных волн холодные валы
несут на гребнях поздние хвалы
руинам Каффы в воинском дозоре.
У лодок рыбарь чинит невода,
на башнях трепет вымпелов полынных...
Лишь чаек крик да шелест над руиной –
осенних ветров скорбная дуда.

Холмы над морем

У летней ночи быстрая стопа...
Прошла –
седые угли остывают,
цикада скрипнет.
Солнце предваряя,
горит востока тонкая щепа.
По склону вьётся узкая тропа,
кочуют козы клочьями тумана.
Пьёт горький сок полынного дурмана
камней гряда, как плакальщиц толпа.
К горе лепятся сонные дома.
С отвесных стен прибрежного холма
слетают птицы белые порою,
к волне верша медлительный полёт.
Вздыхает море в утреннем покое
и ходу лет неспешный счёт ведёт.

Родник

Как долго-долго время длится...
и губы, как кора, грубы,
покрылись солью и напиться
уже не просят у судьбы.

Вокруг всё глина да каменья,
да горьких трав покров седой.
И сколы стёрты на ступенях
к прозрачной струйке ледяной.

Давно дожди не орошали
морщин иссушенной земли,
и вкус смиренья и печали
в дрожащем воздухе разлит.

Людей недвижные фигуры
с кувшинами у босых ног
мудры и медленны, как суры,
и терпеливы, как песок.

По жёлобу вода струится
сквозь зной, и пыль, и недород.
И жизнь в глазах на смуглых лицах,
как время, медленно течёт...

У окна

Небо, полное ворон,
старый двор, дома в обнимку,
льдышка солнца в тусклой дымке
в паутине чёрных крон,

бесконечной пеленой
снег в пространствах поднебесных...
Дальний звон в тиши воскресной
над вселенской белизной.

Трепет крыльев, льдистый свет,
тени длинные колышет
ветер, пух слетает с крыши –
на стекле морозный след.

С простодушьем чудаков
жадно тянутся наружу
в колкие объятья стужи
листья комнатных цветов.

Мёд стеклянным паучком
растекается по каше,
сумасшедший заяц пляшет
в чёрном кофе с молоком.

Стихия – воздух

Татьяне Чебровой

В небесах, в небесах наши сны. В дни трудов их гони
иль брани –
веера маховых парусят в восходящих потоках.
Холодеет душа, приближаясь к обители Бога,
белой чашей крыла бирюзы ледяной зачерпни,

Здесь и ныне – цеди синь небес, слушай шорох и свист,
вверх ли, вниз...
В этих струях текучих, в заливах из зыби озонной,
в этих реках воздушных, послушных веленьям циклонов,
снеговые челны провожай в бесконечный круиз.

Сквозь белёсый туман в полыньи загляни – там земли
зелен лик,
вечерами стога теребят свою древнюю жвачку,
нежногруды леса и двулики листы мать-и-мачех,
луноглазо сверкают в речных камышах голавли.

В небесах, в облаках над дымами больших городов,
гул ветров –
над полями, где пахарь встаёт к борозде до рассвета,
надо рвами сражений, где носит безумная Грета
окровавленный меч, над горбами рыдающих вдов.

Принимая и слёзы, и боль, и печаль, – в высоту,
в чистоту
всё стремится душа, всё тоскует небесная птица
по воздушным потокам – там солнце дрожит и змеится –
ей, крылатой, в пределах прокрустовых невмоготу.

Вот и тянутся сквозь облака, сквозь века – на холмах,
в городах
эти храмы – земные? небесные? – строгие башни...
Пусть склоняются дни над строкою, над камнем, над пашней,
но любовь и мечты – как полёт – к небесам, в небесах.

Вечер

Усталое солнце в осоке намокло,
белёсые шлейфы текут по низинам.
На выжженных спинах холмов кособоких
берёзы в волокнах тумана поблёкли,
в слоистых сединах.

Становится к ночи безликой холстиной
узорная ткань золотой поволоки.
Погасли поля, холодны и пустынны,
наволгли тенями оврагов морщины,
речные протоки.

Там робкие ивы в молочные космы
доверчиво ветви свои опускают.
Безгласные рыбы в неведомый космос
глазами хрустальными смотрят серьёзно,
волну разгребая.

Вдали разливается синька густая,
в ней скоро моргнут и затеплятся звёзды.
Стада прошагали, крестцами вихляя,
молочные торбы свои окуная
в вечерние росы.

Кричит и волнуется птичий народец,
к ночлегу готовясь в темнеющих кронах.
Заброшенных пугал недвижны уродцы,
и сонные вёдра роняют в колодцы
железные звоны.

В бревенчатых избах уклад церемонный
под солнцем удач, под луною невзгодиц:
детишки, да скот, да стаканчик гранёный –
размеренной жизни жужжат веретёна,
лампады горят у икон богородиц.

Старый сад

Бурые спины прохладным ветрам подставляя,
листья сухие бегут по дорожкам, как крабы,
скрипом чуть слышным и шорохом сад наполняя.

Мяты стихающий запах. На грубое ложе
скоро улягутся прахом, иссохши и слабы,
клевер, репей, одуванчик, полынь, подорожник.

Чёрные с синим грачи под деревьями бродят
в красных плодах, им в заморские страны пора бы,
крепкими клювами сочную мякоть изводят.

Встать на крыло и, пространство пером загребая,
трассы воздушной почувствовать злые масштабы.
Все ли вернуться домой из далёкого края?

Жёлтая прядка пронзительной нотой. Но с нами
тихое солнце. В зелёной лопочущей ряби
матовых яблок коробки гремят семенами.

Ветки склоняются долу, усыпаны густо,
зыбкие в солнечных бликах лучистых парабол,
полные света, и сока, и звонкого хруста.

Гладкую плоть полнотелых стволов наклоняют
яблони в травы, как будто зардевшие бабы
В зеркало сонной запруды колени макают,
тонкие пальцы в хрустальную стынь опускают.

Входи, дитя

Стасе

Июль,
узорны золотые полотенца
в лиловой стыни липовой аллеи,
где влажно дышит скошенное сенце,
и нежный лик сквозь листья розовеет
в библейском ожидании младенца.
Свободные одежды легковесны,
и ветрены, как сон полынно-крылый,
качается на волнах летних лестниц
кораблик мой с Божественной посылкой,
плывущий по бульварам старой Пресни.
Крутых бортов обвод виолончельный
скрывает лик небесного посланца,
столь зыбок в животворной колыбели,
в скорлупках тонких, цвета померанца,
его сердечка лепет акварельный.

Дитя, дитя! В пелёнах кайнозоя,
во снах янтарных спишь в дремотных водах:
сквозишь в межтравье древней стрекозою,
шуршишь змеиной шкуркой слюдяною,
зрачок багришь румянцами восходов.
Где за волной волна легко качает
кайму материков новорождённых –
в предчувствии любови ли, печалей –
о, кроха, ангел, нежно сотворённый
прохладными осенними ночами,
к вершине Homo путь свой направляешь,
спешишь, тревожа девственные кущи
и долы ископаемого рая...
Из минувших времён ко дням грядущим

Улыбчивая весточка живая...
Готово всё: огонь, вода и трубы, –
он ждёт тебя, наш век несовершенный –
то нежно-горлый, то кроваво-грубый...
Но птаха-жизнь? О, ты её возлюбишь, –
шутя ль, скорбя... Любимицей вселенской
под звёздные стропила Ойкумены
войди, дитя!

Босоножка

С долготерпением улит,
спокойно, тихо, непреклонно,
заботы будничной пелёна
душа, как прачка, ворошит.

Но в звёздных пажитях ночей
она, робка и босонога,
ждёт хладного дыханья Бога,
вселенский шёпот мнится ей.

Бредёт ли тропами, шурша,
крыло ли нежное расправит...
Душа, душа, колючи травы,
дожди студёны, госпожа.

В скитаньях, девочка моя,
любви алкаешь, словно хлеба,
в пространстве меж землёй и небом
нет бесприютнее тебя...

Мария Панфилова

Палка, палка, снова палка –
Обозначили Пространство.
Чтоб ожить, им нужно Время,
Вдох и выдох – целый век.
Палка, палка, огуречик…
Ожил и заводит речи,
Части речи, части речи…
Вот и вышел Человек.

Как ты выжил, Человек? Как тебе в этом Времени? В этой бесконечной трудноопределимой сиюминутности…

Привет, я – Маша Панфилова. В поэзии чувствую себя не соловьём, а, скорее, сорокой…

Сорока трещит о вечном,
О вечном и о высоком,
Сорока трещит о рюшах,
Сорока трещит о цацках
И множество разной чуши
Про чувства,
Не в сером вороньем х/б, –
Сорока в платье ч/б,
В пёстрой своей сорочке
Таскает в тонкой авоське
Сорок трескучих песен…

Сорока, она воровка,
Сорока ворует счастье
До срока, пока не кончит?
А коли она воровка –
Ждет её клетка в клетку
Или клетка в полоску –
Чья-то грудная клетка.
Тише, сорока, – сердце.

* * *

Ультра-ярок и конфетен
Бальзамина пышный цвет.
В этом бутафорском лете
Никаких загадок нет...

Кроме, разве, смысла жизни...
Но не нужен он, пока
Глупый шмель на миг зависнет
В бесконечности цветка...

* * *

На моём подоконнике корчились листья.
А на автоответчике кончились мысли.
А на автопогрузчике – сбруя и вожжи.
Весь тираж Домостроя застрял на таможне.
Восхитительно пьян ветер в синих погонах.
Он бодал, он гонял десять строк по вагону.
Десять кликов. На коврике серый мышонок.
Электрический пёс, по e-mail хорошо нам
Поделить костный мозг и вспороть окончанья,
Упиваясь до боли молчаньем. Молчаньем.

* * *

Счастья нет. Таков обычай.
Вот и дело к сентябрю.
Кто со дна подругу кличет?
Молча в воду посмотрю:
Мертвая или живая...
Озирая берега,
В небе тихо проплывает
Ангел моего врага...

* * *

Прёт зелёная брага
На весёлом пиру.
Всё_в порядке собака
Хорошо точка вру.

Время знай себе лечит.
Колокольчик по ком?
Что молчишь, человечек?
В горле ком...

* * *

не омрачают лоб
тени ненужных дум.
он не на службу идёт –
он выгуливает костюм.
нашего с тобой
времени герой.

* * *

Почтенные слизни на дорожке под фонарем
Ищут Истину... Ночь тих***а*** и влажн***а***.
Один говорит: «Ведь однажды и мы умрём...»
Другой отвечает: «Коллега, не смерть страшна,
А предчувствие оной само по себе...»
Помолчали. Прислушались: петухи.
– Мы над страхом должны одержать побе...
– Это будет нашей военной хи...

* * *

У неё в косметичке – Космос.
Сердце – китайский розовый термос.
Её повседневность – комикс
Про Женщину-Паучиху. Эрос –
В головах. В печёнках Танатос...
Лица поверх – давинчевское сфумато.
Личный Хаос свинчен влёгкую из молекул Лего.
Вот такое, Харон, хреновое у неё лето.

* * *

Паваротти, поворот***и***
В глушь, в Сорренто, в деревню, в Саратов...
Где остатки родных паутин,
Где земли – по два метра на брата,

Где весь век от нутра до утра
Скачет «белочка» с водки на ветку...
Где всего-то и дел: умирать.
Вот тебя и послали в разведку.

* * *

Нынче Гайдн. Начало недели.
И слегка разбавляет мороз
Запах Ниццы в бетонном тоннеле
Над охапкой поблекших мимоз.

Запах бледный, и нищий, и тонкий.
И надрывный скрипичный фальцет.
И смущающий взгляд Незнакомки
В этом будто знакомом лице...

* * *

Надевает бродяга-марток свои десять порток
И засовывает апрелю февраль между строк,
И идут погулять, поглядеть на весны кровоток
Мир-пророк, Труд-пророк, Май-пророк...

* * *

Чувство зимы заполняет меня целиком.
Сменила затишье Ве-ли-ка-я Тишь.
Тостер покоцанный цокает языком:
Тост, мол, готов, наливай, чего ты сидишь?

Чайничек – псевдоиероглифы, глянцевый бок, –
Делится с нами дружески янтарём.
Так и сидим на кухоньке – я и Бог.
И тишину с пустотою вприкуску пьём.

* * *

На лавке метро,
будто на троне, дева
Косу плетёт, как будто точит, –
«на нет».
Мужики – не дышат.
Направо глядит. Налево...
И если б была не из наших,
звалась бы Аннет,
А никак не «Анька-коза, хромого конюха дочка» -
Что телёнок на досточке у Барто –
Того и гляди навернётся –
Столичные заморочки...
Слышь, сестрёнка,
ты из какого рая-то?

* * *

Мы, благородный лютик, оранжерейный репейник,
Рая круги, несколько первых ступенек,
Мы проскочили. Без-мозг-ла-я мелочь.
Классики, видишь, – криво очерчены мелом...

В печке палить человеческое оперенье
Остерегайся. Иди. Воротись скорее.

* * *

У небес – ни конца, ни краю...
Я стою на лугу, овца, –
От благолепия обмираю,
И ни-слов-ца!

* * *

Вот-вот утихнет боль.
И жизнь почти реальна.
Давай отменим, што ль,
Тоску. Принципиально.

Сдаваться погодим.
В сиреневом угаре
Заначки раздадим
И ништяки раздарим.

И волю. И покой.
И счастья недискретность.
И птичье молоко
Всем ангелам «за вредность».

* * *

За электричкой пыльный хвост
Ползёт лениво до Каширы.
И снова на железный мост
Карабкаются пассажиры.

На пальце ключики вертя
Небесной сумеречной жести,
Незримый, ходит по путям
Дежурный ангел путешествий...

Осень

За бездорожье и печаль в ответе,
Лежит Она, напившись тишины, –
Царевна мёртвая в оранжевом жилете,
Застиранном к зиме до белизны.

* * *

Переплываешь реку.
Принадлежишь реке...
Что канарейку
На вытянутой руке,
Наблюдаешь душу,
От дыма почти не дыша...
Чайки-кликуши.
За душой – ни шиша.

* * *

Начинай готовиться к зиме:
Напили дрова, заделай щели.
Надо будет выдержать суметь
Памяти бессмысленное мщенье.

Море дышит: грозная квашня
Тяжко возится. Уснул посёлок.
Осень... Ну а что же до меня –
Так и мой портрет не из весёлых.

Львы, олени, чайки... Вороньё.
Боль, сосредоточенная в горле.
Многолико и смешно моё
Морем поглощаемое горе.

То гордыня клацает во мне,
То познанье брызнет горьким соком...
Начинай готовиться к зиме
С мыслей о высоком. О высоком.

* * *

Обнажит коготки календула,
Прах оранжевый откружит…
Календарное лето следует
Проводить где-нибудь в глуши,

Вдалеке от прелестных умников:
Кто мошенник, а кто фигляр…
Слышишь, мучает скрипку «уникум»,
Разложив на земле футляр.

У прохожих в глазах смятение.
Заметает мелочь песок…
Но дыра в груди не смертельная,
И портвейн на губах не обсох…

Избранные лимерики

*

Хитроумный торгаш из Китая
В день сбывает три тонны минтая.
Но из них: две – ментам,
Две – голодным котам,
И на «Боинге» спать улетает.

*

Жил в Провансе лингвист из Ньюкасла.
Жизнелюбие в нем не угасло –
Жить он жирно привык:
Провансальский язык
Окуная в прованское масло.

*

Утверждал водолаз из Небраски,
Что не ест акварельные краски.
Сам же жрёт их горстями,
Заедая кистями,
На глазах у своей водолазки.

*

Невоздержанный житель Венеры
Из обычной доски и фанеры
Изготовил коня.
Просидел в нем три дня
И обрел наконец чувство меры.

*

Говорит логопед логопеду:
Я, коллега, к Вам завтла заеду.
За питьё и еду
Буду несть елунду
Гениально, ну плямо до бледа!

*

Гуттаперчевый мальчик из Кёльна
Восхищался наукой невольно,
О Ньютоне услышав,
Он забрался повыше
И сиг***а***л, и сиг***а***л с колокольни.

*

Программист-индуист из Комодо,
Стал адептом «индусского» кода.
Зарядил воды Ганга
Самогоном из Манго –
Раскодировал кучу народа.

*

Дед Мороз заблудился в Бразилии…
Представляясь зачем-то Василием,
Он нагой бразильянке
Заливает по пьянке:
С морозилкой живу! В Морозилии!

*

Бизнес-тренер из города Нара
Проводил семинары на нарах.
Состоял семинар
Из обжития нар
И из мечт о других семи нарах.

*

Жил Остап с угловатой нимфеткой,
В смысле многих вещей, – дурой редкой.
И её, про себя,
Называл он, любя,
Ласково: мыслящей табуреткой.

*

003 3 2012
3 15 2012
3 12 15
3 15 12
003 3 2015

Надежда Гусева

Однажды, не спросив о времени и месте моего рождения, распорядители судеб бросили меня в неспокойное житейское море с полной пустотой в голове... не для того ли, чтоб заполнить её абсолютной новизной впечатлений, по-видимому необходимой далёкой необозримой родине, называемой Космосом?

Ворошу книги, выуживая всё, что попадёт на крючок, заполняю пустоты. В ответ ложатся строки, как шифровка:

Придёт к любому срок, и Пустоты величье
Порогом Вечности откроется безличным...

Вот те на. С Вечностью перспектива не обнадёживает. Пустота разом проглотит мой улов. Но прежде можно и помучиться в индуистском круге Сансары, колесе превращений, дарующем нам, смертным, прогулки в Вечность и обратно, вроде переэкзаменовок. Зато китайский даосизм предлагает не бежать впереди паровоза, а отдаться естественному ходу вещей. Нежусь некоторое время, покачиваясь на волнах покоя и надежды восточной мысли. Но что хорошо китайцу, то, ну, вы знаете...

Возвращаюсь в своё отечество и обнаруживаю, что здесь, впрочем, как и на всей Земле, у людей нет ничего вечного, ну, если только всеобщее несовершенство человеческой натуры. Ведь мы не ангелы, ах, если б! Да, есть земная избранность – человек разумен, но, но, но... Вселенная строго следит за всемирным порядком и прячет Истину за семью замками, будто дразнит. А колесо истории жителей Земли бежит себе вперёд вслед за временем, живо заталкивая в прошлое уже прожитые мной дни, месяцы, годы, десятилетия. И что бы ни случалось с людьми, Время мерно тикает согласно своим незыблемым законам. Что будет завтра, никто не знает. Будет день – будет и пища.

Памяти отца

Когда отца мы провожали,
Ноябрь белый саван вил,
Слезами ледяной печали
Осыпав холмики могил.

Отец и в бедах жил легко,
И умер стоя – на прогулке,
И вот гуляет Ветер гулкий
По лентам траурных венков,
Не Он ли – в мире без имён
Уносит наши души в Вечность
На перекрёстках бесконечных –
Незримый стрелочник Времён?

Пусть будет милостив Творец,
В Чистилище встречая Душу,
Что мне казалась самой лучшей.
Мир праху твоему, отец.

Опоздала

Заканчивался званый вечер,
Подсвечник воском оплывал.
Я опоздала к часу встречи.
Меня никто не замечал.
Людская тёплая волна,
Смеясь, стекала вниз из зала.
А я, как грешница, одна,
Совсем одна в углу стояла
И всё твердила про себя,
Край занавески теребя:
Всё кончено. Я опоздала.

Реквием

Я слушала загробной мессы звуки,
Начавшись на вершине с ручейка,
Едва заметного, как след слезы разлуки,
Они лились, как льётся с гор река.
Гремел оркестр, и нарастало пение,
Являя мне виденье за видением.
Срывался вниз бурлящий мутный ток,
Сгребая комья грязи и песок
Под плач валторн и скрипок муки.
Стремительно менял акценты хор,
Сквозь виртуозные пассажи и рулады
Минор мелодии меж тем спускался к аду,
Зловеще с палочкой метался дирижёр,
А слух улавливал стенания и стоны
Не то истерзанных зверей, не то людей.
И в оркестрантах, извлекавших сонмы звонов
Под переливы флейт неугомонных,
Являлись мне то Дант, то Амадей.

Автостоп

Ей-богу, то была для нас поездка века:
девятиклассницы – четыре человека,
не омрачив тревогой юный лоб,
испробовать решили автостоп.
Задумали, чтоб из Москвы, так – вроде в шутку,
добраться в Киев. Как? Да просто – на попутках.
А в те далёкие теперь уж времена
у нас про автостопы не слыхали,
голосовали, если вынудят дела,
но чтоб для путешествий? Нет! Едва ли.
И с жалкими грошами в кошельке,
и старой «Сменой» на фото-удачу
мы предкам наплели про чью-то дачу
и вышли в ночь, в чём были – налегке.
Чтоб по Крещатику разгуливать свободно,
мы без проблем сумели пересечь
в два дня весь путь за счёт удачных встреч, –
ну, сколько ж встретили людей мы благородных,
подумав, что других на свете просто нет;
и Киев – добрый, тёплый, и балет,
и вдоль Днепра вояж под всплески донок –
всё складно получилось у девчонок.
В каких краях рос битцевский маньяк?
И где был чикатиловский подонок?
И только ли Фортуны то был знак?

Забавы молодости

Весной в спортклубе подвели итог учёбе,
И начались зачёты – из прыжков,
Мы с Нелькой тоже прибыли на пробу,
Народу – тьма, но хитрый план готов.

Когда по списку не было ответа,
Я вышла и Петровой назвалась,
И получила парашют заветный,
И Нельке дерзкая уловка удалась.

Мы краем уха слушали советы
Освоивших теорию подруг,
Что надо резко дёрнуть штуку эту,
Коль автомат внутри заклинит вдруг.

Нас подняли в аэростате быстро,
Я услыхала властное «Пошёл!»,
Смертельный страх в груди метнулся искрой, –
И свет сознания на миг во тьму ушёл...

Тут парашют раскрылся, как награда,
Встряхнув меня, раскинул купол голубой...
Должно быть, Ангел оказался рядом,
Смеясь над нашей ветреной игрой.

* * *

Каждый шаг на Земле –
отголосок усилий Вселенной,
эта лёгкая тень –
её блик на усталом челе.
Словно ивовый прут
изогнусь, устояв неизменной
в ураганных ветрах,
оставаясь в желанном тепле.

Посмотрю на огонь,
как на трепетный сгусток познаний,
иль с потоком воды
устремлюсь на глубокое дно,
и замру в естестве
без надуманной лжи покаяний,
набирая багровых рассветов вино.

* * *

Неземными казались
ночного покоя видения:
как неведомый праздник
из светлых сочувствий без слов.
Я найти не могла,
где таился источник свечения,
мне внезапно открывший
бессилие тёмных углов.

Проносились Пространства,
входя без причин в мою комнату,
поглотив нашу Землю
и небо с Луной заодно.
Мир вторгался в мой дом,
словно в чашу бездонного омута,
увлекая меня,
потому что мы были – одно.

Я однажды

Я однажды умру, и зажжённые свечи,
Оплавляясь огнём в чьих-то тёплых руках,
Без следа догорят под слова тихой речи,
Только трепет души будет биться в стихах.

Чуть помедлит душа, расставаясь с Землёю,
И прольётся дождём её здешняя грусть,
Может быть, иногда – вслед за майской грозою
Я волненьем души в чью-то память вернусь.

Под рыцарским знаком

Этой хрупкой, прекрасной
жизни тонкую нить –
я внесла в пламень красный,
закалив, как финифть.
В геральдических красках
с бирюзою Небес,
за зелёной терраской
рдел пурпуровый лес.
Щит под рыцарским знаком
позолотой сверкал,
отражая атаки, –
мир Теней отсекал.
Уберите кинжалы,
стрелы бросьте в камин –
яд их смертного жала,
как линялый кармин.
После тьмы наважденья
ярче виделся свет,
и, терзаясь в сомненьях,
мысль искала ответ.
Поиск верного слова

увлекал за порог –
у ручья лугового
повстречался мне Бог.
Под пылающим взглядом
я застыла дрожа –
как стоял со мной рядом –
в пятках билась душа.
– Что, скажи, это значит,
разве явлен нам Бог?
– Просто стала ты зрячей
в час бессонной горячки,
Я немного помог.
– Значит, дьявол бессилен,
если Ты среди нас,
и Христос дал нам крылья
в тот трагический час?
– В искупительной чаше
не угаснул Грааль –
души вечные ваши
примет вечная даль.

* * *

Жизни как спелые жёлуди падают –
Не удержать их могучим дубам.
Приняты раем ли? Втянуты адом ли?
Все до единого – будем мы там.

Сколько ни плачь – ничего не изменится,
Дней не продлит ни раввин, ни имам,
Чёрт или Ангел заранее целятся,
Распределяя Приход по углам.

Новый год с улыбкой детства

Моей дочери Оленьке

Предновогодняя зима.
Морозец подрумянил лица,
У детской горки кутерьма.
Ты выросла. Как время мчится!
Среди бетона и стекла
Висят гирляндами рекламы...
Практичней ты и выше мамы,
И торт на праздник испекла.

А помнишь, как твоя душа
Робела перед Дед-Морозом,
Не узнавала, чуть дыша,
Отца под маской красноносой?
Поверив в сказочную жуть
Про беды лубяной избушки,
Ты долго не могла уснуть
В обнимку с мягкою игрушкой.
Гнала коварную лису
От заячьей избы под елью
И в добром сказочном лесу
Кормила зайца карамелью...
И до сих пор под Новый год
На ёлке шпиль сияет алый,
И цел ушастый заяц тот,
Что спал с тобой под одеялом.

Мы снова верим в колдовство,
И в исполнение желаний,
И в искренность, и в торжество
Открытых дружеских посланий.
Одна минута... и рубеж ...
Мы замерли, как на параде.
Год Новый. Как он чист и свеж –
Как свет любви в любимом взгляде.

Перелёты

Я помню, в то утро шиповник расцвёл
раньше времени,
И бабочки белые – в тон белых роз –
хороводы вели,
Как вдруг, подхватив меня, вскинули
крылья весенние –
Земля подо мной закружилась, а крылья
куда-то несли...
Очнулась ребёнком. С восторгом и детской тревогою
За новостью каждой, к себе применяя, слежу:
Сквозь заросли буйной крапивы бегу
нагишом, босоногая,
А после, с такой же подругой, пылая,
в холодной речушке сижу.
С подругой мы ***на*** спор ещё и не то вытворяли
без страха,
И мерою жизни для радости мига играли с судьбой,
Мы счастья упорно искали, меняя экстрим,
как рубахи,
И вот доигралась я – слышу себе приговор
за спиной.
Бог Времени, злой, что искал нарушителей правил,
За Смертью послал, чтоб скорей послужила ему,
И резко поднявшись, Он грубо и глухо добавил:
«Ломать и менять линий жизни не дам никому!».
Сбивал у моста переходного досточки шаткие,
Сурово за мною разбегом секунды следя,
И в те же мгновения жизни – последние, краткие –
Бесстрастно наставил двустволку свою на меня.
Не слышу, не вижу – волненье замкнуло гудением,
Но Ангел знакомый в тот миг, над планетой
случайно летя,
Со скоростью Света толкнул меня
с Ангельским рвением,
Мгновенно вернув на дорогу весеннего светлого дня,
И взмыл – выше радуги, точкой на солнце блестя.

Пусть всё, что я смогла

Зачем-то Бог собрал меня из половинок:
Познавшей грех земной под сладкий сердца стук,
И не согласной с ней – аскезною, как инок,
Готовой отмолить моих страстей недуг.

Господние пути всё ж неисповедимы,
Бог дал земную жизнь, и Бог её возьмёт,
Всё сделал Он без слов, без жестов пантомимы,
Никак не намекнув, что дальше меня ждёт.

Вначале я, как все, карабкалась на гору,
Пытаясь отыскать среди вершин свою,
И взгляд стремился ввысь – в небесные просторы,
Стараясь угадать, ну, что же там – в раю?

Теперь легко шагать с холма пологим склоном,
Рассеялся мираж о неге неземной,
Я станцевала па простых земных законов
И ждёт меня, как всех, – Та самая, с косой.

Но есть во мне душа, ужель она бескрыла?
Я чувствую её, ей не сгореть дотла.
И добрый Ангел мой неведомою силой
За миг до гибели спасал меня от зла.

Не совладать с душой воительнице смертной,
А значит моё «Я» – с ней тоже не умрёт,
Ни слуху моему, ни зренью неприметный, –
Пусть всё, что я смогла, – крылатый Дух возьмёт.

Ада Шмакова
(Зинаида Кокорина)

Живу в г. Королёве МО. По образованию инженер-энергетик. Поэт, публицист и с 1996 г. пишу для детей.

Писать начала с детских лет. С 1998 г. мои стихи и статьи публикуются в газете «Калининградская Правда» (г. Королёв).

Печатаюсь во многих журналах и альманахах: «Золотая строфа», 2009; «Парадоксы чувств», 2009; «Автограф», 2010; «Москва Поэтическая», 2006-2012 (где в пяти номерах была победителем в различных номинациях); в детских журналах «Либерия», «Свирельки» и др.

Мои стихи вошли в альманах г. Королёва «Болшевский Парнас», 2010. Являюсь лауреатом премии городского конкурса С. Я. Дурылина, 2010 (Королёв), по детским произведениям. На этом же конкурсе отмечена благодарственным письмом книга «Птица вольная», 2011.

Изданы сборники стихов «Не по радуге-дуге», 2004 (Москва); «В осеннем танце», 2009 (Москва); сборник прозы и стихов «Птица вольная», 2011 (Москва); детские сборники стихов: 2004 – «Солнышко для всех», «Мой зоопарк» и «Остров мечты», 2012 – «Мишки вышли на дорогу» и «Кузик ищет друзей». Детские книжки «Солнышко для всех», «Времена года», Весёлый паровоз» издают «ЛИНГ» и «АЛТЕЙ» с 2005 г.

Член ЛИТО им. Новикова-Прибоя (г. Королёв), Союза писателей-переводчиков МОСПР, МРО МСП «Новый современник», Московского салона литераторов (Моссалит), редсовета журнала «Московский BAZAR».

Осенний минор

Как жаль,
что ты не любишь осень;
Обидно, что и говорить...
По пряной мягко-жёлтой россыпи,
Среди деревьев с ранней проседью
Могли бы мы с тобой бродить...
Увы,
но ты не любишь осень.

Как жаль:
сосна в тебя не бросит
Колючей лапой горсть дождя;
И листья клёна этим вечером
Не лягут кружевом на плечи нам.
...И мне сегодня зябко без тебя.
Увы,
но ты не любишь осень...

Над кронами берёз и сосен
Грустит со мною небосвод.
Скользнёт в ладонь
с ветвей рябины мне,
Слезою-капелькой рубиновой,
Созревшей грозди терпкий плод...
Как жаль,
что ты не любишь осень.

...И снова мать покоя не находит

Я поражаюсь женщинам России,
Их вечному смирению с судьбой,
Терпенью грубой власти над собой,
Бесправию, жестокости, насилью...

Давно была поэтами воспета
Их долюшка... Свидетели – века:
Из женских слёз глубокая река
Сливается с теченьем тихой Леты.

Рожает мать детей и верит свято:
Жить будут лучше дочки и сыны,
Что не случится никакой войны,
Что насладятся жизнью хоть внучата...

Прощаясь со столетием двадцатым,
Кто – ликовал... а кто-то ждал вестей...
Лишаясь сна в тревоге за детей –
Молилась мать рассветам и закатам...

Нет горю утешения на тризне...
Таджикистан, Афганистан, Чечня...
Без груза-200 не было и дня.
Понёс ли кто ответ за эти жизни?

А матерям всё ждать, в «спасенье» веря,
Мириться с женской долей и судьбой...
Кто ей подарит радость и покой?
В какие надо достучаться двери?

Мудрец Востока мог бы так сказать:
«Грешит не тот, кто плод земле даёт,
А тот, кто губит несозревший плод...»
...И судит Бог... Но он велит прощать.

Тело

(фото в газете «Жизнь»)

Есть в *жёлтой* прессе
модная страница:
шедевр фото –
полуголая девица.
Естественно, что не Даная:
эпоха Рембрандта иная –
творил художник кистью
и душой!..
Здесь топ-модель за гонорар
(какой?).

Фасон наряда не мудрён:
с плеча спадающий шифон,
минуя чувственный сосок,
смещается наискосок...
Полупрозрачная дорожка
под стройной исчезает ножкой...
Всё схвачено не как-нибудь:
слегка – наверняка – чуть-чуть...
Под модной шляпкой невысокой
прищур с интимной поволокой.
В улыбке вызов и сарказм:
«Скажите, чем я не соблазн!..»

Какое самовыражение –
подать себя на обозрение...
Да, телом дева хороша!
Жаль, что отсутствует душа.

Теракт в метро

«Лубянка» и «Парк культуры»
29.03.10

Противится
случившемуся
разум,
Рыдает сердце...
Объяснимо ль то:
В метро... сегодня...
тридцать восемь
сразу
Невинных жертв...
Душевных травм...
За что?!

* * *

Увижу ль я, хоть раз ещё, когда-то –
Природы первозданной уголки:
Алмазные вершины Арарата,
Севана синь, святые родники?..

Армения! Твоя седая древность –
История печали на крови.
Терпение, святая вера, верность –
Хранители и ангелы твои.

Как грустно видеть мне в глазах-агатах
Глубокую, от горьких лет, печаль.
Над сёлами зависла тень заката,
Разрухи ветхость и тоски вуаль...

Склоняясь до земли, буду молиться
За процветание твоё в веках!
Пусть светятся теплом глаза и лица!
Да снизойдёт пусть мир на Карабах!

Любимый город

Остров Васильевский,
Дворцовый мост...
Здесь Пушкин был,
Есенин жил когда-то...
Художник-время обновляет холст,
храня на мраморных скрижалях даты,
модернизируя барокко стиль...
Любуюсь на Адмиралтейский шпиль,
на арку, на соборы, на мосты...
О, город туристической мечты,
гостеприимнее ты с каждым годом!
Со всех концов земли сюда народы
спешат, нарядами страны пестря...
Здесь позолотой купола горят,
снимая с чугуна и бронзы грусть...
Чарует взгляд романовская Русь!

Я через все мосты твои пройду...
Я вновь по берегам Невы бреду,
с дыханием времён соприкасаясь.
В зеркально-серой глади отражаясь,
любуется собой вечерний город...
Не оттого ль он так красив и молод,
что, словно в сказке, *в воды окунулся*
и в молодца из старца обернулся?!
Город – музей!
К чему не прикоснусь –
Державы мощь!
Здесь процветала Русь!

Признание

Люблю тебя таким, как в это утро:
волна под белым гребнем высока!
Волнуется зелёным перламутром
взвесь горькой соли, пены и песка

Бегу навстречу, под волну ныряя...
Раскроет мне объятия прибой,
прохладой влаги тело освежая.
Я принимаю озорной настрой:
который раз, во власти цепкой хватки,
взлетаю от метровой глубины!..
И тут же ощущаю берег гладкий...
и ласку отступающей волны.

Люблю прибоя ласковые руки
и пенистый, на гребнях волн, мираж...
И чаек крик, и робких всплесков звуки...
О, как люблю тебя я,
мой Балхаш!

Крещение

Январь. Крещенские морозы –
Зимы-хозяюшки прогнозы.
Над прорубью с живой водой
Простор звеняще-ледяной!

Из-под хрустальной кромки льда
Парит священная вода.
Народ, на холод не взирая,
В ту прорубь, как в купель, ныряет!

Мороз двадцатиградусный
Не омрачает праздника.
Обычай, спорт и моржеванье –
Всё совмещается в купанье!

Разносит эхо звон колоколов...
С Крещеньем, россиянин,
будь здоров!
Морозец... смех... вода...
и неба синь...
Крещение Христово на Руси!

Июнь на Северном море

Здравствуй, море!

День

Хмурое небо.
Туч кучевых полотно
Падает в море.

Северный ветер.
Волны по пляжу стеной.
Кружево пены.

Воздух пропитан сырой
Запахом моря.
Чаек ликующих крик…
Вольному воля.

Утро

Всхлипнула чайка.
Робко касается луч
Краешка рамы.

Шелест прибоя.
Ветер очистил от туч
Сонное небо.

Нехотя шторм отступил.
Море вздыхает…
Кот появился в дверях –
Доброе утро!

Дай руку другу

Дружат много лет втроём
Дима, Саша и Артём:
Вместе – в садик...
Дружно – в школу...
Все – в команду по футболу.

У ребят есть друг – сосед.
Что Герой он (!) – знают все,
Что служил в Афганистане,
Был в бою смертельно ранен...

Жив остался их Егор...
Много лет прошло с тех пор.
Саша, Дима и Артём
Часто ходят к другу в дом.
Мусор вынесет один,
Кто-то сходит в магазин...
Хорошо соседу с ними:
Говорливыми, смешными.
Он-то знает наперёд,
Что придёт его черёд:
Ведь сейчас пристанут сами
Вспомнить о боях в Афгане...

Ужасом глаза полны:
Представляют пацаны,
Как душманы расстреляли
Целый взвод на перевале;
Как горел на танке друг...
Тут рассказчик смолкнет вдруг...
И рука, как невзначай,
От лица смахнёт печаль...
Рад общению Егор...
И друзья с мячом – во двор!
А Герой – к окну, с подсказкой, –
Инвалид, без ног... в коляске.

ПРОЗА

Микаел Абаджянц

Прозаик, переводчик. Родился в Ереване, живу в Москве. Издавался в периодических изданиях и литературных сборниках Армении, России, Франции, США, Ливана и др. Представленный здесь рассказ «Картина» вошел в сборник «Мозаика современной армянской прозы» на французском языке. Презентация книги состоялась в марте 2012 г. на 32-ой международной книжной выставке в Париже.

Имею два авторских сборника рассказов «Белая башня» (2002 г.), «Портрет» (2010 г.).

Выполнил множество переводов с армянского языка на русский, участник проектов и автор переводов к текстам полнометражных исторических документальных фильмов по госзаказам.

Долгое время работал редактором в журнале Союза писателей Армении «Нор Дар».

Есть литературные награды.

Король прозы-2009 Международного союза писателей «Новый Современник».

Член Союза писателей Армении, Союза писателей Еревана, Международного ПЕН-клуба, МСП «Новый Современник», Общества русскоязычных писателей Армении и Диаспоры.

Картина

Милый друг, высылаю Вам сию картину, зная Вашу безграничную преданность изобразительному искусству. Предвидя Ваш восторг, спешу предуверить, что благодарностей не приму, ибо сей предмет явился результатом событий не совсем заурядных. Расскажи я о причинах, побудивших меня отказаться от сего великолепного образчика живописи, кому-нибудь другому, я был бы поднят на смех. Но Вы человек глубокой мысли, и мой прежний опыт общения с Вами подсказывает мне, что Вы обладаете достаточной проницательностью, чтобы отнестись к описанным ниже событиям с долей серьезности. В общем-то, и событий никаких не было... Итак, все по порядку. Три дня назад, в воскресенье, я вознамерился посетить салон художественных искусств, что на Московской, прослышав, что открывается распродажа картин художников «маститых». Облачившись в выходной костюм, но решив оставить на вешалке плащ и зонтик, ибо день был погожий, я вышел на улицу и погрузился сразу же в едкую летнюю пыль. Крикнув извозчика, я без особых приключений добрался до вышеупомянутого заведения и, уплатив швейцару, погрузился в мир богемы. Не нужно было быть искусствоведом, чтобы восприять, что за товар здесь предлагали, и приходилось лишь удивляться, что он пользовался спросом.

Скучая и позевывая, я проходил мимо закатов, рассветов, натюрмортов с раками и тухлой рыбой и собрался было уходить, как вдруг был остановлен этой самой картиной. Чудесный мирок широким прямоугольником вторгся в мою душу, рассеяв тоску своим неизъяснимым очарованием. Черная вода неторопливой лесной речушки просвечивалась до дна мягким солнечным светом, с трудом пробивавшимся сквозь кроны вековых деревьев. Шаткий бревенчатый

мостик над водой, уносившей палые листья, весь зарос нежнейшим, точно зеленый бархат, мхом.

Дивный пейзаж так соответствовал моему настроению и был так чудно выписан, что я сразу возгорелся его купить, но было обстоятельство, заставившее меня сдержаться. На мостике стояла девушка. Ее грациозная, стройная фигурка в белом платье, вся в солнечных бликах, непринужденно облокотилась на ветхие перила. Видимо, она глубоко задумалась. Еще раз повторюсь: картина была выписана чудесно. Но эта женская фигурка вызвала во мне глубокое недоумение. Я вообще не переношу человека на лоне природы. По моему разумению, пейзаж оказывается бесповоротно испорченным, стоит появиться на его фоне человеку. Любое очарование пропадает, любая, даже самая дикая сторона теряет свою девственную чистоту, если ее вдруг заслонит силуэт «царя природы». Эта фигурка на мостике раздражала меня нелепостью своего появления, и я всей душой желал ее исчезновения.

Художником оказался высокий молодой человек в костюме нелучшего покроя. Он назвал мне свою фамилию, но я не запомнил ее. В разговоре я выяснил, что это его первое серьезное произведение. Цена оказалась вполне приемлемой, и я заявил, что приобрел бы эту картину и даже заплатил бы несколько больше, если бы он не почел за труд убрать с нее так раздражавшую меня фигурку. Я видел, как юноша побледнел, как опустились его нескладные руки с длинными худыми кистями. Встретившись с его черными погрустневшими глазами, я предложил ему не спешить и подумать. Но, видимо, он слишком нуждался в деньгах и после недолгого, но мучительного раздумья согласился. Мы договорились, что я назавтра, в полдень, приду к нему в мастерскую.

Всю дорогу домой и остаток дня мною владело смутное беспокойство. Меня мучила и терзала эта притулившаяся на мосту белая фигурка, молча и задумчиво выслушавшая мой приговор. Чувство вины

поселилось в моей душе перед немой безропотностью печальных черных глаз художника. Напрасно убеждал я себя, что это всего лишь картина, что женская фигурка – лишь масляная краска на холсте. Тщетно.

Ровно в полдень я стоял в мастерской. Ею оказалась маленькая пропыленная комнатка, заваленная эскизами и пропахшая конопляным маслом. Молодой художник подвел меня к завешенной картине. Я раскаивался. Я молил Бога, чтобы нежная, точно лебединое перышко, фигурка оставалась на месте. Резким движением юноша обнажил картину. Девушки не было. Лишь мутный солнечный блик покачивался на том месте, где она стояла. И тут мне внезапно показалось, что в черной воде со зловещей медлительностью проплыло белое платье. Я видел, как скользнула дьявольская улыбка по худому бледному лицу художника. Он сделал меня участником преступления. Видимо, волнение отразилось на моем лице, и я почувствовал, как эти черные глаза впились в меня. Они не были грустными, эти глаза. Это был безжалостный взгляд убийцы. Я пролепетал что-то и вышел с картиной.

Теперь Вы знаете, мой друг, почему картина эта не может украсить мою коллекцию. Думаю, Вы, человек лишенный предрассудков, и с удовольствием примете сей дар. Как поступить с ним, решайте сами.

Искренне Ваш Н.

Бином распределения

Когда в пылу хмельного откровения поднимают тост за женщину и за любовь, мою душу заливает зависть самая что ни на есть черная, пенящаяся, будто поздно стаявшая с крыш, омывшая грязные водостоки вода. Во всем моем прошлом не сыщется ничего, что походило бы на эту самую любовь. Цвет акаций не усыпал мне плечи весною. И по лицу, молодому и нежному, не пробегала

никогда белозубая улыбка радости от негаданной встречи со мной. Ни разу ни одна женщина не вскрикнула от испуга и боли, не засмеялась от счастья в моих объятиях. Любовь прошла стороной, не заглянув в мою душу, хотя я ждал ее будто чуда. И даже укромный, всегда темный угол рядом с облупленной отопительной батареей на лестничной клетке в доме, где гнила моя юность, так и не втащил меня в свое душное, пахнущее мочой, наполненное похотливым хихиканьем пространство. И не то чтобы я был робок и безобразен или имел пороки душевного свойства. Но некая особенность моей натуры убивала чувство во мне так и не родившимся. И там, где во всякой иной душе отведено место воспоминанию о первой любви, в моей душе томится впечатление странное и в высшей степени болезненное.

Я был студентом, вырванным из родительского дома, и снимал маленькую комнату в полуподвальной квартире. Квартира эта состояла из двух смежных, походивших больше на кельи комнат, обшарпанных и сырых. Двери комнат выходили в общий коридор, в котором были еще три двери, открывавшиеся в сортир, на кухню и на лестничную клетку. Грязь, горы немытой щербатой посуды на кухонном столе, тусклый свет маломощных лампочек, ввернутых в патроны, лишенные абажуров, наводили на мысль, что хозяйка скаредна и ленива. Я снимал меньшую из комнат. Окном в ней служила узкая зарешеченная прорезь под низким, давящим потолком, в которую были видны запорошенные снегом сучья акаций. Солнце каким-то чудесным образом роняло все же свой луч на противоположную от окна стену. Если день не бывал пасмурным, в течение нескольких минут в некий дневной час я мог следить, как ползет нежный блик по почти стертому сыростью и временем рисунку обоев. Колченогий стол под окном, большая скрипучая железная кровать, с трудом уместившаяся вдоль одной из стен и служившая мне еще и стулом, занимали

добрых две трети комнаты. Некоторого равновесия от стола я добился, подсунув под одну из его ножек пятый том курса математического анализа Смирнова. Остальные же четыре внушающих ужас своей толщиной тома, такие же рваные, со страницами, покрытыми фиолетовой татуировкой непристойных рисунков и подписей к ним, я разместил на столе. В один ряд с этими книгами я положил еще курс аналитической геометрии Александрова, несколько справочников Выгодского и Бронштейна и некоторые другие курсы, не вызывавшие во мне никакого энтузиазма. Я с крайней неохотой погрузился в теорию множеств. Меня никак не восхитил полет мысли и фантазии Римана в теории аналитических функций, но рисунки на полях и подписи к ним меня живо заинтересовали. Я отдавался незаметно их изучению, спасаясь от опостылевшей мне науки.

Когда хотелось есть, я выходил в коридор, стучал в дверь большей из комнат, и на мой зов выскакивала всклокоченная хозяйка. Торопливо запахиваясь в халат с грязным, лоснящимся пятном на животе, она шла в кухню. По уговору она должна была два раза в день готовить мне обед, который, естественно, я оплачивал в начале месяца. Обед этот был пережаренной на свином жире картошкой, залитой яйцами. Хозяйка за все время никак не попыталась разнообразить мое меню, и дважды в день все это она со стуком ставила передо мной на пожелтевшей тарелке с голубой каймой вместе с куском хлеба и погнутой вилкой. Делала она это с какой-то странной ухмылкой удовлетворения, которая заставляла меня подозревать, что она нагло обсчитывает меня. От этой ухмылки, от грязного, сального пятна на ее животе, от нечистой вилки с застрявшими между зубьями остатками пищи, от дурно пахнущего жира меня подташнивало, но я терпеливо съедал свой обед, потому как деньги уже были уплачены.

Возраст хозяйки определить было невозможно. Лицо ее покрывали не то оспины, не то выболевшие прыщи. Если бы не эта неровность кожи и дряблость в

лицевых мышцах, оно могло показаться даже красиво очерченным. Хозяйка любила сидеть рядом со мной, прикуривая сигарету от сигареты. Ее масленые глаза, распахивающийся временами на животе халат, обнажавший кожу цвета свиного жира, растрепанные сальные волосы, крашенные во что-то ядовито-соломенное, никак не могли вызвать во мне желания. Когда она давила окурок в мутном стекле, лицо ее начинало трястись от напряжения в пальцах, водянистые глаза сужались в щелки. Потом она отдергивала желтые пальцы от переполненной пепельницы и, шаркая, уходила, разочарованно бросив: «Чай на плите, нальешь себе сам».

Иногда хозяйка уходила из дома. Я слышал, как она одевается, как хлопает входная дверь, и я в квартире оставался один. Дверь в свою комнату она всегда запирала. И от того, что она это делала, я чувствовал себя униженным. Как-то раз, сразу после ее ухода, я выглянул на лестничную клетку. Здесь было темно, лишь с трудом различалась отопительная батарея у стены. В самом темном углу что-то вроде бы шевелилось, был слышен не то нетрезвый смешок, не то шепот, и мне показалось, что оттуда вполголоса кто-то позвал меня. Я захлопнул дверь. Какая-то неведомая доселе тоска овладела в тот миг моей душой. Я был уверен, что в углу этом стояла моя хозяйка.

Улочка, на которую выходило окно моей комнаты, была безлюдной. Каждый шорох, каждый шаг и скрип разносился по ней гулко и долго витал между стен домов. Звуки улицы никогда не сливались в сплошной шум, и мой слух при желании легко выделял любой из них. Однажды, когда мое ухо безотчетно ловило звуки улицы, а глаз задержался на солнечном блике, ползущем по стене, я услышал это... Я не сразу понял, что меня так взволновало. Но я уже ничего не слышал, кроме этого звука. Он был совсем негромкий и напоминал звуки бьющей в водную гладь капели, но был исполнен несравненно большей силой. То была сила молодых

женских ног. Как если бы они, обутые в мягкую кожу, били железом о бетон. Звук этот, дробный, наполненной женственностью и молодостью, потряс мое воображение. Сердце, казалось, не поспевало за ритмом железных каблучков. Звуки постепенно приближались, казалось, они взывают ко всему моему юному мужскому естеству, и душа отзывалась на эти чистые и мелодичные звуки трепетным эхом. Я без отрыва смотрел в узкую прорезь в стене. И вот солнечный свет в ней померк, будто прекрасная черная молния затмила его. Это была стройная, узкая нога молодой женщины, обутая в кожу, уверенно, со звоном ударившая по бетонной плите сверкнувшим на солнце каблучком. Удар этот, казалось, потряс стены моей комнаты. Через мгновение лишь легкое, искрящееся облачко пыли да удаляющаяся грациозная поступь богини утвердили меня в том, что все это не результат моего умственного перенапряжения.

День ото дня я все более погружался в дебри математического анализа и аналитической геометрии. Дифференциальные уравнения, точки разрыва и правила Лопиталя занимали все мое время. Непристойные рисунки на страницах моих учебников стали попадаться все реже и почти меня не интересовали. В одно и то же время передо мной со стуком ставилась щербатая тарелка с голубой каймой, и я стал замечать, что картошки в ней делалось раз от разу все меньше. Хозяйка просиживала со мной все больше времени. От нее все сильнее разило вином, и она делалась мне все отвратительнее. Ее лишенные ресниц глаза как-то странно меня изучали. Она мотала из стороны в сторону ногой с черной пяткой, и от вида этой грязной пятки меня охватывала дурнота. Каждый раз, оставляя меня, она бросала свое разочарованное: «Чай на плите». Потом я слышал, как она одевалась и уходила.

Я был благодарен ей за то, что она уходила в то самое время, когда на стену падал солнечный блик. Примерно в то же время я слышал легкую звенящую

поступь, которая так меня волновала. Мне казалось исполненным особого смысла то обстоятельство, что моя богиня проходила мимо моего окна тогда, когда я оставался один. Я пытался представить ее, и у меня это получалось. Она виделась мне в красном, обтягивающем стан коротком платье. Мое воображение рисовало мне белые длинные ноги, обутые в красные, на высокой шпильке, туфли, руки с длинными пальцами и красными блестящими ногтями. Она была блондинкой с белым, без единой морщинки, лицом. Ярко-красные губы, ярко-синие глаза, черные брови. Она представлялась мне стройной и гибкой, исполненной силы и уверенности. Я чувствовал теплоту, исходившую от ее белого тела сквозь алую ткань. Она представлялась мне так живо, будто я ее где-то уже видел.

Я все больше углублялся в изучение математических функций и их отношений. Страницы, которые я изучал, поражали своей девственной чистотой. Должно быть, никто из моих предшественников еще до них не добирался. Передо мной мелькали белые безграничные плоскости, потрясавшие своей пустынностью. Ни один бугорок не нарушал идеальных граней. Плоскости пересекались, задавались уравнениями и пронизывались бесконечным количеством прямых. Во всем этом не было чувства – лишь холодная логика и мертвый расчет. Я задыхался в этом ледяном мире. И сквозь эту мешанину абстрактных фигур я видел свою Галатею. Я ни на мгновение не забывал ее мягких, прекрасных форм, что меня завораживали. Какой странный контраст был между ее теплым, податливым, обтянутым в красное рельефом и этими мертвенно-белыми плоскостями!

Я находился в каком-то странном полубредовом состоянии. Должно быть, это была любовь. Наконец, я решился увидеть ее. Целый день я с трудом выносил винно-табачный перегар моей хозяйки. Я ждал часа, когда солнечный луч заскользит по стене. Работать я больше не мог. Книги были раскрыты на каких-то белых,

испещренных формулами страницах. Я попытался заставить себя работать дальше, но взгляд мой уперся в бином распределения Бернулли. Голова моя отказывалась соображать. Я тупо смотрел на ненавистную формулу. Зачем-то я взял ручку, повертел ее между пальцами и прямо поверх этой формулы изобразил голый женский зад. От этого мне несколько полегчало. И тут я заметил, что мой обед уже стоит на столе. Хозяйки не было, и на стене появился солнечный блик. Он стал разгораться все сильнее и сильнее и вдруг пополз по стене. Тут же я услышал тонкий, полоснувший меня по нервам звон каблучков. Он нарастал, дробился. Усидеть на кровати я уже не мог. Я выскочил в коридор, распахнул настежь входную дверь, пробежал мимо батареи. Кто-то преградил мне дорогу, пытаясь остановить, и закричал вслед прокуренным женским голосом. Я выскочил на улицу. Оказывается, был яркий весенний полдень. Все искрилось в лучах солнца, даже полные грязной талой воды лужи. Акации, увешанные сплошь белыми нежными гроздьями, источали одуряющий аромат. Ее красное платье, покачиваясь, удалялось в белом цвету акаций. Это была она. Она выглядела такой, какой я себе ее представлял. Я побежал за ней. Мне все казалось, что я не догоню ее. Но я догнал. Она была живой, из плоти и крови. Я схватил ее за руку. Она оглянулась, распахнув свои бездонные синие глаза, обрамленные длинными, как стрелы, ресницами. Лицо ее было белым и гладким, губы нежными и алыми. Солнце отражалось в ее светлых волосах. Она вскинула недоуменно черные брови и вдруг произнесла: «Я разве не сказала? Чай на плите».

Заумь

Водился я некогда с одним странным типом, писавшим стихи. Бегал он за мной по пятам, только бы я взглянул на его творения. Стихи я, конечно, хвалил, мне это не составляло труда, тем более что обсуждали мы их где-нибудь в закрытом кафе или ресторане. Угощение было всегда отменным, на столе искрилось пиво или темнело вино, изумительно пахнул копченый сыр. Оплачивал счета всегда он. И был бесконечно счастлив, когда ему удавалось вырвать у меня похвалу. Хвалил я его не сразу, указывал на слабые стороны его творчества, подбрасывал кое-какие идейки. А стихи, между нами говоря, были совершенно невразумительные. Сам он их называл «заумью», видимо, не вполне понимая значение этого слова. Все, что невозможно было разобрать, объяснить и растолковать, подпадало под эту, выдуманную им, общую формулировку. И когда я спотыкался, запинался, чувствуя, что алкоголь уже замутил мне рассудок... мой приятель многозначительно закатывал к потолку глаза и произносил: «Вот это настоящая заумь!»

Был он много старше меня, хотя молодился. В похотливой дымной атмосфере кафе женские взгляды всегда из нас двоих безошибочно выбирали меня, и он, как мне думалось, от этого всегда несколько страдал. Я прикладывал все усилия, чтобы не показывать, что замечаю это. Он был стар для поэта... для начинающего поэта. И где он обретался все эти годы со своими заумными стихами? Почему привязался ко мне? Да и кто кроме меня стал бы разбирать эти стихи, пролежавшие не один десяток лет в каком-нибудь пыльном ящике? Любой редактор сломал бы ручку, пытаясь добраться до их смысла. Игра корнями слов, поиск двойного значения там, где его не могло быть, поиск абсолютных рифм... Господи, да неужели вдохновение поэта могло выдавать и такие уродливые формы?!

Шло время, наше общение приобретало характер болезненной привязанности. Мой приятель после бесед со мной стал писать стихи значительно лучше. Он все так же стремился мне их показать, но только когда был в настроении и при деньгах. Но к моим замечаниям уже относился весьма критически. Принимал их не сразу, подливал мне вино уже не так охотно, как прежде, объявляя при этом, что поэт такой-то сказал по поводу этого его стиха то-то и то-то... Его уже больше интересовала моя реакция на мнение других, весьма уважаемых литераторов, относительно его произведений. Он уже не принимал мои слова на веру и не торопился оплачивать счета, давая мне время тоже порыться ради приличия во внутренних карманах своего костюма.

Самое удивительное во всей этой истории было то, что сам я стал писать значительно хуже. Исчезло былое вдохновение. Потоки рифм не рвались ввысь, разбилась стройность мысли, тупая заумь все чаще обволакивала мое сознание. Крылатые музы не вдохновляли меня, точно я был скован обязательствами перед другой, тупой и бездарной, силой. А в художественной периодике уже замелькали портреты моего приятеля, о нем говорили уже если не с восхищением, то как о подающем великие надежды поэте. Звонил он мне все реже, все меньше говорил о своей «зауми» и все больше старался оборвать разговор на полуслове, подливая мне пивка.

Я не мог понять, почему в моих произведениях больше не было творческого азарта, почему они стали серыми и заумными. Я объяснял себе это тем, что я уже не юн и повидал жизнь и творчество мое обретает более зрелые формы. Но мои объяснения не имели под собой никаких оснований. Я страшился честно признаться себе, что это тупая «заумь» произведений моего приятеля овладела моим сознанием, что, пытаясь разобрать путаницу его обрывочных мыслей и строк, я сам запутался, оставив в этой липкой паутине все лучшее, что было в моем собственном творчестве. А мой

приятель уже получал литературные награды и больше мне не звонил...

Однажды, когда я прикладывал неимоверные усилия, чтобы написать очередной стих, упорно отгоняя от себя мрачную навязчивую «заумь», раздался телефонный звонок. Мой приятель был в отличном настроении и приглашал меня в шикарный ресторан. Вчера его награждал сам президент за бесценный вклад в литературу. Перспектива хорошо поесть и выпить сразу положила конец моим творческим усилиям, и я охотно согласился. За мной приехал черный автомобиль с желтыми шашечками такси, повез меня по малознакомым улицам. В ресторане все отливало золотом, от яркого света резало глаза. Между столами носились официанты в черных парах и симпатичные официантки. Нам был заказан столик на двоих. Мой приятель вел себя непринужденно и больше не показывал мне своих стихов. Внимание присутствующих привлекал только он. Его узнавали, он был в ореоле славы. Он говорил о том, как быстро смог сделать карьеру в литературе и даже начал приобретать мировую известность. Ну, конечно же, он считается с моим мнением, иначе не стал бы себя обременять такой дружбой. Что-то в его словах мне не нравилось все больше и больше. Мы выпили шампанского и закусили, после чего я сказал ему, что все это хорошо, но что делать с той тупой заумью, которую он мне оставил, да так и не забрал. Сначала он рассмеялся и сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Но я уже порядком набрался и стал тупо настаивать на том, чтобы он избавил меня от этой своей зауми. А про себя еще подумал, что, глядишь, и талант свой удастся вернуть. Но он, точно прочитал мои мысли. Побледнел, стал совсем белым в ярком ресторанном свете. И тут я понял, что он меня на целую вечность старше. Он бросил на тарелку смятую салфетку и позвал за собой. Мы вышли в сад, где гулял холодный бесноватый ветер. Я почти протрезвел, но снова завелся по поводу зауми. Вдруг он выбросил

вперед руку и разбил мне лицо. Моя ладонь оказалась в крови. Он объявил, что на этом наша дружба кончается, что больше он мне никогда не позвонит, и чтобы я тоже не смел его с этих пор тревожить. Я был вне себя от ярости, подобрал с земли булыжник и запустил ему в голову. Больше я ничего не помню.

На следующий день по телевидению и радио только и говорили о том, что великий поэт был убит неизвестным маньяком...

Палимпсест

Из пиктограмм цивилизации,
преданной забвению

О, Великий властитель Белого мира, Фалаас ас Дас! Ты, верно, забыл уже, но сто семьдесят лет назад я, Ардах Ученый, начал работать, по твоему повелению, над конструкцией машины, способной переносить человека в миры Красный и Желтый.

Она создана. Около ста лет ушло на предварительные расчеты. После тщательного изучения их результатов, я пришел к выводу, что вселенная не бесконечна, но свернута в кольцо. Кроме Красного и Желтого миров, с которыми граничит наш Белый мир, существуют еще Синий и Черный. Подставив в уравнение постоянства Шарфи термодинамические коэффициенты Лорлоу, я сумел доказать, что материя, из которой сотканы все эти миры, по своей природе одинакова, но находится в разных агрегатных состояниях. Более того, я доказал, что между всеми мирами существует установившееся миллиарды лет назад динамическое равновесие, и материя с крайне малой скоростью движется по вселенскому кольцу в следующем направлении: из Черного в Желтый, из Желтого в Белый, из Белого в Красный, из Красного в Синий и из Синего в Черный. Я рассчитал, что частица

мироздания – фалон, вылетевшая из Белого мира, лишь спустя триста миллионов лет опять вернется в Белый мир. Множество расчетов снова и снова приводят меня именно к этой цифре. С наибольшей скоростью фалон движется в Белом мире, в Красном мире ее скорость падает на два порядка, в Синем на четыре, в Черном скорость ее приобретает отрицательное значение, и в Желтом мире фалон снова начинает свой разбег.

На принципе постоянного перемещения материи основана работа моей машины. Я рассчитал фалонный ускоритель, который позволяет перемещаться в любом из цветных миров с любой скоростью. На этом предварительные расчеты были закончены.

Дальнейший расчет фалонного ускорителя, на который ушло еще семьдесят лет, столкнул меня с проблемой, которую разрешить, казалось, невозможно. Дело в том, что огромная масса вещества, переносимая ускорителем из одного мира в другой, в мгновение ока нарушает устоявшееся равновесие между мирами, что приведет к взрыву, способному уничтожить нашу цивилизацию. Кроме того, расчеты показывают, что если даже избежать каким-то чудом фалонного взрыва, то все равно всякие впечатления и знания, привнесенные из других миров в наш, скажутся губительно на естественном ходе и порядке вещей нашего мира. Чуждые категории и понятия сотрут грани между мирами, и начнется слияние вселенной, которое и погубит нашу цивилизацию. Я долго размышлял над тем, как избежать этого. И наконец я придумал устройство, которое назвал Палимпсестом. Устройство это крайне сложно: отмечу лишь, что оно работает на основе способности времени и пространства сжиматься. С его помощью возможно, без всякого ущерба для себя, перемещаться в цветные миры.

Ты, мой повелитель, уже можешь сесть в изобретенную мной машину. Ты сможешь бродить среди замков, дворцов и пагод Желтого мира. Ты сможешь усвоить знания его великой цивилизации, ты будешь

разговаривать с его мудрецами, тебе откроются тайны и истины, не доступные обычному смертному. Но, не успев их постигнуть, ты сразу их забудешь. Увиденное и услышанное в твоей памяти обратится в прах, как только остановится твое внимание на чем-нибудь новом. Ты сможешь отправиться в Красный мир. Ты будешь бродить в его прекрасных садах. Ты будешь видеть множество красивейших женщин. Ты сможешь говорить с ними. Но любовь твоя умрет, не родившись. Как только ты отвернешься, прекрасные их лица будут уничтожены в твоей памяти вихрем небытия. Все, что бы ты ни делал, что бы ни говорил, будет стерто шлейфом забвения, который повсюду будет тянуться за тобой. И следы твои на красном песке вскоре сгладятся струей времени. Ты сможешь отправиться в Синий мир, полный угрозы и тайны. Ты будешь вглядываться в его зыбкие картины, рожденные сжимающимся пространством. К тебе будут тянуться синие щупальца спрутов, но, не успев испугаться, ты их сразу же забудешь. Новые образы завладеют твоим сознанием. Я не знаю, какие ужасы и кошмары будут преследовать тебя в Черном мире, но как только ты пожелаешь, всегда сможешь вернуться.

Так действует Палимпсест. Только так мы сможем оградить себя от смертельного влияния цветных миров. Но что толку в этом устройстве, если свершившиеся события в сладострастной памяти не оставят и следа? Напрасно ты будешь силиться воскресить погибшие образы. В ответ на твои усилия из глубины сознания будут всякий раз вырываться Черный, Желтый, Красный и Синий вихри. В такие мучительные минуты лишь одна мысль с навязчивым упорством будет стучаться в дверь запершейся на все засовы памяти: “Я там не был, я там не был, я там не был, я там не был... ”

(Остальная часть текста до нас не дошла за пылью времен, но оттиск древней печатки явственно читаем: “Ардах Ученый”).

Игра не по правилам

Я не хотел играть по их правилам. Но они настаивали. И время, казалось, застыло. Слева возвышались часы, огромные, бронзовые, с двойным пожелтелым циферблатом и золотыми полустертыми цифрами. Циферблат поддерживался двумя неловкими мускулистыми бесами с копытами вместо пальцев и длинными, вьющимися по-бараньи рогами. Выражение на их полумордах-полулицах было лукавое, полное глумливой звериной радости. Часы блестели в золотом свете свисавшего прямо надо мной громадного абажура, справа было черное окно, отражавшее абажур огромным золотым бликом. Впереди возвышалось белое неприятельское войско. И поле боя между нами пока было чистым. Поле будущего сражения напоминало деревянный помост, расчерченный на белые и черные квадраты. Золотой свет ложился на белые квадраты, на белый сдвоенный строй неприятельских фигур, и оттого они тоже казались золотыми. Черные клетки оставались в этом золотом свете черными, но чернота их обретала глубину, будто ночь за окном.

Справа от меня на белой клетке стоял такой же черный воин, как и я, слева на белой клетке стоял черный воин-пешка. Позади меня под черным седоком вдруг захрапел черный конь. И тут дальний от меня бес тяжелым бронзовым копытом запустил время. Мне показалось, что все вздрогнуло от тяжкого первого хода белых. Белый солдат-пешка, прикрываясь щитом и блеснув обнаженным мечом, очутился в центре поля. Навстречу ему выступил черный воин. И тут запустил время бес, что был ближе ко мне. Сражение началось.

Черный воин-пешка справа шагнул вперед. Мимо меня пронеслась белая туша слона, его тяжелые бивни нависли надо мной. Но через мою голову уже перепрыгивал черный рыцарь на вороном коне. Столкновение его со слоном было страшным. Звон

разбитых белыми клыками черных доспехов сотряс воздух. Но черный воин-пешка, что был от меня слева, нанес копьем белому слону смертельную рану. Он переместился на его белое поле, а я увидел, как за края помоста стала стекать густыми потоками кровь.

Напряжение читалось в мордах бесов, исправно стучавших по сдвоенным часам. Страх разливался вместе с золотом абажура и стуком времени. Он блестел на белых и черных доспехах и отражался от белых и черных клеток. Белое и черное – все перемешалось. Смешались времена; казалось, будто это зло и добро снова схлестнулись в своем извечном споре. Но мне до этого не было дела. Я не желал играть по их правилам.

Потом гул сражения стал перемещаться на другой фланг. Я видел, как там двигаются тяжелые, дымящиеся от пушечных залпов крепостные башни и колонны ферзей, разбрасывающие синие молнии. Где-то заржал раненый конь и закричал погибающий слон. И над всем этим адом возвышались два злобных и радостных беса. Выражение на их радостных мордах стало еще более глумливым и жаждущим крови. Потом тот из них, что был ближе, развернул ко мне свою бронзовую морду и подмигнул. Я шагнул вперед сразу на два поля, и в мой щит вонзились тут же два дротика. Я видел, что белые наступают. Черный король в окружении черных фигур отчаянно отбивался от наседавших белых на другом краю поля. Потом я услышал, как с треском тысяч молний столкнулись два ферзя. И я шагнул вперед еще на одну клетку. Я слышал, что за мной идут еще двое: тот, что был справа, и тот, что был слева. Сердце мое быстро стучало. Казалось, что время не поспевает за ним. Белый ряд неприятельских фигур приближался. Впереди возникли солдаты в белом, их полные решимости лица. Трое на троих. Короткая схватка. Звон разрубаемых доспехов. Предсмертные хрипы и снова кровь. Больше впереди уже никого не было. Я был один. Путь был свободен, я двинулся дальше. Черные взвыли мне вслед в предчувствии победы. Рядом со мной поднялся на

дыбы белый рыцарь на белом коне, но он опоздал. Я уже взмывал ввысь. Белый всадник вместе с белым конем опрокинулся набок. Я почувствовал, что делаюсь огромным, как крепость, и тяжелым, будто тысяча слонов. Вокруг меня все смешалось в пыльном вихре. Деревянное поле подо мной треснуло. И вдруг я увидел, что черные уже не радуются, а бегут в страхе от меня. Потом пыльный вихрь захватил и стал кружить вокруг меня фигуры, и черные, и белые. Но мне было все равно – я уже не играл по правилам. Я обрастал звериными бивнями и клыками. Я уже мог коснуться золотого абажура. Два бронзовых беса выронили сдвоенный циферблат, и он тоже закружился вокруг меня, вращая как попало золочеными стрелками. Один из бесов кричал мне, что такой фигуры на поле быть не должно, что это не по правилам. Но мне было не до его правил. Я посмотрел прямо в бронзовую морду-лицо, и вдруг выражение глумливой самоуверенности с него стало исчезать.

Натюрморт к ненаписанному рассказу

Я сидел за письменным столом в своем номере и штурмовал очередной девственно-белый лист бумаги, наводняя его чернильными плотными строчками. Рассказ не клеился, я зачеркивал и начинал снова. Суть рассказа ускользала, как только я брался за перо, просачивалась между букв, оставляя мне лишь абсурдный смешной текст. Обосновать поведение героев не получалось, мотивы и действия моих персонажей в некой точке повествования становились мне самому непонятными, я никак не мог логически верно выстроить сюжетную линию. Мне самому себе не удавалось уяснить, отчего же мои алчные герои, спустившиеся в глубокую шахту по добыче серебра,

оказались не в состоянии разобраться в том, как запустить снова стальной механизм, который их вывел бы на свет Божий, и почему они обречены теперь на гибель, позорную, надо сказать, для представителей Homo sapiens. Я вымучивал новые подробности, стараясь вместить их в общую сюжетную концепцию, но то чего-то остро не хватало, то что-то делалось нестерпимо лишним. Не было божественного вдохновения в моем рассказе, образы изобиловали ржавыми бездушными лебедками, рычагами и шестернями, да и сами герои, и ловушка, в которую они попали, казались всего лишь плодом застоявшегося воображения. Я раз за разом комкал лист бумаги, бросал его в пластмассовую корзину в углу комнаты и начинал писать снова. Наконец я выдохся. Одного упорства было мало. Мои герои в недоумении взирали на меня из мрачного подземелья, им тоже было не понять, чего же от них хотят, во взглядах их застыли в предсмертной судороге безнадежность и неверие, а механизм, который мне не удавалось запустить, становился все более хитроумным, замысловатым, мудреным...

Я зажег белую большую настольную лампу-гриб и в полной уверенности, что рассказ мне написать не удастся, взглянул на стену, где висела небольшая картина маслом. Когда я вселился в номер, то не обратил на нее внимания. Здесь в каждом номере висят похожие натюрморты или пейзажики, чтобы несколько скрасить писательское житье-пребывание. Но сейчас, когда мне не удавалось выдавить больше ни строчки, картина мне показалась прекрасной. На ней был изображен букет каких-то альпийских желтых цветов, не разобрать каких, втиснутый в горло глиняного сосуда. Большая часть букета скрывалась в тени, и выглядел он огромным – величиной с гору. Его вершина больше напоминала расходившееся цветочное море и задевала мягкие призрачные облачка, а сам круглый кувшин тяжело давил на широкую пеструю равнину, начинавшуюся от берега безмятежного озера. Букет оглушал самым

удивительным ароматом, и снова было не понять, что это были за цветы. А в вышине вокруг него долго кружили крохотные точки птиц-мошек. Оставалось только гадать, кто же собрал этот величественных размеров букет и для кого? Внизу, на горизонте, прозрачной, бледно-синей волной накатывал горный кряж, а почти на его гребне виднелась церковь, как вечное олицетворение неистребимых человеческих веры, любви и надежды. Все в картине было туманно от обилия слепящего утреннего света. И весь этот мир был обнесен выкрашенной бронзой деревянной рамой, потемневшей в местах, где ее коснулись нетерпеливые человеческие пальцы, не давшие краске как следует высохнуть...

Я позавидовал вдохновению и выдумке художника, который смог вложить в свое творение столько ума и таланта. Картина дышала свежестью и была разительным контрастом моему тесному и затхлому подземелью. Все в ней было пронизано жизнью, движением и светом.

Я поднялся из-за стола, подался к картине и попытался разобрать подпись в правом нижнем углу холста. Сделать это мне не удавалось. Первой буквой была точно «М». Дальше было не разобрать. Я снова напряг зрение... не может быть! Вдруг я совершенно отчетливо различил: М. Абаджянц. Я стоял в оцепенении, не в силах поверить. Затем догадка потревоженной ночной птицей влетела в мою душу. И только я понял, что сам же и написал в своем воображении этот странный натюрморт, подпись снова стала неразборчивой, да и сама картина померкла, лишилась пронизывающих ее света и смысла и погрузилась во тьму собственных красок.

Портрет

За мертвой осенней веткой показался сруб старой деревенской церквушки. Три башенки, увенчанные когда-то позолоченными крестами, грозили рухнуть. А одна из бревенчатых стен и вовсе развалилась, предоставив дождю промывать свои полусгнившие ребра. Ароматом подгнившей листвы был наполнен свежий лесной воздух, и было жаль, что грубой, некрашеной рамкой обрывается этот чудесный мирок. Только сейчас я сообразил, что стою у картины долго и начинаю привлекать Ее внимание.

– Вы хотите купить?

Но вместо ответа я стал продираться сквозь шумную толпу, расталкивая локтями знатоков истинной живописи. Среди безвкусно размалеванных холстов редко попадались потуги на оригинальность, а еще реже полотна, обращающие на себя внимание и отпугивающие своим правдоподобием и естественностью.

– Хотите, я нарисую вас?

Я столкнулся с Ее грустным и отрешенным взглядом. В толпе, сверкавшей цепочками и заклепками и расхваливавшей во все свое могучее горло свой товар, Она выглядела как-то странно.

– Научите меня рисовать, – вдруг сказал я, едва сдерживая волнение.

На мгновение Она смутилась, но потом, сделав неуловимый жест, повела меня за собой к разбитой временем церкви, к потрескавшимся дверям, которые отворялись медленно, со странным скрипом, поглощавшим все остальные звуки. Она вела меня куда-то еще, иногда оборачиваясь и улыбаясь, и мне стало безразлично все, кроме этого женского лица и этой улыбки.

Мы шли и шли, а Она мне показывала реки и горы, леса и храмы, и я радовался, точно ребенок, любой Ее

похвале. Я понял, что главное - не изображенное, а смысл и чувства, вложенные в него.

Контуры и очертания предметов приобретали двойной смысл. Линия делалась не просто штрихом, а определенным символом, несущим в себе тайну. Я вглядывался в замысловатые узоры, сплетающиеся в замки, храмы, озера, и не мог оторваться от кисти, пока не убеждался, что узор закончен и любая другая линия оказывается лишней. Я стал ощущать прелесть в том, что раньше казалось привычным и простым. И все время я слышал голос, тихий и нежный, ласкающий и спокойный. Я видел Ее прекрасное лицо, его правильные черты и становился уверенней.

И вдруг дорога оборвалась. На краю ее стоял чистый маленький домик. Войдя внутрь, я обнаружил обычную крестьянскую утварь, крепкий дубовый стол, пару неотесанных деревянных скамей. Здесь я работал, создавая свой мир. Здесь я оценил мир реально, сбросив с него покрывало таинственности, сорвав с него маску ханжества и лицемерия.

Здесь все начиналось с Нее. Утро начиналось с Ее улыбки, женственной и непринужденной. Свою опору, точку отсчета я нашел, и этот туманный мир стал тесен. Пытаясь раздвинуть горизонт, я стал травмировать Ее. Дальше Она не могла быть проводником. Здесь кончался Ее мир. Это было тягостно. Рушилась вера в Ее могущество. Все, что было связано с Нею, отходило на задний план, оседая где-то в глубине сознания.

– Хочешь увидеть свой портрет?

Она выводила каждую черточку, внимательно вглядываясь в мое лицо. Я чувствовал, что Она наносит на холст каждую морщину. Не выдержав, я заглянул за мольберт. О, ужас! Это был дряблый самодовольный старик, сверкающий шафрановыми залысинами! Глупое и жестокое выражение лица придавало ему одновременно свирепое и комичное выражение. Это был я.

Бред, сон!

Я бросил Ей грязную пачку денег и стал проталкиваться сквозь толпу, едва сдерживая рыдания.

Поющая ваза

Вид вазы поражал. На деревянной полке музейного запасника стоял бесформенный флакон из мутного, слабо просвечивающего стекла со множеством каких-то включений. И почему профессор называл этот флакон вазой, я никак не мог себе уяснить. Он говорил, что это, пожалуй, величайшее открытие в археологии, потому что нигде в мире, кроме Армении, больше не было найдено предметов из стекла такой древности. Состав стекла также говорил о том, что ваза не была привезена откуда-то, а древний мастер выдул ее из песка, взятого с берегов Севана. Господи, неужели технологии были тогда так несовершенны! Но в самой бесформенности вазы, в неправильности ее пропорций мне виделись ясная человеческая мысль, гениальное озарение человеческого разума. Я все пристальнее вглядывался в сосуд, пытаясь рассмотреть, что же в стекле не растворилось. В стекле что-то мерцало и поблескивало то серебром, то золотом, были видны беловатые осколки маленьких спиральных раковин и какие-то еще черные включения. Профессор сказал, что вазе около 5000 лет. Потом он стал говорить о христианстве. О том, что, дабы очистить от скверны человеческую душу, людьми была создана целая религия, строились громоздкие сооружения-церкви, придумывались обряды. Но древний мастер решил вопрос гениально просто. Да и человеком ли он был в нашем понимании? Может, он был древним пророком или мессией. Ведь и сейчас непонятно, как ваза воздействует на человеческую душу. Эффект ее воздействия совершенно неясен. Можно еще объяснить с помощью науки, почему ваза издает прекрасные звуки... Но почему для каждого человека они разные, неповторимые, воздействующие только на

него одного? Возможно ли такое вообще сотворить человеческими руками? Почему вазу не разбило на грубые осколки время, не обратило в песок, из которого она была создана? И почему нашли её только теперь? Ответов не было, однако ваза жила своей жизнью, манила и притягивала. Я не мог оторвать от нее взгляда, точно в ней таилось спасение моей души, ее очищение.

Профессор взял бережно вазу в руки, подумал немного, а потом протянул ее мне. Стеклянная ваза была кое-где шероховатой, а где-то неровной, словно гладь озера, с берегов которого был отобран для нее золотистый песок. И, по совету ученого, я дохнул на горлышко вазы... совсем чуть-чуть, едва-едва. И ваза отозвалась... Отозвалась мелодией самой прекрасной, какую я только слышал. Мелодия была простой, но поражающей воображение. Она затихла не сразу, всколыхнув недра моей души. В моей памяти воскресли самые затаенные детские обиды, которые я уже и не помнил. Мелодия прощала, как прощает тебе все, в конце концов, мать... Я увидел родительский дом, живых и здоровых родителей, которые были веселы и жизнерадостны. Промчались школьные годы, пронеслись в душе воспоминания о страшных муках юношеской неразделенной любви. Прошла вся моя жизнь со всеми ее ошибками, в которой все теперь полнилось раскаянием, а, следовательно, и неизбежным прощением... И я чуть было не заплакал, словно маленький мальчик, настолько прекрасными были звуки этой мелодии. Зачем-то я старался запомнить эту мелодию навсегда, навеки, на всю жизнь, чтобы в схватке со смертью, в самой агонии ее снова услышать. Но она затихла в глубине сосуда, и я уже ее не мог вспомнить. Снова подышать на горлышко мне уже не хватало сил. Такое сызнова было невозможно услышать и пережить. Это означало бы предать само воспоминание об этой мелодии... Да и делать это было незачем, ведь мне уже все простилось...

Ольга Грушевская

Я думаю, что живу сразу в нескольких пространствах, мало пересекающихся, каждое - со своими рассветами, закатами, кофейными чашками, затылками, профилями и своим бисерным прошлым. В каждом пространстве я – иная, сама себя встречу на тропинках пересечения – не узнаю.

Я думаю, что время подобно зеркалу: чем упрямее его торопишь, тем медленнее оно тянется; чем сильнее боишься его скоротечности, тем быстрее оно несется, а если пытаешься быть «здесь и сейчас», так оно, вообще, начинает вращаться назад, и вот ты уже, как четки, перебираешь в памяти события и фразы.

Пространство и время настолько капризны и своенравны, что могут обрушить в одну секунду все то, что долго казалось важным и незыблемым. Но... я упрямо балансирую на нитях собственных иллюзий и придумок, уверенная в том, что тот, кто там наверху пьет чай с яблочным пирогом, меня всегда поддержит и поймет даже тогда, когда я злюсь на него.

Родилась и живу в Москве. Окончила Московский государственный педагогический университет (МГПУ) им. В. И. Ленина, ф-т английского языка; Московский гуманитарный университет (МосГу), ф-т психологии и социологии.

Печатаюсь в российских периодических изданиях, литературных альманахах, сборниках московской прозы. Ряд произведений опубликован за рубежом (Израиль, США, Армения, Украина). В 2008-2011 гг. возглавляла редакционную и судейскую коллегии МСП «Новый Современник». Руководитель проекта «Московский Салон Литераторов (Моссалит).

Основные жанры – психологическая проза, прозаическая миниатюра.

Детям трех поколений нашей Семьи

Дети[1]

Пара слов о взрослых, которые хотят погрустить

(вместо вступления)

Когда взрослые хотят погрустить, они возвращаются туда, где прошло их детство, а так как детство, как, впрочем, и вся жизнь, трех поколений прошло в старом доме, то неважно, что существует между ними временной разрыв, они все равно чем-то похожи – все дети этой Семьи. И тогда из памяти вспышками возникают образы, вне зависимости, когда это было и с кем, до или после, главное, что в одном доме, под одними деревьями, на тех же тропинках. Ушедшие смотрят на подрастающих, совершенно не зная их и не замечая сходства, а те лишь пробегают мимо, бросая на ушедших скользящий взгляд и вспоминая, что они уже видели эти лица на пожелтевших фотографиях. И тогда где-то в подсознании наступает ощущение неразрывности семейной нити, обусловленности и закономерности случайных движений.

Глава 1

Машина подъехала к воротам и остановилась. Эмма вышла и, скрипнув калиткой, вошла на участок, а точнее, в редкий лес, в глубине которого, прячась среди листвы старых деревьев, виднелся хорошо знакомый дом.

Она приехала в гости, туда, где когда-то жила в юности и где ее всегда ждали. Прошло много времени, и она очень волновалась, что ничего не узнает, не

[1] *Печатается в сокращении, редакция 2012 г.*

вспомнит да и, вообще, что все перестроили, лес окультурили, посадили английский газон, поставили пластиковую мебель, отгородились глухими заборами и расслабились. Она также не знала, кто живет теперь в этом доме, а потому на короткое «Приезжай» в телеграмме, долго смотрела, понимая, что ее зовут просто так, на чай с конфетами.

Обе-е-дать! – прозвучал голос откуда-то из дома, настойчиво, но допуская некоторое промедление.

Эмма оглянулась, ища, к кому это относится, и в ту же минуту увидела, как две девочки сломя голову подкатили на велосипедах к калитке. Они на ходу перекинулись:

– Пока…

– Пока, до вечера, – и одна из них влетела на участок. Соскочив с велосипеда и пристроив его к дереву, девочка спокойным шагом направилась к дому. Это был нескладный мелкий подросток женского пола, который всем своим видом демонстрировал, что никуда и не уходил, а шатается здесь по участку с самого утра. В руке девочка держала пластиковый пакет.

– Привет, – обратилась к ней Эмма, в надежде завязать разговор и заявить о своем появлении. – А что это у тебя в пакете?

Девочка лишь слегка оглянулась, посмотрела сквозь гостью вдаль, как будто никого не видела и, мотнув головой, стала быстро удаляться.

Оставленная без внимания, Эмма почувствовала некоторую обиду от такой невоспитанности. Однако неожиданно откуда-то из-за деревьев прозвучал удаляющийся голос:

– Лопатка и совки. Мы закапывали клад.

Эмма вздохнула – разговор завершился сам собой – и сосредоточилась, в каком направлении ей идти.

– Обе-дать! – вновь прозвучал все тот же голос, но уже более настойчиво.

Решив, что будет несколько бестактно появляться к обеду без приглашения, Эмма подумала переждать

обеденный час и появиться чуть позже, а пока погулять по окрестностям. Разглядев впереди небольшую чудную постройку и движение вокруг нее, она направилась по дорожке вглубь леса.

Трава была невысокой, ноги легко ступали между земляничными кустами, мать-и-мачехой и сиреневыми головками клевера, пахло свежестью и сухой травой.

Неожиданно сзади раздалось необычное жужжание. Эмма обернулась и увидела двух маленьких детей, мальчика и девочку, направляющихся прямо на нее на аккумуляторном детском джипе. Перед машиной, попрыгивая и оглядываясь, бежала задыхающаяся трясогузка, рискующая попасть под колеса, но упрямо не желая сдаваться. Тоненький прозрачный мальчик с умными насмешливыми глазами, которому на вид было года четыре, управлял автомобилем легко и отрешенно. Девочка лет трех сидела рядом, с крепким и уверенным взглядом, решительно сжимая под мышкой двух рыжих котят. Подпрыгивая на кочках, дети не издавали ни единого звука, только вздрагивали девочкины бантики. Наконец, едва не лишившись жизни, взъерошенная трясогузка взлетела в последнюю минуту, признав поражение. Парочка же на большой скорости пронеслась в нескольких сантиметрах от Эммы, а затем зигзагами ловко запетляла дальше между деревьев. Эмма отпрянула в сторону.

«Это очень самостоятельные и красивые дети, – решила она для себя, – однако достаточно самоуверенные и вредные, так как явно хотели меня напугать». Ей бы очень хотелось приостановить их и рассмотреть поближе, узнать хотя бы, чьи они и где их родители. Но детей и след простыл, словно их и не было.

Эмма продолжила свой путь вглубь леса, пока ее внимание не привлекло сооружение – большой шалаш, построенный из веток и покрытый сверху сухими листьями. В шалаше кто-то копошился, и не один. Поскольку Эмме уже давно хотелось вступить в беседу со здешними обитателями, то она с радостью направилась к

постройке, чтобы хоть с кем-нибудь познакомиться и навести предварительные справки. Вскоре из шалаша вылезло маленькое смешное создание с разукрашенным краской лицом и вороньим пером в золотистых локонах.

– Как тебя зовут, детка? – ласково обратилась к ней Эмма.

– Белый Волос, – прошептала крошка и захлопала глазами, прекрасно зная, что маленьким детям нельзя разговаривать с посторонними.

– Ты здесь одна или с друзьями? – Эмма присела на корточки перед Белым Волосом.

– Здесь еще моя лошадь, – девочка указала на большого старого боксера, совсем не подозревающего о том, что является индейской лошадью, и потому мирно дремавшего недалеко от шалаша. Тем не менее, в шалаше был кто-то еще и явно следил за разговором.

Эмму это смутило, но она решила продолжить беседу:

– А почему ты не идешь обедать? Я слышала, как всех звали.

– Нас не зовут, мы там не живем, – ответил голос из шалаша.

– А где же вы живете? – удивилась Эмма.

– Здесь. А с теми мы враждуем, – снова пояснил голос.

– А... понятно, – Эмма включилась в игру и вытянула шею, чтобы разглядеть того, кто был в шалаше. – Значит вы индейцы. А кто же живет в доме?

– Бледнолицые. Это мама и бабушка, – прошептала златокудрая крошка и вздохнула. Похоже, ей давно хотелось закурить трубку мира с бледнолицыми родственниками и стащить со стола сушки с конфетами, но она не решалась – кто-то в шалаше ей мешал.

– Обе-дать, – прозвучал уже более настойчиво знакомый голос из дома.

Эмма встала, отряхнула юбку от еловых иголок и оглянулась, размышляя, не отвести ли малышку в дом, хотя бы на обед. Однако рядом с ней неожиданно

оказалась высокая тонкая девушка с бледным лицом и большими глазами. Было очевидно, что это не она пряталась в шалаше. Девушка была грустна и необыкновенно красива, но от ее мраморной красоты веяло холодом.

– Не желаете ли билет? – спросила девушка.

Эмма оглянулась по сторонам в поисках того, к кому обращалась незнакомка, но поняла, что вопрос адресован ей. Подумав, она ответила:

– Да, пожалуй. Сколько стоит?

– Десять копеек, – ответила девушка без всяких эмоций и протянула тонкой музыкальной рукой голубой узкий листок.

– А куда я могу с ним пройти? – поинтересовалась Эмма, разглядывая бумажную полоску без опознавательных знаков.

– Куда угодно. Сегодня спектакль.

– Да?! Как это интересно, – Эмма была искренне обрадована побывать хоть в каком-то местном обществе и уточнила: – А во сколько?

– Вечером, когда все соберутся, – ответила загадочная билетёрша и повернулась, чтобы уйти к дому.

– А что за представление? Кто будет исполнять? – не унималась Эмма, догоняя девушку.

– Пьеса написана давно, роли распределены, есть декорации, костюмы, исполнители, штора повешена между двух деревьев, но все время падает. Стулья и кресла расставлены. Участвуют дети, для взрослых – буфет с ситро, печеньем и конфетами. Сестра будет спать, она еще маленькая.

Девушка остановилась, покачала головой и сказала:

– Не ходите за мной, вам совсем в другую сторону, – и добавила, указывая рукой: – Вам туда.

Эмма послушно двинулась в указанном направлении и, обогнув дом у Стеклянной террасы, оказалась на небольшой поляне, окруженной осинами и молодой порослью рябин.

Глава 2

На поляне в два ряда были выставлены разновеликие стулья, кресла, скамейки и табуретки, образуя импровизированный зрительный зал. Между двумя деревьями, на чуть провисшей веревке висела ярко синяя штора, сдвинутая в одну сторону и приоткрывающая сцену, где, вероятно, и должен был состояться вечерний спектакль. Было тихо и пустынно. Над сценой кружили желтые бабочки-лимонницы.

Никаких декораций Эмма не увидела, только большую коробку с нарядами, старыми соломенными шляпами, пестрыми юбками и детскими игрушками из папье-маше. Однако, заглянув за штору, она обнаружила большое зеркало, рядом с которым стоял мальчик лет двенадцати и отрабатывал балетные па. Эмма решила ему не мешать и присела на один из плетеных стульев. Мальчик был полностью сосредоточен на себе и не замечал ее, повторяя одни и те же движения.

– Здравствуй, – прозвучал тоненький голосок где-то сзади.

Эмма повернула голову и встретилась взглядом с еще одной маленькой девочкой – та примостилась в другом ряду в большом кресле, таком большом, что почти в нем терялась, а потому и не грех было ее не заметить. Взгляд малышки был пытливый и настороженный, в руках она держала сломанную куклу, а на ремешке через плечо висел старинный фотоаппарат.

«Сколько здесь девочек, бабье царство какое-то», – подумала Эмма и улыбнулась:

– Ты кто?

Девочка взяла фотоаппарат и, быстро сделав снимок, сказала:

– А у меня будет твой портрет. – Она была худенькая, с тонкими волосиками, собранными наверху в косичку-петельку с мятым бантиком, в клетчатом платье и чулках на резинках. – Я здесь живу.

– А кто этот мальчик? – Эмма кивнула в сторону сцены. – Он выступает сегодня?

– Мне нравится, что ты задаешь много вопросов. Значит, тебе интересно. И значит, меня кто-то, наконец, выслушает. Я никак не успеваю всем все объяснить – все куда-то все время торопятся. А тебе я смогу рассказать все подробно.

Эмма с удовольствием приготовилась слушать.

– Она тебе нравится? – девочка начала играть со сломанной куклой. – Эту куклу мне купила мама, а я упала и разбила ее, – объяснила она грустно, – теперь у нее расколота голова и все время выскакивают глаза.

Эмма сочувственно улыбнулась:

– А как зовут твою бедную куклу?

– Эмма, – ответила девочка и бросила хитрый взгляд на свою собеседницу.

От неожиданности Эмма растерялась и, посмотрев на разбитую игрушку, слегка поежилась.

– Здесь всех кукол зовут Эммами. Но не все они разбиваются, – пояснила девочка и добавила: – Ты можешь ее починить?

Эмма решительно покачала головой:

– Мне кажется, тут нужен мастер, чтобы все склеить.

– А мне кажется, не так. Мне кажется, что если бы я была на твоем месте, я бы легко могла ее починить. Вот. – Внезапно девочка с мятым бантиком подалась вперед и радостно прошептала: – Смотри, дети едут. Я за них всегда переживаю.

В это время на поляну вновь выкатил джип и резко затормозил около них. В нем красовалась все та же парочка: тоненький мальчик и крепкая девочка, с серьезными лицами, на которых теперь отражалось крайнее любопытство. Мальчик быстро выскочил из машины и подошел к девочке с мятым бантиком.

– Я тебя знаю, – он резко взял у нее разбитую куклу, кинул в машину, вскочил обратно и нажал на педаль газа. Через секунду они уже умчались в осины и

рябины, не обращая ни малейшего внимания ни на какие лесные препятствия, да и, вообще, ни на какие другие.

– Он все чинит, – пояснила девочка с мятым бантиком. – Он умеет. Только не любит пуговицы. Мне кажется, эти дети чем-то на меня похожи, – продолжала она. – На самом деле, это не удивительно. А там, – она кивнула на танцующего мальчика и заболтала ногами, – мой брат. Он учится в балетной школе при самом знаменитом театре. Вот.

– Он очень хорошо танцует, он станет, наверное, известным танцором, – Эмма пыталась уследить за родственной линией, хотя чувствовала, что это ей слабо удается.

– Нет, – протянула девочка. – Он погиб на войне, когда ему исполнилось восемнадцать, и я его вообще не знаю, только это, – и она достала из кармашка пожелтевшую фотографию восемнадцатилетнего юноши с грустными глазами.

Эмма внимательно посмотрела на фотографию и вспомнила, что уже видела ее в этом доме, давно-давно, когда жила здесь ребенком. Фотография висела на стене, в металлической рамочке, рядом со старым сервантом.

– Пойдем к бабушке, – девочка выбралась из кресла и потянула ее за руку.

Поодаль у большой ели в кресле сидела старая женщина, та, которая ходила в черной юбке и смотрела на мир со вздохом. Она задумчиво разглаживала на коленях мятый листок бумаги.

– Она читает письмо от моего брата. Я знаю, что там написано. Там написано: «Милая моя бабушка, ничего не бойся, я тебя защищу, а когда я вернусь, мы будем пить чай с твоими сушками». Вот что там написано, и она все время это читает и очень ждет его. Только все получится по-другому.

Девочка улыбнулась, подпрыгнула на одной ножке и побежала к дому.

– А вам дали билет? – крикнула она на бегу.

Эмма хотела ответить, но отвечать было некому: девочка с бантиком уже скрылась среди деревьев.

«Как здесь все чудн***о***, – заметила про себя Эмма, – одни дети, все перепутано и безвременно». Она почувствовала, что время где-то нарушило свое движение, перемешав прошлое и настоящее.

Вскоре Эмма разглядела группку людей рядом со старым домом, которые обедали на улице, и решила, наконец, подойти к столу, объявиться и присоединиться к ним. Она окончательно запуталась в детях и происходящих здесь событиях, не говоря о том, что не отказалась бы и от чашки чая с конфетами.

Глава 3

За столом сидели три женщины и четыре ребенка. Детей кормили с ложки. Одни как галчата открывали рты, другие отворачивались. Их завлекали разговорами. Среди детей Эмма узнала парочку на джипе, белокурого ангелочка с боевой индейской раскраской и новую девочку, глазастую, удивленную, послушно открывающую рот навстречу ложке с супом. Суп выдавался всем детям по очереди из одной большой фарфоровой супницы, стоящей посередине стола. Кормила всех крупная и уверенная женщина, та, которая всех воспитывала. На ней был надет большой передник поверх цветастого платья. Другая женщина, та, которая ходила в зеленых костюмах и была сумасбродной и тщеславной, сидела тут же рядом и быстро печатала на пишущей машинке. Периодически она поднимала глаза, смотрела поверх очков и говорила молодым голосом, деловито обращаясь к детям и остальным взрослым:

– А ребенка нашли в дупле. Вытащили и решили отнести в дом, чтобы он жил вместе со всеми нами.

– Ешь, – ложка набирала новую порцию.

– А потом, все шли по дорожке и пели веселую песню, – продолжала та, которая ходила в зеленых костюмах. – А впереди всех шел большой лев...

– А за ним шла жена льва… – сказал кто-то из детей.

– А потом шла мама в большой красивой шляпе с цветами, – мечтательно заметила та, которая ходила в зеленых костюмах, и вздохнула.

– Нет, – категорически прервала ее глазастая девочка. – Мама была без шляпы. Шляпа на нее не налезает, потому что у нее от меня голова распухла.

– Над ними кружили птицы, и бабочки порхали в ярком свете… – стучали молоточки печатной машинки.

– Ты же сказала, что была ночь! – снова возразила глазастая удивленная девочка и недовольно отвернулась от ложки.

– Ешь, – строго сказала та, которая всех воспитывала, и с укором посмотрела в сторону той, которая ходила в зеленых костюмах и допустила такой промах.

– Порхали в ярком свете луны, – быстро поправила та.

– А бабочки ночью не порхают, а спят в цветах, как в домиках, – не унималась настойчивая глазастая девочка. – Ты так сама говорила вчера, я помню.

– А это были ночные бабочки, – снова нашлась та, которая рассказывала сказки и печатала на машинке.

– Есть такие ночные бабочки, мотыльки называются… – вступил тоненький мальчик из джипа, который не любил пуговиц, но не договорил, так как ложка супа заполнила его рот.

Та, которая рассказывала сказки, с благодарностью посмотрела на него и продолжила.

– И все шли по дорожке домой и весело пели… – стучала в такт ее словам печатная машинка.

– О-ля-ля, о-ля-ля, – заголосили все дети с полными ртами, так как по всей вероятности историю эту слушали уже не первый раз.

– А потом дети принесли морковку и вставили снеговику нос, – неожиданно вступила третья женщина, которая тоже сидела за столом. Она была моложе первых

двух и была глухой. Ей тоже хотелось участвовать и что-нибудь рассказать, ведь она много читала и много знала и была одинока.

Все повернулись и посмотрели на нее укоризненно, а самая маленькая девочка, та, которая каталась на джипе с котятами, протянула:

– Не-ет, это про друго-ое, это про зи-иму... – и бросила хлебную корочку назойливой трясогузке, разгуливавшей вокруг стола.

И тогда та, которая была глуха и поняла, что вступила не к месту, замолчала и улыбнулась, незаметно стащив у тоненького мальчика баранку. Мальчик же решительно снял нагрудник, давая понять, что его трапеза завершена, и спросил, обращаясь в никуда:

– А там что? – все посмотрели на него, а затем туда, куда смотрел он.

Прозрачный мальчик, который не любил пуговиц, смотрел на синее небо, где не было никаких облаков. Та, которая ходила в зеленых костюмах, прекратила печатать и молча взглянула наверх поверх очков. Затем, пожав плечами и ничего не ответив, она вновь принялась за работу. Та, которая была глухая, хотела высказать свое предположение, так как много читала и имела свое мнение, но ее перебила та, которая всех воспитывала:

– А... все это ерунда. Ничего там нет, что бы ни говорили, – затем отрезала кусок колбасы и сунула рыжему котенку, которого самая маленькая девочка по-прежнему крепко держала под мышкой, как градусник.

– Небо, – равнодушно предположил белокурый ангелочек с боевой раскраской, заглотив последнюю ложку.

– А дальше? – продолжал мальчик и сощурил хитрые глаза.

– Еще небо, – уверенно сказала глазастая девочка и посмотрела наверх еще раз.

– А дальше? – настаивал мальчик.

– Космос, – гордо сказал ангелочек с боевой раскраской, никуда не посмотрев, а положив еще одну баранку в солидное строение, отдаленно напоминающее забор, который они с глазастой девочкой успели за время трапезы построить на столе между своими тарелками.

– А дальше? – не унимался тоненький мальчик и даже встал ногами на лавку.

Все тут же стали усаживать его обратно, стыдить и приводить примеры, поскольку стоять ногами там, где сидят, считалось неприличным.

Воспользовавшись замешательством, та, которая была глухая, успела вставить:

– А дальше звезды, солнца, галактики, я знаю, я читала...

– А дальше? – мальчик чуть не плакал.

Та, которая ходила в зеленых костюмах, прекратила печатать, сняла очки, внимательно посмотрела на мальчика и спросила молодым голосом:

– А знаешь, что дальше? – и, помолчав, уверенно договорила: – Бог!

Мальчик замолчал, словно удовлетворился ответом, но затем тихо прошептал:

– Ну, а дальше, дальше что?

Все устало молчали. Супница была пуста, печатная машинка уже не стучала, а над столом жужжала муха. Тогда та, которая всех воспитывала, прищурив глаза и внимательно посмотрев на мальчика, сказала:

– А ты сам скажи, что дальше.

Все повернули головы в его сторону.

Мальчик встал, взял свою спутницу с котятами за руку, усадил в джип, временно припаркованный у обеденного стола, затем забрался в него сам и, уже заурчав мотором, громко крикнул, куда-то высоко в небо, всей собравшейся компании:

– А дальше – забор! – И машина вновь исчезла между деревьями.

Вся компания вернулась к своим делам, ничуть не потревоженная стремительным отбытием детей. Та, которая ходила в зеленых костюмах, продолжила печатать на машинке, одновременно зажимая телефонную трубку плечом и ведя с кем-то эмоциональную беседу, восторгаясь и возмущаясь. Та, которая была глухая, пела высоким голосом, рассматривая поддельные украшения на тонких голубоватых пальцах не состарившихся рук. А та, которая всех воспитывала, начала пить чай с баранками и устало смотреть вдаль сквозь елки, сосны и кустарники... Глазастая девочка и ангелочек в боевой раскраске поняли, что уже не нужны как объекты кормления, поэтому сползли со стульев и незаметно исчезли в доме.

Эмма решила воспользоваться моментом, подойти к столу, наконец, объявив о своем приезде, и пообщаться с дачными жителями – пока нет детей. Она улыбнулась, сделала несколько шагов вперед, но никаких приветствий сказать не успела, так как в это время чей-то звонкий детский голосок закричал:

– Пожар! Пожар! – И все засуетились и забегали, не обращая на Эмму ни малейшего внимания.

Та, которая ходила в зеленых костюмах, тут же начала звонить в пожарную службу, представляться уверенным голосом и вызывать все возможные машины, всех пожарных и их руководство. Та, которая была глухая, почему-то обрадовалась, заинтересовалась и стала немедленно писать письмо дальним родственникам о происходящем неприятном событии. Та же, которая всех воспитывала, быстро сбегала в дом, набрала в дуршлаг воду и, поливая себе ноги, выбежала в направлении пожара.

Глава 4

Эмма повернулась в сторону голубого дымка в лесу, недалеко от пинг-понгового стола, и побежала, понимая, что быстрее всех доберется и выяснит в чем дело.

Через минуту она оказалась у небольшого костра из еловых шишек и веток, рядом с которым стоял высокий худой сероглазый мальчик в рубашке и шортах. Он жег бумаги. Эмма подошла к нему и поздоровалась. Мальчик приветливо улыбнулся в ответ, продолжая кидать в костер пачки исписанных листков. Эмма взяла один из них и увидела множество формул. Они покрывали бумажные листы как иероглифы, совершенно ей неведомые.

– Что это? – спросила Эмма.

– Мои расчеты, – улыбнулся мальчик и добавил вскользь: – Я – математик.

– «Я – математик», Норберт Винер[2], – улыбнулась Эмма, вспоминая корешок среди отцовских книг по физике и математике, стоявших в его книжном шкафу в большой комнате.

Мальчик с интересом посмотрел на нее и проговорил:

– Да-да, совершенно верно, но мне кажется, это было несколько позже.

– Позже чего?

Мальчик не ответил и разговор прервался.

Эмма подняла крышку от обувной коробки, на которую случайно наступила. На внутренней ее стороне красовался мальчишечий рисунок карандашом. Она оглянулась и с удивлением обнаружила множество других похожих рисунков, разбросанных повсюду на

---

[2]*Норберт Винер «Я – математик» – автобиография американского ученого Н. Винера (1895–1964), его имя стало широко известным во всем мире после появления в 1948 г. его книги «Кибернетика», сыгравшей большую роль в оформлении кибернетики как самостоятельной дисциплины.*

клочках бумаги, на целых листках, на картонках. Везде была война: танки, пушки, солдаты и взрывы.

– Что это? – удивилась Эмма.

– Война, – сказал мальчик и вздохнул. – А это мой брат. Он остался там, – добавил он и вытащил фотографию, которую Эмма уже видела у девочки с мятым бантиком, фотографию восемнадцатилетнего юноши с грустными глазами.

– Нет, – Эмма решила успокоить сероглазого мальчика, замотала головой и спешно заговорила: – Твой брат там, на сцене, репетирует перед спектаклем, он танцует. Я его видела, ты ошибся. Я точно его видела!

Мальчик задумчиво посмотрел на нее и вернулся к своему занятию, подбросив еще несколько рисунков в костер, а затем сказал:

– Вы и меня видите…

Эмма пожала плечами и огляделась в поисках места, куда бы сесть. Она примостилась на лавочке около пинг-понгового стола и увидела на зеленой траве другие листки – тетрадные страницы со стихами.

– Это тоже твое?

Мальчик оживился:

– Давайте вместе сочинять, прямо сейчас. Я начинаю, вы продолжаете.

Эмма с сомнением подумала о своих поэтических способностях, однако решила согласиться, поскольку ей показалось это забавным. Она кивнула и приготовилась.

Мальчик обрадовался и начал:

А потом, забыв про утомленье,
Застучал по крыше летний дождь,
И пропало наше отчужденье…

Он остановился и выжидательно посмотрел на Эмму. Она растерялась, так как не очень могла сразу сориентироваться, что же там произошло после того, как застучал летний дождь, однако слова выскочили сами:

– *Улетело в поле, не найдешь.*

Мальчик одобрительно кивнул и продолжил:

И взглянув в усталые глаза друг другу,
Поняли – забыли мы давно
Прелесть встречи, равную испугу…

– *Выпить захотелось нам вино*, – проговорила Эмма последнюю строчку, громко и уверенно.

– Правильнее, конечно, сказать «вина», – поправил мальчик, но тут же добавил: – Но тогда не будет рифмоваться. Ничего, и так неплохо. Это будет поэтическая особенность. Продолжим.

И он продолжил:

Положила руки мне на плечи,
Выдохнула тихое «Прости»,
Догорали звезды, словно свечи…

Эмма на секунду задумалась, потом радостно воскликнула:

До утра нам пели соловьи.

Они смеялись, крайне довольные выдумке, подбрасывали в костер бумажные листки, которые тут же превращались в голубой дым и исчезали где-то высоко в небе. Над ними шумел лес и светило солнце.

– А вот еще, – сказал мальчик и прочитал:

Вот я весь. Я вышел на подмостки.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далёком отголоске
То, что будет на моём веку.

Это шум вдали идущих действий.
Я играю в них во всех пяти.
Я один. Всё тонет в фарисействе.
Жизнь прожить – не поле перейти[3].

– И это тоже ты? – удивилась Эмма.

– Нет, что вы, – засмеялся мальчик. – Это уже известный, великий поэт нашего века. Вы разве не читали?

Эмма не была уверена в своих познаниях, поэтому решила чуть-чуть отвлечься от темы и спросила:

– Зачем ты все это сжигаешь?

– Чтобы им было меньше забот. Это никому не нужно.

Эмма вдруг подумала, что он, наверное, прав. Ей не было от этого странно, и она даже еще рьянее начала помогать ему, но все-таки почему-то было грустно, и она незаметно сунула несколько листков в карман.

– Смотри, смотри, я их знаю, какой же он стал беспомощный! – воскликнул мальчик, и Эмма повернула голову в сторону дорожки, уходящей от дома вглубь леса.

Глава 5

По дорожке шла та самая девочка-подросток, с которой Эмма столкнулась в самом начале у калитки. На этот раз она была без велосипеда и без пакета с совками для откапывания кладов. Впереди она толкала кресло на больших колесах, в котором сидел пожилой человек в вязанной черной кофте, широких синих штанах, в тапочках и в серой шапочке колпачком. Старик что-то методично объяснял ей, пытаясь крутить не двигающейся шеей, а девочка-подросток громко пела, вертя головой по сторонам.

---

[3] *Борис Пастернак «Гамлет»*

Пела она обо всем, что приходило ей в голову – о птицах, о цветах, о собаках и кошках. Выглядела она вполне счастливой и удовлетворенной. Потом в своей песне девочка стала обращаться к кому-то на «ты» и начала петь о любви. Но о любви она ничего не знала, поэтому со своих песен перешла на чужие и сначала попробовала высоко взять «...я вижу мачту корабля, и ты на палубе...», но голос сорвался, и она перешла на «со мною вот что происходит, совсем не та ко мне приходит...». Однако не уверенная в том, кто именно должен прийти, она вскоре снова вернулась к началу и запела про ежей. Старик был недоволен ситуацией, он явно утомился от песнопений и хотел обедать.

Наконец, девочка-подросток поняла, что ее спутник что-то говорил ей. Она остановилась, села напротив него на корточки и внимательно посмотрела ему в глаза.

– Мне так скучно, я чувствую себя такой одинокой, – вздохнула она и погладила его по большой узловатой руке.

Недовольство в глазах старика уступило место заботливому взгляду, глаза наполнились слезами, и он ласково сказал:

– Это пройдет, милая, ведь ты очень юная. А в твоем возрасте все девочки кажутся себе особенными и неповторимыми. Но взрослые обычно этого не видят, так как им надо работать и выяснять отношения. Вот ты и решила, что ты одинока. Но ты пока не одинока, тебе это еще не ведомо. Одиночество... ты это поймешь значительно позже, потом. Это еще только будет...

Девочка-подросток мало что поняла из того, что сказал старик. Ей вообще казалось, что взрослые слишком заняты скучными бытовыми проблемами и поэтому все упрощают, судят обо всем крайне поверхностно, и совсем не видят сути и первопричин. Она встала и, неожиданно сделав реверанс, воскликнула:

– Вот твой билет, ты идешь на концерт, – и протянула ему ореховый лист. – Концерт начинается! Выступаю я!

Не обращая внимания на протесты старика, на его отчаянное мотание головой и хриплое возмущение, она начала танцевать вокруг кресла, аккомпанируя себе тонким голоском, срывающимся от перехвата дыхания.

Девочка выделывала какие-то замысловатые и нескладные па ногами, поднимала высоко над головой руки, замирала на паузу и пускалась в обратную сторону. Танцующая девочка меняла ритмы и настроения: бурная цыганская пляска с нескладными движениями плечами и яростными взглядами сменялась строгим испанским фламенко, тогда глаза ее делались темными и сосредоточенными, а брови – нахмуренными. Потом она резко переходила в «Лебединое озеро», и ее лебедь трагически умирал на зеленой траве у ног старика, и глаза ее тогда становились голубыми и печальными. Потом она вновь вскакивала, и делала ласточки, и скрещивала ноги, а периодически резко разворачивала кресло то вправо, то влево, явно ощущая отчаянную нехватку партнера и пытаясь привлечь старика хотя бы к пассивному участию в танцах.

Старик охал и ахал, что-то беспомощно вскрикивал, пытался ругаться и звать. Звать на помощь ту, которая всех воспитывала, чтобы она скорее пришла и избавила его от этого несносного подростка.

– Убери ее! Убери ее! – кричал он, но его никто не слышал, и тогда он неистово и беззвучно смеялся, сотрясаясь всем телом и кашляя. Смеялся над своей беспомощностью.

А девочка все танцевала. Он запрыгивала на колени к старику, заглядывала в его водянистые глаза, обнимала за шею, целовала в щетинистую щеку, на секунду застывала, потом вскакивала и снова кружила и кружила вокруг него по лесу. Ей так хотелось танцевать! И хотелось петь! Но никого, перед кем она могла бы выступать день и ночь, не было, лишь дедушка в кресле, которого можно увезти по дорожке подальше от дома, потому что той, которая никому не доверяла и всех

воспитывала, было не до старика – она занималась хозяйством и детьми.

Наконец, девочка остановилась. Старик тихо сидел и смотрел сквозь нее. Наверное, он вспоминал детство или юность, а может, ничего не вспоминал – просто спал с открытыми глазами.

Девочка тяжело дышала, а на лице застыла томная маска Исидоры Дункан. Однако через минуту она ожила снова и посмотрела на старика.

– Концерт окончен, – сказала она, забрала ореховый лист, который в качестве билета старик послушно держал в руке, и бросила в траву. – Все! Он тебе уже не нужен, – а потом крепко обняла старика за шею и зашептала в ухо: – Не сердись на меня, дедушка, ты – единственный мой зритель! Ты сделаешь мне куколку из веточек?

Старик неловко прижал девочку к себе:

– Сделаю, милая, сделаю, только отвези меня домой!

Танцевавшая девочка вздохнула, резко развернула кресло и быстро побежала, толкая его перед собой, по дорожке в сторону дома, не придавая значение тому, что кресло да и старик вместе с ним подпрыгивают и сотрясаются на кочках, ямах и корнях, толстыми жгутами вылезающих из-под земли. Старик все терпеливо сносил – он знал, что еще чуть-чуть и будет уже дома, будет есть горячий суп со сметаной, помидоры с луком и черным перцем, будет гонять палкой старого боксера, и та, которая никому не доверяла, сильная и самодостаточная, наконец увидит и услышит его.

Эмма в недоумении смотрела странной парочке вслед, но они ее так и не заметили. Немного поразмыслив и решив, что в лесу она уже все изведала, Эмма приняла решение зайти в дом и побродить по старым и хорошо знакомым комнатам, хотя бы чуть-

чуть, теша себя надеждой, что все-таки ее заметят и угостят чаем.

Глава 6

В доме было сумрачно и тихо, хотя, если прислушаться, можно было различить, как из его глубин доносился негромкий шум воды. Эмма заглянула в Красную комнату, но там никого там не застала было, только развивалась белая занавеска, задевая о большой букет ромашек в керамической вазе.

В центре комнаты на полу валялось маленькое существо, похожее на крота или мышь, не подающее признаков жизни. Эмма осторожно подошла к окну, чтобы поправить занавеску, но тут обратила внимание на ящик, кем-то выдвинутый из стола и так оставленный. Она понимала, что не очень хорошо заглядывать в чужую жизнь, однако к ящику все-таки подошла.

Там было множество разных вещей: перетянутые лентой письма, счета, черновые листки сценариев, пачки фотографий, телефонные книжки, рецепты, деньги, доступно лежащие вперемешку с заколками и карандашами. Тут же на столе стояла швейная машинка, на которой, как догадалась Эмма, обшивали детей. Она провела пальцем по прохладному металлу и улыбнулась.

Покинув Красную комнату, Эмма направилась к железной винтовой лестнице, ведущей на второй этаж, но на минуту задержалась и заглянула в ванную – шум воды шел именно оттуда.

За шторой под душем стоял незнакомый ей мальчик с модной, но уже намокшей стрижкой. Струи воды брызгами отлетали в разные стороны, скатываясь по смуглой спине, и он отчаянно топал пяткой по дну ванны, чтобы брызг было еще больше. Эмма кашлянула, пытаясь обозначить свое присутствие и узнать, где взрослые, и мальчик тут же обернулся. Он был в черных солнечных очках, скрывающих глаза.

– Закройте дверь, – резко сказал он и отвернулся. – И кротика моего не трогайте, – добавил он строго. – Это кошка мне принесла, ей же надо о ком-то заботиться.

Осознав бестактность своего поступка, Эмма почувствовала себя крайне неловко и поспешила послушно прикрыть дверь.

Эмма стала медленно подниматься на второй этаж, с каждым шагом все более ощущая позабытую сопричастность ко всему, что происходит в доме.

Она вошла в Северную комнату, некогда известную своим огромным платяным шкафом, который стоял в правом углу и служил отнюдь не шкафом, а ванной комнатой. Это всегда приводило в изумление чужих, которые, открыв дверцу, обнаруживали внутри не полки с одеждой, а голубой унитаз и раковину с круглым зеркалом и розовым мылом на полочке.

Эмма подошла к окну. Оттуда был виден лес, шалаш, костер, импровизированная сцена. Все было пусто и напоминало плоские картонные декорации, ярко разукрашенные широкой кистью.

Дом, тем временем, начинал оживать, и везде чувствовалось присутствие: голоса и смех, хлопанье дверей, быстрые шаги по железной лестнице, звон металлических крышек на кухне. Эмма обернулась и обнаружила в углу комнаты две фигуры, склоненные над ломберным столом.

«Как же я их не заметила! Даже не поздоровалась», – смутилась Эмма и, подойдя к столу, быстро включила настольную лампу – в комнате было сумрачно.

– Вам же ничего не видно, – она попыталась проявить заботу, но на нее не обратили ни малейшего внимания.

У стола в большом резном кресле сидела та, которая была глухая. Она была в пестром халате и кокетливой замшевой шляпке-чалме на голове. Глухая дамочка что-то весело по слогам диктовала мальчику – тот уже вылез из душа, надел широкие штаны с карманами на коленях и безразмерную толстовку. Забыв

всю свою серьезность, он послушно писал под диктовку шариковой ручкой прямо на столе. Парочка была поглощена своим занятием: они хихикали и шушукались, отпихивая друг друга от стола локтями и щиплясь, очевидно догадываясь, что делают что-то не очень позволительное.

– Пиши аккуратно, – хихикнула та, что была в шапочке-чалме.

– Стараюсь, – заговорчески шепнул ей в ответ мальчик и, от усердия поджав губы, добавил: – Не буквы у меня, а мутанты какие-то.

Эмма с любопытством заглянула через плечо мальчика, чтобы разглядеть, что же они хотели на память оставить потомкам, и с изумлением прочитала на крышке стола надпись: «жопка». А еще там стояло имя той, которая была глухая, – нацарапанное скверное слово, по-видимому, относилось именно к ней! Эмма тревожно посмотрела на даму в чалме, но обнаружила, что та ничего не имела против – наоборот, она выглядела совершенно счастливой.

Эмма успокоилась и решила направиться в Южную комнату. Но не успела она выйти в коридор, как дверь Южной комнаты резко распахнулась, осветив все помещение солнечным светом и наполнив горячим воздухом. Из яркой ниши вылетела стайка детей – с криком, смехом и восклицаниями. Дети вереницей промчались вокруг Железной лестницы, отталкивая друг друга, а затем кубарем, грохоча и топая, начали скатываться вниз на первый этаж.

Первой бежала Танцующая девочка, продолжая что-то весело напевать себе под нос про ежей; ее пытался догнать и ухватить за короткую юбку сероглазый мальчик в белой рубашке и шортах, из карманов которых торчали обрывки рисунков и стихов. За ними, охая и ахая, гремя ведром и задевая всех удочками, бежала упитанная девчушка в желтом платье с заспанными припухшими глазами. За ней, причитая и сердясь, торопилась девочка с мятым бантиком, которая

в одной руке держала свой фотоаппарат, а в другой – учебник по математике, пытаясь быстро и отчаянно объяснить какую-то задачу убегающей от нее девчушке с удочками. Следом за ними торопились с лаем две разновеликих собаки – большая дворняга и карликовый пудель, за ними кувыркались котята, а всю суетливо несущуюся группу замыкала большая черепаха, не поспевая, но стараясь изо всех черепашьих сил. Под потолком же кружили ласточки и летали бабочки-капустницы...

Однако Южная комната не была пуста. Там осталась глазастая девочка – она укладывалась спать после обеда. Девочка упрямо старалась расправить свое голубое одеяло так аккуратно, чтобы на нем не было ни одной складочки. Эмма улыбнулась настойчивости малышки и, обрадовавшись, что хоть кому-то может оказаться полезной, ровно натянула ей одеяло со всех сторон.

– Ты не можешь еще поставить рядом мои тапочки, – попросила глазастая девочка и вздохнула, – а то они их сбили.

– Ну конечно, – Эмма вытащила один тапок из-под кровати, а другой подобрала на середине комнаты.

– Спасибо, – сказала глазастая девочка, зевнула, закрыла глаза и уснула. Ей снился сон о том, что она уже большая и красивая, умная и богатая, и вовсе не переживает из-за разбросанных тапочек и неаккуратно постеленного одеяла, а живет жизнь сама и так, как ей хочется, и так, как о том пишут в сказках.

Эмма тихонько, чтобы не разбудить ее, повернулась и собралась уже присоединиться к шумной компании, как, неожиданно, ей преградил дорогу мальчик в черных очках. Он видимо закончил свое «настольное» письмо и опять настроился решительно.

– Пароль, – строго потребовал мальчик.

Эмма оглянулась на малышку в кровати, но девочка крепко спала, и так что подсказки ждать было неоткуда. Эмма растерянно уточнила:

– Какой?

Обыкновенный, – холодно ответил мальчик. – Для входа.

Эмма покачала головой:

– У меня есть только билет, – и протянула ему голубую полоску бумаги.

Мальчик был явно разочарован и огорчен, но билет взял, повертел в руках и сунул в карман:

– Ну, а хоть коды ты знаешь какие-нибудь?

Эмма вновь покачала головой, ощущая свою полную никчемность – ни пароля, ни кодов она не знала. Мальчик тоскливо вздохнул и уже без всякой надежды снова спросил:

– А Экстремалов ты не встречала?

– Кого? – Эмма не знала, как точно выглядят экстремалы, мохнатые они или гладкие, и к чему надо быть готовой, если она их все-таки встретит.

– Экстремалы – это те, которые рассекают по лесу на джипе, – объяснил строгий мальчик в черных очках и, потеряв к Эмме всякий интерес, скрипнул дверью в Деревянную комнату. Устроившись там за письменным столом, он стал быстро стучать по клавиатуре, набирая пароли, коды, двигая мышью, сосредоточенно поглядывая на монитор и поминутно меняя изображение.

Понимая, что здесь ей делать больше нечего, Эмма начала осторожно спускаться вниз по Железной лестнице и увидела, что вдоль стены на веревке поднимается небольшая плетеная корзинка, наполненная всякой всячиной. Эмма разглядела в корзине термос, кусочки сахара в пакете, сушки, банку с горячим супом, два помидора и два огурца. Она вспомнила сказку о Красной шапочке, улыбнулась и посмотрела наверх, совершенно готовая увидеть там волка-лицемера. Однако сверху склонялась глухая дамочка в пестром халате и шапочке-чалме и, предвкушая обед, радостно тянула на себя веревку и уточняла содержимое корзины.

– А сметана есть?

– Есть!

– А черный хлеб не забыла?

– Не забыла!

Ей отвечала та, которая всех воспитывала. Она стояла под лестницей и, задрав голову, громко выкрикивала ответы – так громко, чтобы глухая могла их услышать. Дамам в преклонном возрасте передвигаться по винтовой лестнице вверх и вниз с посудой было крайне сложно.

– А что дети на обед ели?

– То же, что и в корзине!

– Что?

– То же, что и в корзине!

– Что?

Та, которая всех воспитывала и подавала, махнула рукой, ругнулась и ушла на кухню греметь крышками и кастрюлями.

Оказавшись снова на улице, Эмма вдруг испугалась, что опоздала на вечерний спектакль, и поспешила в осинник.

Глава 7

Было уже около шести вечера, и яркий шар солнца переместился в дальний угол леса, делая его прозрачным и ажурным, высвечивая черные силуэты старых елей, кривоватых дубов и тонких осин. Высокая трава графически вычертилась желтовато-серыми линиями, воздух наполнился душистым вечерним ароматом жасмина. Эмма села на свободный стул с краю, чтобы не мешать, стараясь не упустить происходящее действие. Она пыталась понять, о чем же все-таки спектакль, и кто в нем участвует.

Задние ряды были заняты незнакомыми людьми в соломенных шляпках, беретах, в вязаных шалях, удобной расхожей обуви, с тростями, с корзинами, наполненными ирисами и букетиками земляники. Они

все переговаривались, ели печенье и пили ситро из буфета.

Первый ряд был так же полностью занят. Там сидел старик в передвижном кресле и несколько пожилых женщин, которых Эмма хорошо знала. Это они пригласили ее сюда на чай с конфетами, и это к ним она ехала так долго.

Среди женщин была и та, которая всегда ходила в зеленых костюмах, была сумасбродной и тщеславной и никому не завидовала. Молодым звонким голосом она комментировала происходящие на сцене события и выглядела заинтересованной.

– Смотрите, смотрите, это наши дети выступают! – восторгалась она и тут же звонила куда-то по телефону, чтобы поделиться своими впечатлениями. – Какие наши дети красивые, умные, талантливые!

– А... – отстраненно отвечала ей другая – та, которая никому не доверяла, всех воспитывала и была сильной и самодостаточной. – Будет тебе, ерунду-то нести. Дети как дети, не хуже, не лучше, – она махала рукой, вздыхала и, поправляя пришитые ею рюшки и блестки на детских костюмах, ударяла по клавишам белого рояля, который стоял чуть-чуть справа от сцены. Рояль издавал изумительный звук, тот поднимался ввысь и замирал голубым шаром над импровизированным залом.

– Ну, вот и хорошо... – тревожно говорила самая Старшая, мудрая и добрая, та, которая смотрела на мир со вздохом, и на самом деле доводилась матерью первым двум.

Была там и та, которая ходила в шапочке-чалме и слыла глухой. Она тихонечко пела, считывая по детским губам слова пьесы и складывая из них свою песню.

Эмма перевела взгляд на сцену и поняла, что опоздала – спектакль кончился, и исполнители вышли на поклон.

На авансцене на фоне синего занавеса, держась за руки, стояли повстречавшиеся ей дети и кланялись, кто

во что горазд. А все те, кто сидел в зрительном зале, теперь громко хлопали, махали шляпами, а некоторые даже вскакивали и кричали «Браво!», кидая на сцену флоксы и золотые шары.

Глава 8

А дети... А что дети?

Дети все еще стоят на сцене, тоненькие и хрупкие, как обещания взрослых, – они не думают, что там у них впереди. Наоборот, они шумно переговариваются, смеются, перекрикивают друг друга – ведь они только что отыграли чудную пьесу, где перепутано время и смешаны поколения, где встречаются те, кто никак... никак и никогда, ни при каких обстоятельствах не мог бы встретиться! Ах, как все в пьесе хорошо сложилось – счаст-ли-во...

А старшим, сидящим в креслах среди разбросанных на земле цветов, надоело хлопать и кричать «Браво!», и они давно уже заняты своими делами – жуют сушки, запивают чаем – вприкуску с сахаром, о чем-то как всегда спорят – об «очень серьезном» и многозначительно взмахивают руками. И лишь иногда... ну совсем иногда, совсем незаметно...

...и тогда дети неожиданно вздрагивают и замолкают. И оглядываются на старших – тех, кто все же – да-да, все же – украдкой следит за ними из зала, и тогда детские души входят в одну тональность с душами старших, начиная улавливать смысл несказанных старшими фраз, значение случайно брошенного ими взгляда, шепот забытых слов и грустную теплоту их улыбок.

Всеволод Круж

Я родился 11 марта 1959 г. в Москве. Окончил МИИТ по специальности «Автоматика и телемеханика». Трудился в разных сферах: от рабочего до директора фирмы.

В настоящее время – ведущий редактор в отраслевом журнале. Лауреат и член жюри многих сетевых литературных конкурсов, призер конкурса «Золотое перо Руси», член Международного союза писателей «Новый современник», Московского Салона Литераторов. Печатался в литературных журналах и альманахах.

Богомаз

Холодно. Тянет январской стылостью от окна подмосковной электрички. Я всегда сажусь у окна. Прислоняюсь к стене и дремлю. Пятьдесят четыре минуты пути из Софрино до Москвы – это время для сна. Стук колес, разговор пассажиров – сливаются в монотонный густой вязкий звук, в котором тонет сознание, всплывая ненадолго на остановках, когда ворвется чахоточным вздохом шум открывающихся дверей, закашляет объявление из динамиков. Рано еще выныривать на поверхность. Улягутся эти волны. И я опять опускаюсь на глубину.

Холодно. Сегодня никак не удается забыться. Натягиваю капюшон, поворачиваю голову, чтобы можно было уткнуться носом в его меховую подкладку. Так лучше... А теперь – спать...

– Бог в помощь! – окликаю мужика в худом армяке, катящего деревянную тележку с кирпичами.

– Спаси, Господи! – мужик останавливается, неторопливо вытирает пот, смотрит испытующе.

– Подскажи, сделай милость! У вас тут храм расписывает какой-то грек, Феофаном кличут. Где мне найти его?

– Фофана-то? В храме и ищи, где ж еще.

Ухмыльнулся мужик, подхватил тачку, продолжил свой путь. Я увязался за ним, догадавшись, что идти нам одной дорогой.

– А какой он? Строгий? – пристаю с расспросами.

– Фофан-то? К кому как. Мастеровых уважает, а коли дурака валяешь – выгонит взашей. А почто он тебе?

– Поп наш, батюшка, отправил к нему учиться. Говорит, Спасителя, Богородицу, святых на иконах изобразить надобно. А как? Птички, цветы, лошадки у

меня здорово получаются. Все так говорят. А вот лики святые... Как к ним подступиться?

Я тараторил без умолку, радуясь, что могу излить кому-то свои сомнения, муки душевные. Мужик не перебивал, лишь посмеивался во всклокоченную бороду. А я ему рассказывал и рассказывал. И про село наше, что раскинулось на высоком берегу реки, и про друзей своих, и про церковь, куда ходил грамоте учиться. И про батюшку, который увидел как-то мои рисунки, позвал в церковь, когда там никого не было, подвел к алтарю. Смотри, говорит, как у нас мало икон. Коли у кого потребность возникнет молитву какому святому сотворить, как он сможет представить того, к кому обращается? А потом он список мне дал, какие иконы надобны, котомку снарядил, чтобы в дороге было, что поесть: хлеб, сало, яйца. И сюда направил.

Так и подошли мы к храму, недавно отстроенному из красного кирпича, еще не побеленному снаружи. Внутри стояли сколоченные из досок леса, высокие, чтобы можно было до самого свода дотянуться. Много людей на них копошились, где-то штукатурили, где-то малевали небеса и облака по свежей штукатурке. Кое-где на уже нарисованном фоне проглядывали контуры людей в длинных одеяниях, как я догадался, святых.

– Вот это да-а! – удивленно протянул я. – На своде иконы!

– Это не иконы, это фрески, – услышал я за спиной чей-то голос, необычный голос, с какими-то чужими, нерусскими нотками.

Я обернулся. Передо мной стоял высокий мужчина с длинной бородой клином, в черном балахоне, кое-где измазанном краской. Глядел неодобрительно.

– Что тебе здесь нужно?

– Феофана ищу, – робко ответил я.

– Зачем?

Внезапно я понял, что это он самый передо мной и стоит. По тому, что чувствовал он себя здесь хозяином,

по силе внутренней, исходившей от него, по говору его странному. Бросился к нему, заговорил горячо, понимая, что другой возможности может и не представиться.

– Возьми меня к себе учеником! Мне надобно научиться иконы писать. Позарез надобно!

Пристально посмотрел на меня Феофан, кольнул взглядом.

– Андрейка! – подозвал к себе одного из помощников. – Отведи его в избу, задай копию иконы Спасителя сделать.

В избе тепло, вдоль окон крепкие широкие столы, за ними юноши сидят, перерисовывают образы, стараются. Андрейка отводит мне место, ставит передо мной икону, раскладывает кисти, краски, загрунтованную доску.

– Как краски делать да грунт накладывать, я тебя потом научу. А сейчас сосредоточься на образе, больше ни о чем не думай. Феофан всем сначала Спасителя назначает, он в каждой церкви должен быть. Надобно, чтобы получилось похоже. Запоминай лики, положение рук, головы. У каждого святого есть свой канон, иначе как прихожанин узнает его. Помощи не проси, сам старайся.

Корплю, стараюсь, выписываю одежды, руки. Это я умею. Лицо оставляю на потом. Всматриваюсь пристально в глаза. Они завораживают, утягивают в глубь бездонную, божественную. Как же долго я заканчиваю образ! Наругают, как пить дать наругают!

Замечаю, что сзади стоит Феофан, пугаюсь, вскакиваю. Он кладет руку на плечо, усаживает.

– Ты прав, отрок. Глаза – это самое главное. Люди приходят к святым в самые важные моменты жизни, в горе, в радости, в раздумье о пути своем. Они должны полностью доверять тому, к кому обращаются. И крепко запомни: чтобы написать Бога, надо самому быть немного богом, – помолчал, пристально глядя на меня. – У тебя получится, богомаз...

Холодно. Просыпаюсь, чтобы усесться поудобнее. Мне часто снятся сны про древнюю Русь, вижу в них храмы, мастеров-иконописцев. Кажется, я был там много лет назад, в своей прежней жизни. Я был одним из них. И все прошедшие с тех пор века писать лики святых – моя стезя, моя судьба, мое призвание. Потому и пошел работать в Софрино, в мастерские, которые называются «Художественно-производственное предприятие Русской Православной Церкви». И пусть зарплата маленькая, и добираться далеко, но я себе не представляю другой жизни. Моя работа – это данность, это дар, это то, что приходит свыше и чего нельзя изменить. А значит, надо принять и любить.

Там, в Софрино, огромное производство, цеха, где создают различную церковную утварь, своя торговая сеть, план, маркетинг и все такое прочее. А как иначе, если продукция расходится по всей России, для всех храмов и всех верующих. Народ в штате простой, в основном из деревенских. А где еще они найдут работу? Штампуют продукцию, как по лекалам, гонят план. Удивляются: что, мол, я в Москве работу себе найти не мог, где бы хорошую зарплату платили? Не мог... Отшучиваюсь или молча улыбаюсь. Наверное, глупо выгляжу. Плевать! Я привык к насмешкам...

Мне неинтересна математика. Поэтому я и сел на последнюю парту. Учительница пишет что-то на доске, объясняет. Но ее голос тонет в гуле, который устроили двоечники, сидящие рядом со мной. Я представляю, что доска – это ночное небо, а написанные мелом буквы и цифры – звезды. Бескрайний, непостижимый космос. А учительница, она, как бог, – стирает мокрой тряпкой звезды, берет мел и запросто так создает новые.

– Богомазов, иди к доске.

Стартую в космос на своем старом раздолбанном звездолете.

– Как ты решишь эту задачу?

Молчу. Что я могу сказать Богу?

Возвращаюсь с очередной двойкой. Сосед-второгодник толкает меня в бок.

– Слышь, Богомаз, нарисуй училку!

Рисунками я выкупаю у них свободу. Они не трогают меня, воспринимают как предмет, не мешающий, но иногда способный позабавить. Портрет получается похожим на икону.

– Зырь, Серый, училка-богомать!

– Какая мать?

Ржут. Они еще не понимают. Еще не пришло время...

Холодно. Это не только зимний холод. Я чувствую холод в душах людских. Их бесчувственность, злоба, гордыня выхолаживают меня изнутри. Как их согреть?..

Сквозь полуприкрытые веки вижу сидящую напротив женщину, еще не старую, в сером пальтишке с меховым воротником, серый пуховой платок на голове. К груди прижимает сверток. Она замечает мой взгляд.

– Ты прости меня, мил человек, не откажи, выслушай. Я сюда, в Софрино, почитай, тыщу верст ехала.

Молчу, смотрю на нее. По всему видно, что выговориться ей надо, душу свою излить. Перед незнакомым человеком это сделать проще.

– Беда у меня приключилась. Прошлым летом мужа похоронила, царство ему небесное, а недавно сын на машине разбился. Одна я осталась, внуков бог не дал.

Слезы по щекам текут, но не прерывает свой рассказ. И про то, говорит, что руки на себя чуть не наложила, и про то, как увидела в церковной лавке икону Спасителя, глаз не могла оторвать от нее, купила, на полочку в красном углу поставила.

– К жизни меня этот образ вернул, и захотела я иконописца того найти, спасибо от всего сердца сказать.

Бирка-то есть, что в Софрино изготовлено, а кто автор, неизвестно.

Она развернула прижатый к груди сверток. Я сразу узнал ее... Это была та самая икона...

Лик не удавался. Казалось бы, уже десятки раз пишешь, как под копирку, одно и то же. Но нет, каждый раз Спаситель получается другим. Он как будто живет своей жизнью, а я лишь выхватываю Его портрет, освещенный на секунду, как фотовспышкой, в моем сознании. А сейчас как будто сбой какой произошел – не могу представить Его глаза. Мучаюсь, перекладываю бесцельно кисти с места на место. Подходит сотрудница Валька, веселая шустрая деваха.

– Хорош дурью маяться, пойдем покурим.

– Ты же знаешь, я не курю.

– А это неважно, разговор есть.

Может, она и права, надо немного отвлечься.

– Ты так ничего не заработаешь, сидишь, пялишься в образец, будто первый раз видишь. Время теряешь, а значит, и деньги.

Я молчу. Как объяснить ей, что по-другому не могу. Валька глубоко затягивается, смотрит на меня внимательно.

– Халтурка есть для тебя. Есть у нас в деревне тетя Даша такая, напиши для нее Богородицу. Я тебя сведу с ней после работы, а ты там уж сам договаривайся.

– А что сама не напишешь? Или вон в лавке пусть купит.

Валька улыбается.

– Это не простая тетка, я ей по гроб жизни обязана. Вот и обещала ей лучшего мастера.

Я написал икону этой тете Даше, видел ее посветлевшее лицо, денег не взял. Только время от времени Валька приносила от нее посылки, от них не отказывался.

А тогда, вернувшись с перекура, я попросил Вальку дать мне зеркало. Зачем, удивилась она, но, порывшись в сумочке, протянула маленькое круглое зеркальце. Глядя в свои глаза, я дописал Спасителя...

И вот теперь я узнал эту икону. Мы не ставим свои подписи, найти по работе иконописца практически невозможно. Моя соседка по вагону зря ехала.

– Спасибо, что выслушал, мил человек. Извини, что побеспокоила. Но есть в тебе что-то... от образа вот этого. Не знаю что, может, глаза. Я и дома вот так же, смотрю на Него, рассказываю о жизни своей, и, кажется, Он все понимает. Только молчит... так же, как ты. Я много думала о том, кто написал этот образ. Ведь как оно было – смотрела я в церковной лавке на иконки, что в ряд стояли, видела, что святые на них, имена этих святых подписаны, чтобы понятно было, кто есть кто. А не трогают душу, прости, Господи! И вдруг... как утонула в этих глазах. И скорбь, и понимание, и прощение. Как в вечность заглянула. И надежду нашла. Выходит, спас меня этот Спаситель. Вот ведь как...

Улыбнулась светло, вздохнула. Прибрала свое сокровище в тряпицы, аккуратно расправляя складки. Задумалась о чем-то своем. И тихо, одним дыханием, произнесла:

– Наверное, чтобы так написать Бога, надо самому быть немножко богом...

Алёна Чубарова

С детских лет пытаюсь выбрать между литературой, театром и кино. Бросила наконец терять время на сомнения и теперь стараюсь совмещать служение всем музам одновременно (разве что Урания пока в стороне: к астрономии и вообще к точным наукам интерес чисто художественный).

Как актриса и режиссёр я работала в самых разных жанрах: от хореографических шоу на арене цирка до камерных литературных постановок и радиоспектаклей; от серьёзных документальных фильмов до шуточных рекламных видеоклипов.

Как писатель я – драматург, прозаик, журналист, готовится к публикации даже научно-фантастический роман... Но это всё профессии, а вот Поэзия – состояние души.

Поэма потерянной радости

(Тексты для экспериментального театра)

В мире первом

Деревья, вещи, даже люди, ну есть это все, и хорошо, и ладно, пусть будет. Но слова!!! Сплошная загадка! Вот почему одно сочетание звуков означает одно, а другое – другое, и именно так, а не наоборот!

Вот, например, среди асфальта кое-где свежая травка. А если про себя повторять: «Тра-ва, тра-ва, тра-ва». А потом еще и еще: «Траватраватраватрава». Смысл слова постепенно улетучивается! Остаётся просто созвучие «т-р-а-в-а». Буквально на глазах слово от повторения развалилось, связь между торчащими из земли зелеными ниточками и словом «трава» распалась.

Пауза.

И в этом процессе распада какой-то дикарский восторг – радость разрушения!

Пауза.

Причем длинные сложные слова рушатся гораздо быстрее и легче, чем простые короткие. Но в конце концов, проявив упрямство и терпение, можно «взорвать» любое слово. Кроме одного... Какого?.. Несокрушимым остаётся слово «мама»! Сколько раз подряд его не повторяй: медленно, быстро, растягивая слоги, почти пропевая, сливая в одну тарабарщину, – все равно за словом «мама» неизбежно возникает образ самой красивой и доброй женщины на свете.

Пауза.

Да нет, не только разрушать, создавать новые слова тоже здорово! Особенно имена выдуманных героев, названия фантастических стран, городов, рек...

На обычной обеденной клеенке в клеточку или цветочек, например, вот такой, может возникнуть город, допустим... Тумборин. Здесь будут свои улицы, площади, перекрестки, тупики, остановки автобусов. И у всего

этого обязательно свои названия: площадь... Фужекора, гора... Зуса, озеро... Нерека. О! Озеро Нерека – это здорово получилось! В смысле озеро – не река.

Да! Вот он – Тумборин! Я его уже вижу! В городе должны быть жители, пусть это будут... пуговицы разных размеров, цветов и форм. Где у меня пуговицы?.. Есть.

Тут будут жить целые семьи: родители, дети, дедушки, бабушки, тети, дяди и даже домашние животные... Животные – это... Что бы это могло... Вот, пуговички совсем крохотные, кнопки, крючки, зажимы. И каждому – обязательно свое имя! Например, семья Рувар – это четыре темно-синие пуговицы, две большие и две поменьше: папа Киф Рувар, мама – Росана Рувар, дочки-близнецы – Свако и Помпона, тоже соответственно Рувар. К этой же семье относится рифленая коричневая, красивая, но очень старая пуговица – бабушка Суятира Пьензе-Рувар и маленькая ржавая кнопка – собачка Букляшка. Живут они на углу улиц Гагорашм и Туковской. Папа Киф Рувар каждый день ходит на работу, которая находится в переулке Сонных Матыр, а мама работает за городом, в дачном месте Новокулемино. Чем занимаются родители на работе?.. В это играть не интересно. Потому что «работа» – это не занятие, а место, куда ходят взрослые пять дней в неделю. А в место играть нельзя. Дети же, если позволяет погода, гуляют с бабушкой Суятирой и собачкой Букляшкой в сквере с романтическим именем Собачинская встречка. Звучит как-то... «встречка»... А? Да нет, хорошо, нормально звучит.... С детьми, бабушкой и собакой всегда происходят интересные события, приключения! А папа и мама только ходят на свои работы. Жизнь взрослых вообще чрезвычайно скучная.

Как бы так исхитрится, чтобы никогда не быть взрослой(ым), постараюсь как можно дольше оставаться девочкой (мальчиком), а потом сразу превратиться в бабушку (дедушку).

В мире втором

Посреди сцены столик. На нем большая ваза. Выходит юноша, берет столик, вазу оставляет на полу. Уходит в угол сцены, там внимательно изучает столик. Выходит девушка, берет вазу, идет в другой угол. Некоторое время каждый занимается своим предметом.

Она. Когда я была маленькой...

Он. Это никому не интересно.

Она. Ну почему?

Он. Потому что все были маленькими. И им интересно то, что было с ними.

Она. Но, может быть, с ними было то же, что и со мной.

Он. Займись лучше делом.

Она. Каким?

Он. Постирай, помой посуду, полы, наконец...

Она. Я уже все перемыла и перестирала.

Он. Тогда просто помолчи.

Она. А чем ты так занят, что тебя нельзя отвлекать?

Он. Смотрю, как устроен стол.

Она. Зачем?

Он. Чтобы продать его и купить тебе швабру.

Она. Зачем?

Он. Чтобы у тебя не болела спина, когда ты моешь пол.

Она. Но у меня не болит спина.

Он. Это пока ты молодая. Потом заболит.

Она. А почему бы тебе не сделать вазу? Ее можно продать дороже и купить две швабры...

Он. Зачем? Ты же не будешь мыть двумя руками сразу.

Она. ...И купить две швабры: одну для меня, а другую – для тебя.

Пауза.

Он. Когда я был маленьким...

Она. Это никому не интересно.

Он. Когда я был маленьким, полы в доме всегда мыла мама.

Она. Хорошо. *(Уходит, возвращается, что-то пряча за спиной.)* Можно мне посмотреть твой стол?

Он. Смотри.

Она *(достает из-за спины топор, бьет им по столу, столик разваливается)*. Красивый был столик...

В мире первом

Наверное, есть какой-нибудь секрет, как никогда не взрослеть... Ладно, подумаю об том позже, когда закончу игру. Таких семей, как эти Рувар в городе Тумборин около десяти или даже больше. Это сколько имён! Хорошо бы записать, но... писать – очень сложное дело, так что легче запомнить. Но это только первый этап игры – название. А потом начинается самое интересное: пуговицы передвигаются по клетчатой (или в цветочек) клеенке, ходят друг к другу в гости, ссорятся, мирятся, празднуют новоселья, дни рождения и свадьбы. Похорон в Тумборине не бывает! Если пуговица ломается, она считается уехавшей в санаторий лечиться. А если пуговица теряется – это значит, она отправилась в длительную командировку. Игра может продолжаться несколько дней с перерывами на обед, сон, завтрак. Но никогда, ни при каких обстоятельствах, пока не закончена игра, нельзя забывать, как зовут того или иного обитателя города, как называется проложенная по столовой клеенке улица.

Пауза.

Закончив же игру, я тут же забуду все имена сразу, просто выброшу из головы. А на следующий день начну заново. Но уже с новыми пуговицами и не на клеёнке, а на подоконнике среди цветочных горшков.

Пауза.

А однажды пуговицы надоели. И был избран другой народ – папины гвозди, винтики и шурупы. И место для их города нужно совсем другое. Каждому

народу – свой город. Гвозди вам – не пуговицы! Тут ни клеёнка, ни подоконник не подходят. Новый город, назовём его Здигин, его место на скрипучем паркете под столом, а самая интересная его улочка в пыльной расщелине между стеной и шкафом. И жизнь у острых железных гвоздей куда труднее, чем у круглых пластмассовых пуговиц. Каков народ – такова и жизнь.

Пауза.

Я играю целыми народами, я даю им судьбы. Я... Я... маленький Бог. Но я добрый и справедливый Бог. Мои народы никогда не воевали, пока...

Пока в моей жизни не появились шахматы.

В мире втором

Двое стоят над сломанным столиком.

Она. Красивый был столик...

Он. Зачем ты это сделала?

Она. Когда я была маленькой, мебель в доме всегда чинил отец. *(Возвращается к своей вазе.)*

Он. А если я разобью твою вазу?

Она. Ее вряд ли можно будет починить. Придется выбросить.

Он *(приносит инструменты, чинит столик).* Спасибо.

Она. За что?

Он. Теперь я лучше понимаю, как он сделан. Мне легче будет сделать такой же, но еще лучше, который я продам, чтобы купить тебе швабру.

Она. Но я не хочу швабру!

Он. Хорошо, я куплю тебе стиральный порошок.

Она. А цветы? Цветы! Я бы поставила их в вазу. Ей очень одиноко без цветов.

Он. Цветы быстро завянут. Это не практично.

Она. Быстро... Пусть. Но хотя бы один день... Один час моя ваза не будет одинока!

Он. Не дури.

Она *(берет топор, которым разбила столик).* Если ты не купишь цветы, я сейчас разобью эту вазу на мелкие кусочки; кусочки растолку в пыль, и буду подсыпать их тебе к обеду вместо соли.

Он. Не думаю, что это будет дешевле.

Она. При чем тут дешевле?

Он. Если общую массу раздробленной вазы сравнить с тем же количеством обычной соли, то по цене получится...

Она. Ты сумасшедший.

Он. Я починил стол. И это доказывает мою нормальность. А вот ты его сломала! Однако я не предъявляю тебе...

Она. Я знаю! Я знаю, что надо сделать. Ты же мастер, ты все умеешь. Ты гениальный. То, о чем я тебя попрошу, тебе раз плюнуть.

Он. Ну, уж гениальный...

Она. Да, да. Не скромничай. Пожалуйста! Ну, пожалуйста, подари моей вазе одну ножку от твоего стола... Только не говори «нет». Столик может стоять на трех ножках. Ты сделаешь так, что он станет от этого только лучше. А четвертую, подаренную, я обвяжу с одного конца лентой и поставлю в вазу. Это будет ее любимый цветок. Пусть он будет один. И пусть не совсем настоящий. Но ей станет не так одиноко. Пожалуйста! Пожалуйста! Пожалуйста!!!

Он. Я тебя очень прошу, не надо так нервничать. Успокойся. Ты вся дрожишь. Ну, успокойся же! *(Обнимает ее).*

Она. Подари ей одну ножку. Ведь у него их целых четыре. Не надо быть таким жадным.

Он. Хорошо, хорошо. Мы что-нибудь придумаем. Только не плачь. Когда ты плачешь, у тебя краснеет нос, и ты становишься некрасивая...

Она. Так значит, я не красивая? А не так давно ты утверждал, что я самая...

Он. То есть... Мне ты, конечно, все равно нравишься. Но ты же не Дед Мороз, тебе просто не к

лицу красный нос. Если тебе нужна ножка от стола... Сейчас мы все сделаем. Иди сюда. Какую тебе из четырех? Выбирай.

Она *(гордо и независимо)*. Любую. Они одинаковые.

Он. А вот и ошибаешься! Очень даже разные. Вот на этой царапина. А на этой маленькое пятнышко. А здесь... А здесь что-то написано. Ну надо же! Номер телефона.

Она. Чей?

Он. Не знаю. Иди посмотри.

Она *(переборов любопытство)*. Любую. По твоему усмотрению.

Он. В принципе... Гм... В принципе столик может устоять и на двух ножках, надо хорошенько помозговать... Пожалуй, я могу подарить тебе, в смысле твоей вазе, не одну, а целых две ножки!

Она. Два – четное число. Так дарят только покойникам.

Он. Я не уверен, что смогу сделать устойчивым...

Она. Но ты же гениальный!

Он. Сначала надо проверить, влезут ли в твою вазу целых три ножки. На вид у нее очень узкое горлышко.

Она. Таких тощих ножек, как у твоего стола, в мою вазу влезет целая дюжина.

Он. Если тебе не нравятся мои ножки, запихивай в эту вазу свою швабру!

Она. Ты мне ее еще не купил!

Он. Можешь использовать свою вазу как ночной горшок, она для этого больше подходит!

Она. Пошляк!

Он. Шизофреничка!

Она. Ах так!.. *(Швыряет в него со всего размаху вазу.)*

В мире первом

Да! Пока в моей жизни не появились шахматы.

Шахматные фигуры отнюдь не предметы, как пуговицы или гвозди, они – «Фигуры»! Каждая имеет не только свое имя, но и характер, судьбу, биографию, увлечения... Отношения между ними складываются и на поле боя, где приходится действовать по строгим «взрослым» правилам; и за краем доски, когда их берут в плен, по шахматной терминологии «съедают»... Причем именно там, в плену, и начинается все самое интересное! На самом деле их жизнь продолжается и тогда, когда они лежат в коробке на шкафу. Да, да... И даже когда ими играют в мое отсутствие. И те, невидимые, действия «за кадром» тоже влияют на общее развитие драмы.

Так вот, Королева – жена короля по общим правилам игры, а у меня она еще и любовница левого офицера, а Король тайно вздыхает по одной из пешек.

Слово «любовница» значит что-то секретное, я пока не совсем понимаю, что именно, но это что-то немного стыдное, но очень приятное... может быть, как есть шоколад под одеялом. А «тайно вздыхал по...» я как раз понимаю: это, когда никого рядом нет, Король делает вдох, а струя выдыхаемого воздуха доходит до маленькой Пешки на клетке e2.

Чем больше мне удаётся посмотреть взрослых фильмов, тем сильнее накаляются страсти на шахматной сцене. И вот Королева, будучи женой Короля и любовницей левого Офицера, попав в плен, изменяет уже им обоим с правым слоном противника... Что такое «изменяет»? Это приблизительно так... «Изменить» – для тети значит сделать с чужим дядей что-то такое, что надо делать непременно со своим. «Что-то», а вот что? Опять загадка... То ли покататься с ним на санках с ледяной горки, то ли поделиться пирожным или поиграть в прятки... Хотя почему бы не поиграть со всеми сразу? Всё-таки это не очень понятно.

В мире втором

Ваза лежит у его ног целёхонькая.

Он *(поднимает не разбившуюся вазу).* Деревянная...

Она. Как твоя голова.

Он *(отстраняет от себя стол, занимается вазой)*. Она похожа на женщину. Вот талия. Вот бедра.

Она *(обращаясь к столику)*. Бедный. Хотя у тебя целых четыре ножки, но ты так же одинок, как и моя ваза.

Он *(к вазе)*. Какие крутые бедра!..

Она *(к столику)*. На тебя нужно что-нибудь поставить. Ну, хотя бы... *(снимает с ноги туфель, ставит его на столик)* хотя бы вот это.

Он *(к вазе)*. Как вас зовут, мадам? Я хотел бы с вами познакомиться.

Она *(к столу)*. Нет, нет. Это вам совсем не идет.

Он *(к вазе)*. О, я понимаю, вам неловко заговаривать с незнакомым мужчиной.

Она *(к столу)*. Вы же не какой-нибудь кухонный. Вам бы пошло что-нибудь более романтичное.

Он *(вазе)*. Я вас не очень обидел, когда сказал про узкое горлышко?

Она *(столу)*. Я могу положить на вас свою руку. У меня очень красивые запястья.

Он *(вазе)*. Поверьте, я не хотел вас обидеть. И не такое уж оно узкое. Да вам бы и не пошло слишком широкое. Ведь вы же не пепельница и не мусорная тумба с улицы...

Она *(столу)*. У вас такая гладкая поверхность, такая приятная на ощупь.

Он *(вазе)*. Конечно вы не с улицы! Уличные не имеют таких тонких узоров на своих боках.

Она *(столу)*. Мне так хорошо с вами.

Он *(вазе)*. Мне так хорошо с вами.

Пауза.

Она *(ему)*. Ты что-то сказал?

Он *(ей)*. Возможно…
Она. Ты так думаешь?
Он. Да, пожалуй.

В мире первом

Я многого ещё не могу понять, но по правилам взрослой, уже не шахматной игры, со всеми сразу играть почему-то нельзя. Короче, «изменила» – значит выбрала другого, а не законного дядю для какой-то своей очень большой и интересной надобности. И такой выбор – ну, очень нехорошо… Не важно, почему нехорошо. Нехорошо и всё тут. Когда однажды моя Королева-изменщица, закатившись под диван, долгое время считалась потерянной, я сразу поняла, что судьба наказала ее за неверность. И хорошо еще, что все это случилось с черной Королевой, белой такое происшествие было бы совсем не к лицу.

Вообще играть в шахматы легко, на деревянном клетчатом поле передо мной не абстрактно-логическая игра, а живой сюжет. «Живые» фигуры подсказывают, как надо ходить, и, если я ошибаюсь, возмущаются, негодуют… Я чувствую их праведный гнев. Каким образом? Не знаю. Чувствую и всё. И быстренько перехаживаю до тех пор, пока мне не покажется, что они довольны или даже восхищены моим ходом.

В мире втором

Она *(ему)*. Мне так хорошо с вами.
Он *(ей)*. Мне так хорошо с вами.
Они медленно сходятся в центре. Она ставит столик. Он на него вазу.
Она. Когда я была маленькой, мне казалось, что я никогда не смогу постареть.
Он. И никогда не смогу умереть.
Она. Другие пусть. Но со мной этого никогда не может случиться.

Он. Пойдем, я тебе куплю цветы.

Она. Купи мне швабру, у меня очень болит спина, когда я мою пол.

В мире первом

А вот в шашки не умею – они все одинаковые, безликие, ну что с ними можно делать? Нет, не умею и не хочу.

И в шахматы я люблю больше всего играть с пленными!

Ведь на доске у тебя либо черные, либо белые фигуры, а с пленными можно развивать сюжет одновременно и с теми и с этими!

Вот партия только началась, пленная Пешка пока одна, ей страшно, она тоскует, она в отчаянии... Но вот пленяют молодого Офицера (того самого, любовника Королевы), и глупая Пешка, забывая обо всех невзгодах, кокетничает изо всех своих пешечных сил. Однако, с Королевой в соперницах, шансы ее невелики. Это у черных. А что же в это время у белых? Там в плену старая Тура. Она изначально против войны, она – принципиальный пацифист. Я это слово слышала по телевизору, оно тоже не очень понятно, как и слово «любовник», но «против войны» – очень понятно! Так вот, Тура пытается доказать свою точку зрения, но пока спорить не с кем, все пока еще на поле боя. Но тут «съедают» Коня. Этот – фанатик-патриот. Он жаждет геройской смерти, мир без борьбы для него не имеет смысла. Естественно, между двумя столь разными пленниками возникает ссора, грозящая перейти в драку. Тут к ним добавляется белая Пешечка, которая ранена, измучена и почти при смерти. Конь начинает рыть подземный ход, чтобы спасти Пешку, а Тура пытается облегчить ее страдания. Но вот незадача: Конь-фанатик-патриот стал рыть не в ту сторону! И вместо свободы беглецы попадают в подземелье, где заперты пленные черные...

В мире третьем

Он и Она из 2-ого мира, но много-много лет спустя. Впрочем, это может быть и совсем другая пара солидного возраста.

Он. Это как раз то, о чем я все время думаю.

Она. Хотела сварить кашу, но молоко прокисло.

Он. Когда слишком долго думаешь о чем-то одном, как будто попадаешь в коридор... В коридор отражающих друг друга зеркал...

Она. Можно сходить в магазин, но денег хватит только на хлеб.

Он. «...Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наши, яко же и мы...»

Она. Соседка в долг не дает, я уже просила.

Он. Когда слишком долго думаешь о чем-то одном, мысль начинает разрушать то, что не в силах понять. А если это непознаваемое не поддается разрушению, то агрессия мысли направляется на самого думающего.

Она. Ты любишь меня?

Он. Очень.

Она. Если пойдешь на улицу, возьми зонт, к вечеру будет дождь.

Он. Дождь был вчера.

Она. Это не значит, что его не будет сегодня.

Он. Это вообще ничего не значит.

Она. Я хотела сварить кашу, но молоко прокисло.

Он. Ты любишь меня?

Она. Конечно.

Он. Ты счастливая.

Она. Я теперь не могу сварить кашу.

Он. Ты любишь «конечно». А я люблю «очень». Это разные вещи.

В мире первом

Вместо свободы – в тюрьму, где сидят противники. Ага... После первых столкновений все понимают, что в настоящем положении им воевать глупо. Раненая белая Пешка, боясь умереть с нечистой совестью, признается, что она – дитя от смешанного брака, и показывает на лакированных кремовых боках темные прожилки (царапины от когтей соседского кота). При общей напряженной тишине она подробно рассказывает историю своего зачатия. Конь-фанатик-патриот, вдохновляясь, овладевает молодой черной Пешкой! «Овладел» – это слово тоже как-то связано с той самой женско-мужской тайной. Опять тут много непонятного, но, скорее всего, «овладел» – значит взял без спроса и начал владеть. Вполне понятно, что можно владеть роскошной фарфоровой кукольной посудой или книжкой с цветными глянцевыми картинками. Чёрная Пешка – не вещь, она – молодая девушка, но главное остаётся: «владеть» – значит быть хозяином и играться, как захочется, без ограничений, вплоть до возможности сломать и выбросить, наигравшись. Так я себе это понимаю.

Возвращаемся к Коню. После необдуманного спонтанного поступка ему становится нестерпимо стыдно, он так раскаивается в содеянном, что пытается покончить с собой. Причем как раз в тот самый момент, когда в плен попадает белая Королева и...

В мире третьем

Он. Ты любишь «конечно». А я люблю «очень». Это разные вещи. Неужели ты не чувствуешь разницу?

Она. Из кислого молока будет простокваша. Но это будет завтра.

Он. Свари кашу на воде.

Она. Я не могу, у меня...

Он. Твои глаза похожи на дождь.

Она. Я не могу!!! У меня нет крупы.

Он. Я люблю тебя.

Она. Вчера было лето?

Он. Лето.

Она. И завтра будет лето?

Он. И завтра. Лето – самое благоприятное время для самоубийств.

Она. Тогда почему сегодня осень?

Он. Потому что твои глаза похожи на дождь.

Она. Только обещай мне, что возьмешь зонт.

Он. Если у тебя будут крупа и молоко, ты будешь счастлива?

Она. Возьми зонт.

Он. У тебя будут крупа, молоко и хлеб. Я возьму зонт. Завтра снова будет лето. Ты будешь счастлива?

В мире первом

На самом интересном месте игру приходится прерывать, потому что у них там, на доске, шах, мат или кто-нибудь сдался! Всегда не вовремя! Всегда. И им нужны все фигуры, чтобы расставить их заново. Или нужно всё убрать, потому что мама зовёт обедать.

Но в целом родители были очень довольны: какой умненький растет ребенок – шахматами интересуется.

Пауза.

А ещё ребенок интересовался газетами. Обыкновенная большая вчерашняя или позавчерашняя, прочитанная и уже никому ненужная газета могла занять ребёнка на полдня. Часами методично и скрупулезно он превращал простыню периодической печати в мелкие клочки бумаги. Взрослые опять были довольны, они могли долго-долго заниматься своими делами, даже уходить из дому. Соседям ребёнка демонстрировали как феномен. Бабушки резвых и непоседливых малышей завидовали по-черному. Старую прессу отдавали нам вместо игрушек.

Но взрослые глубоко заблуждались, думая, что меня интересуют газеты или процесс их разрывания. Взрослые даже не догадывались, чем я занята на самом деле...

В мире третьем

Он. У тебя будут крупа, молоко и хлеб. Я возьму зонт. Завтра снова будет лето. Ты будешь счастлива?

Она. Не знаю...

Он. Почему?

Она. Я не знаю, чего мне захочется завтра.

Он. А я не знаю, чего мне хочется сегодня.

Она. Может быть...

Он. Твои глаза высохли. Теперь они похожи на старый колодец.

Она. Может быть, надо по-другому думать: не все время об одном, а изредка, и лучше о разном.

Он. Все время – об одном? Изредка – о разном? Ха-ха-ха.

Она. Я все-таки схожу куплю хлеба.

Он. Ты действительно меня любишь?

Она. Конечно.

Он. А завтра?

Она. И завтра!

Он. Но если ты не знаешь, чего тебе захочется завтра, почему ты уверена, что будешь любить меня завтра, как и сегодня?!

Она. Кислое молоко выпила кошка. И завтра у нас не будет простокваши.

Он. Ты больна.

Она. Не больше, чем ты. А с простоквашей можно было бы испечь блинчики.

В мире первом

На самом деле, на фоне превращения газеты в клочки очень удобно... путешествовать вглубь «Я».

Начинается эта «игра» с того, что я говорю себе так: «Я – это я. Не кто-нибудь другой, а именно – я. Не мама, не бабушка, не соседка, не тетя-продавщица мороженого, не мальчишка с лопаткой за окном... Я – не они. Я – другое. Я – это я...» С некоторыми вариациями этот монолог я повторяю и повторяю, пока вдруг не возникает ощущение, что приоткрылась невидимая дверца, и это самое загадочное «Я» сейчас вот-вот прояснится и появится, как волшебная фея. Только не такая фея, какую рисуют в книжках или в мультиках, а намного-намного прекраснее!

За каждым следующим произнесенным «Я» что-то внутри становится все более объемным, более ощутимым; «что-то», что как раз и задает все вопросы, понимает, чувствует. Но если это «что-то» спрашивает про «Я», значит, само «Я» еще дальше, еще глубже, и именно оно мне должно сейчас открыться! Но как только я пытаюсь остановить внимание на этом «Я-наблюдаемом», оно тут же превращается в «Я-вопрошающее», и за ним сразу же открывается следующее, и теперь уже оно должно оказаться настоящим...

Это похоже на отражение зеркал друг в друге, на сказку про белого бычка, на все, что не имеет конца. Причем вначале моего путешествия за каждым «Я» возникает всего одно следующее, как бы последнее. Через какое-то время в глубине, в перспективе появляется две-три «ступеньки-Я», через которые надо перепрыгнуть до конечного открытия, чтобы появилась фея, потом вдалеке угадывалось уже пять-шесть «Я», но все еще есть надежда, пройдя через них, дойти наконец-то до самого главного истинного «Я». Но чем глубже по ним продвигаешься, тем больше открывается за поворотом, и вот уже их невозможно сосчитать...

В мире третьем

Он. Много думать вредно.

Она. Если все время об одном, конечно, вредно. А горячие блинчики ужасно вкусно запивать молоком.

Он. Мы больны…

Она. Иногда мы еще угадываем, чего нам хочется. Но мы никогда не знаем, что нам надо… Что надо делать…

Он. Может быть, молиться?

Она. Ты меня любишь?

Он. Очень.

Она. А его? Того, кому надо молиться?

Он. Не знаю. Я его не видел.

Она. Молиться без любви нельзя.

Он. Сходи за хлебом.

Она. Без любви можно только думать.

Он. Если бы молоко не прокисло, ты бы сварила кашу.

Она. Если думать не об одном, а о разном, то и долго – можно; и много – не опасно. Только обязательно – о разном.

В мире первом

…Их невозможно сосчитать… Внимание рассеивается, путешествие прерывается…

После первой неудачи я не сдаюсь и начинаю весь путь заново. Затягивающая воронка с отдаляющимся дном снова открывается. Коридор, по которому, двигаясь вперед, оказываешься все дальше от цели. Можно попробовать перехитрить этот заколдованный тоннель, например, убыстряя темп, прыгать сразу через несколько «Я». Или, наоборот, застрять на одном и, стараясь сохранить равновесие, чувствовать огромное количество «Я» сзади и спереди. Но это намного труднее, чем двигаться. Возможно, в этом «застревании» подсказка,

если бы удалось удержаться подольше, открылся бы какой-то боковой ход! Но терпения не хватает.

В самом начале игра похожа... Ну, будто очищаешь кочан капусты: срываешь лист, а под ним такой же, поменьше. И конечно, внутри должна быть кочерыжка. Или ещё это похоже на разбирание игрушки-матрешки: открываешь куклу, а внутри другая, маленькая. И опять – ясно, что в конце концов должна быть самая маленькая, которую развинтить уже нельзя. Но постепенно воронка, до того сужающаяся, начинает расширяться... Это как если бы у капусты вместо кочерыжки внутри оказался другой кочан и каждый следующий лист на нем крупнее только что сорванного. А внутри самой маленькой куколки нашлась новая, более крупная... Обратная перспектива... Логика отступает и сдается.

В мире третьем

Она. Без любви можно только думать.

Он. Логика отступает и сдаётся.

Она. Логика... В самом главном она бессильна.

Он. Если бы кошка не выпила кислое молоко, то завтра была бы простокваша.

Она. Я была больна своей болезнью. Теперь я заразилась твоей. Значит, теперь нам придется расстаться.

Он. Но ведь ты не оставишь меня без горячих блинчиков?

Она. Надо что-то сделать. Если не сделаешь того, что должен, не умрешь.

Он. Это летит снег или тополиный пух? В сумерках они похожи.

Она. С каждой утренней кашей, с каждым вечерним пирогом я заслуживаю себе смерть. Конечно, если каша и пирог не пригорят.

Он. Зима – самое благоприятное время...

Она. Чушь!

Он. Ах да, конечно же. Лето. Как я мог перепутать?

Она. Любое время благоприятно, если ты готов.

Он. Я... Готов...

Она. Молоко превращается в простоквашу, лето в осень, котенок в кошку. А мысль? А человек?.. Есть только один способ узнать это!

Он. Возьми зонт – к вечеру будет дождь.

Она. Теперь это уже не важно.

Он. Ты любишь меня?

Она. Очень.

Он. Хорошо было бы сварить кашу, но молоко прокисло.

В мире первом

Если в начале пути конец поиска представлялся сложным, но достижимым, то теперь понятно, что никакого конца быть просто не может... Я в отчаянии... Но любопытство толкает вперед. И я продолжаю... но тут неожиданно возникает страх. Не чего-то конкретного, не мысли, например, что я могу не вернуться, нет, просто ни с того, ни с сего – страшно. Страшно, но я иду дальше, и дальше... Если бы не взрослые... Они всегда не вовремя и не про то. Они ни разу не дали мне завершить моё путешествие. И ни разу не ответили ни на один мой серьёзный вопрос.

Пауза.

А при чем тут газеты? Бог весть... Руки занять, наверное. Не мешают думать.

Пересечение миров

Двое взрослых сидят за столом, заваленным бумагами, книгами, предметами неопределенного назначения. В процессе действия они меняют возраст. Ребенок, приходящий к ним может менять также и пол.

В начале действия взрослые играют в морской бой. Параллельно беседуют о своем.

Первый. Ранил. А что было, когда нас не было?

Второй. В смысле? А-2.

Первый. Теперь мимо. Ребенок спросил, что ему ответить…

Второй. Да ну… Не бери в голову. Твой ход.

Первый. Б-4. Я ему так и сказал, чтобы не задавал глупых вопросов.

Второй. Б-4 – мимо. А тебе В-2!

Первый. Убил. И все же я не уверен…

Второй. Не уверен – не обгоняй. Ж-8…

Первый. На поворотах действительно не стоит. Мимо.

Второй. Ты стайер или спринтер? Твой ход.

Первый. Е-5. Марафонец.

Второй. Ого! Ранил…

Первый. Я собираюсь прожить сто лет. Мне нужно распределить дыхание. Е-6.

Второй. Зачем тебе так много? Мимо.

Первый. Е-4. Чтобы наскучило.

Второй. Чем дольше живешь, тем страшней умирать. Ранил.

Первый. Ты что, умирал в разном возрасте? Е-3.

Второй. Убит.

Вбегает ребенок с мячом.

Ребёнок. Почему он катится?!

Первый. Потому что круглый.

Ребёнок. А почему он круглый?

Второй. Потому что мячик.

Ребёнок. А почему он мячик?

Первый. Чтобы им играли.

Ребёнок. А если им не играть, он перестанет быть круглым?

Второй. Иди к маме. Не видишь, мы заняты!

Ребенок убегает.

Первый. Ну вот, всегда так!.. Вот всегда... Вот вечно он...

Второй. Ты выигрываешь, тебе везет.

Первый делает из листка, на котором играл, самолетик.

Какого черта?

Первый. Пиф-паф, ой-ей-ей, умирает зайчик мой...

Второй. Давай закончим. Ты же выигрывал...

Первый. Какая разница, мы ведь даже не на деньги играем.

Второй. Если ты настаиваешь, давай на деньги. *(Роется в карманах в поисках кошелька.)*

Первый *(пускает бумажный самолетик, следит за его полетом)*. Мягкая посадка.

Второй. У меня не много, но дома есть заначка.

Пауза. Первый находит среди бумаг кроссворд.

Первый. Река в Пермской области, 6 букв.

Второй *(достает из кучи книг на столе атлас)*. А что там по вертикали?

Первый. Церковный обряд, 8 букв.

Входит ребенок. Он явно старше, чем в первый приход.

Ребёнок. На кухне я мешаю варить обед. Брат меня не пускает к компьютеру. А сестра с этим балбесом из соседнего подъезда целуется. А мне надо спросить...

Первый *(поднимает с пола бумажный самолетик, дает ребенку)*. На, иди покажи им всем, как он летает.

Ребенок уходит.

Второй. Нашел! «Лысьва». Река. Тогда обряд – «Венчание».

Первый. В прошлом году мы отложили партию...

Достает из под стола шахматную доску с расставленными фигурами.

Второй. Ну-ка, ну-ка, ну-ка...

Первый. Сын играет с компьютером, а мне как-то с живым человеком приятнее.

Второй. Быть старомодным – не преступление.

Первый. Кажется, тебе шах.

Второй. А мы сюда уйдем.

Первый. Машина не расстраивается, когда проигрывает.

Второй. Ай-яй-яй... Какой нехороший шах.

Первый. Да это уже мат.

Второй. Да нет еще... Еще не мат...

Входит ребенок. На первого он совсем не похож. То ли так вырос, то ли это уже другой ребенок.

Ребёнок. Бабушка стирает, мне сказку некому почитать.

Первый. Включи телевизор.

Ребёнок. По телевизору одни глупости.

Первый. Пойди к сестре.

Ребёнок. Она ушла замуж.

Первый. За того балбеса из соседнего подъезда?

Второй. Самому надо читать.

Ребёнок. Я это и собираюсь делать, но мне нужен слушатель.

Второй. Какой, однако, капризный ребенок!

Ребёнок. А вам – мат.

Уходит.

Первый. А давай в старого доброго дурачка.

Второй. На щелбаны!

Первый. Годится. *(Достает карты, раздает.)*

Второй. Сны мне стали сниться всякие. Раньше как убитый спал, а теперь среди ночи просыпаюсь, гадаю, чтобы сон значить мог.

Первый. Кошмары?

Второй. Да не то что бы кошмары, но непонятное что-то...

Первый. Сходи к врачу, он тебе таблетки выпишет от склероза.

Входит ребенок, обходит комнату, смотрит на играющих, ничего не говорит, выходит.

Первый *(шепотом)*. Я думаю, что он знает...

Второй. Что знает?

Первый. Что было, когда нас не было.

Второй. Он? Знает?

Первый. Мне так кажется.

Второй. Так давай его спросим.

Первый. Мне так кажется, что он даже знает, что будет, когда нас не будет.

Второй. Ну, давай спросим! Интересно же...

Первый. Он не скажет.

Второй. Почему?

Первый как будто случайно роняет книгу со стола.

Второй. А мы его очень попросим!!!

Первый. Все равно не скажет.

Роняет еще одну книгу, другую, третью...

Второй. А мы будем плакать!

Первый. Он скажет, что занят, что ему некогда.

Роняет целую кипу книг и бумаг. Затем еще и еще.

Второй. А мы будем кричать и биться головой об пол. *(Начинает плакать.)*

Первый. Он пошлет нас к брату, к сестре, к какой-то матери.

Первый и Второй вместе разбрасывают все, что было на столе.

Второй. А мы тогда... *(Истерика усиливается.)* Мы тогда... Мы... Мы... Тогда... Тогда...

Первый. А он все равно... *(Переворачивает стол, в комнате полный кавардак.)*

Второй. А мы ему...

Первый. А ему наплевать!

Второй. Ну, и пошел он...

Первый. Туда!

Второй. Туда!

Первый и Второй *(вместе)*. Туда!!! Туда!!! Туда!!!

Входит ребенок. Тишина.

Ребёнок. Кушать подано.

Занавес.

Мари Веглинская
(Светлана Сударикова)

Каждому отмерен свой срок... Интересно, кто его отмеряет и от какого рулона отрезает? И почему у одних он такой большой, а у других совсем крохотный? А вдруг, когда отрезали мой лоскут, рулон подходил к концу, и мне достался остаток, а кому-то выдали побольше на том лишь основании, что делить уже не имело смысла. Да разве дело в размере! Вот он лежит передо мной, мой кусочек судьбоносной ткани. Я вижу только его часть, на которой крестиком вышито прошлое, а передо мной мелькает игла, рисуя настоящее. Есть еще будущее, но оно пока не легло на отрез, а может, легло, только я его не вижу. Мне хочется разорвать эти нити, выдернуть их из ткани и простегать по-новому. Сколько несделанных дел я бы туда добавила: недописанных, недодуманных, недопонятых, недосказанных, незавершенных. А сколько всего убрала бы... Нельзя. Но у меня еще есть будущее, и я, возможно, еще могу что-то исправить. Может, сделать стежки помельче, а иглу взять потоньше? И тогда коль уж не могу изменить размер отреза, так хоть событий сумею втиснуть побольше?

Отрез моей судьбы... Пространство, ограниченное временем... время, втиснутое в пространство... люди в пределах пространства и времени...

Член Международного союза писателей «Новый современник», член литературного объединения «Моссалит», главный редактор литературно-просветительского сетевого журнала «Московский BAZAR», литератор, прозаик и немного философ.

Моим однокурсникам, с которыми я училась в 80-х в Московском Авиационном Институте, посвящаю

Во имя любви

Пашка – душа компании, парень что надо! Он и рассмешит, и нахохмит, и что-нибудь этакое придумает. Ну что за праздник без Пашки?! Так, скука одна. Правда, с техникой у Пашки нелады, тяжело ему науки даются. Ему бы в иняз, он английский знает, спецшколу закончил, или в юридический. И зачем он технический ВУЗ выбрал? Непонятно. А вообще-то Пашка – истинный дипломат, вот куда ему прямая дорога. Он любой конфликт уладит, всех помирит, успокоит, любой гнев погасит. У Пашки есть девушка. Ириша. Очень симпатичная: глаза огромные карие с золотистым ободком, волосы с медным отливом, всегда аккуратно в хвост собраны, мягкая, спокойная. Пашка огонь, а она вода. Все уж давно о свадьбе поговаривают, мол, когда салатик-то поедим. Ириша глаза опускает, молчит, а сама думает – и правда, когда? А что Пашка? Что Пашка, он же баламут, от него разве ж дождешься. Пашку надо под белы рученьки – и в ЗАГС.

А компания у них классная, все молодые, активные, веселые, один за всех и все за одного. Маринка песни сочиняет и сама исполняет их под гитару. Ее стихи даже в «Юности» один раз напечатали. Сашка Смирновский прирожденный математик. Умница. В аспирантуру поступать хочет. Димка Сунягин все воскресенья на радиорынке торчит. Он даже компьютер собрал, примитивный правда, зато сам. Машка Чиркова мечтает стать актрисой. Вот, говорит, закончу наш ВУЗ, и буду в «Щукинское» поступать. А Серега Костюхин хочет самолеты строить. Он такую классную модель собрал, радиоуправляемую! Все ребята на поле смотреть бегали. Ему ректор лично благодарность выразил, мол, молодец,

парень, далеко пойдешь, мы для тебя уже местечко в нашем институте подготовили.

Честно сказать, Ириша в компании не совсем своя. Да и учится она на другом потоке. Это Пашка ее сюда привел. Сказал, своя девчонка, принимайте. И ребята приняли. Как свою приняли. Но вот Ириша... Не по себе ей с ребятами. Она вообще компании не любит. Ей бы с Пашкой вдвоем побыть. Они бы посидели вместе, музыку послушали, Ириша Пашку обедом бы накормила, она готовит ох как вкусно, ее бабушка научила, такие пироги печет, не то что пальчики, и тарелочку оближешь, и причмокнешь от удовольствия. И если бы не эти друзья-приятели... эх! Пашка давно бы предложение сделал. Да и вообще, чует ее сердце: ничего хорошего от этих компаний не жди.

А тут еще Гриневич появился. Он в академическом был, год по болезни пропустил и теперь у ребят в группе учится. Бледный такой, молчаливый. Вот только ребят как околдовал. Они прямо в рот ему смотрят. Чуть что – Гринь, а ты как думаешь. Будто своего мнения нет. А Гриневич этот крайне подозрительная личность. Он Ирише сразу не понравился. Непонятные какие-то разговоры ведет. Все про заграницу рассказывает. Мол, живется там не то что у нас. По вечерам радио «Свобода» настраивает. Ребята танцуют, веселятся, а он слушает. Потом вдруг как крикнет: «Тише, тише!» И все замолчат и тоже слушают. А там такое говорят! Не приведи Господи. У Ириши папа в КГБ. Генерал. Он бы за такие прослушивания выпорол ее без разговоров. Ну не может же она уши заткнуть! Да если б не Пашка, давно ходить сюда перестала. Нет, Ириша Пашку не бросит. Она его любит. И, если хотите знать, и в огонь и в воду за него пойдет. А если потребуется, даже сгорит заживо. Так что сидит Ириша в компании, «Свободу» слушает и дивится – ведь верят же ребята этой чепухе! Дураки дураками.

И ведь надо было такому случиться, что именно на четвертом курсе, когда учиться всего два года оставалось, и явился этот Гриневич. Принесла ж нелегкая! И как-то

незаметно влился в компанию ребят, постепенно, одного за другим, как паук, сетями опутал.

Поначалу все шло совсем невинно: соберутся у кого-нибудь, чаю выпьют, торт съедят и танцевать. А что еще молодым ребятам от жизни надо? И вроде бы как заодно послушают «Свободу», вроде бы как невзначай поспорят о том, кому на Руси жить лучше, курсовые обсудят, преподавателям косточки перемоют, да и по домам. А потом, смотрит Ириша, и танцевать перестали, и курсовые не обсуждают, и не смеются больше. Нет, не то чтобы Ириша танцевать очень любит. В общем-то, нет, она девушка серьезная. Но лучше б уж танцы. А то приволок Гриневич «Мастера и Маргариту» на ксероксе отпечатанную, пустил по рукам, и как бы обязал всех прочитать, чтобы потом на обсуждение вынести. И все читали. И Ириша. Тайком от родителей. Не дай Бог, узнают. Мама-то у Ириши атеистка и коммунистка в одном лице. Она в райкоме работает. Мама считает, что нечего голову всякой ерундой засорять. Все, что в жизни прочитать необходимо, в школе изучают. А в институте профлитературу читать надо! А вот окончишь институт, на работу пойдешь – читай на здоровье, если время, конечно, будет. Вот у нее, у мамы, времени на это нет. У нее на работе сплошные подковерные интриги. А Иришина мама партийная. Ей на всю эту скверну смотреть тошно. Вот она с ней и борется. До книжек ли тут! В общем, прочитала Ириша тайком «Мастера и Маргариту». Роман, ничего, понравился. Только что там обсуждать-то? И так все ясно. Сказка, она и есть сказка. А Гриневич привязался, а как вы думаете, есть ли Бог? Ясное дело, нет. Это еще Пушкин знал. Ты чего, Гриневич! 80-й год на дворе! Того гляди, на другие планеты полетим, а может, и на другие звезды! А он: мол, Бога-то, может, и нет, да только дело не в этом. А в чем? А в том, что это вам головы забивают, думать мешают. А вот в Европе все в Бога верят. И даже в церковь ходят. А потому, говорит Гриневич, запретили вам в Бога верить, что коммунизм – это такая же

религия. А знаете, чем религия от философии отличается? Догмами. Вот и коммунизм – догма. А Христос, между прочим, историческая личность. Вот так-то!

От таких рассуждений у Ириши волосы дыбом встают. Что такое догма, Ириша не знает. Но слово это ругательное ей очень не нравится. А коммунизм – это вовсе не догма, а самое справедливое учение в мире! И вообще, если этого Булгакова в библиотеках не дают, значит, есть за что запрещать. И точка. А ребята Гриневича, открыв рот, слушают. И Пашка первый.

Дальше больше, стал Гриневич какие-то подпольные книжки таскать: то «Детей Арбата» принес, то «Белые одежды»; про Блока сказал, что тот от голода умер, мол, большевики его довели, и что все лучшие умы на «философском пароходе» уплыли, а Сталин был исключительной сволочью и так далее и так далее. Слушает его Ириша, а по спине мурашки бегут. И ведь, что главное – вранье это все! Чистой воды вранье! Ириша, конечно, молчит. Она только потом Пашке осторожно так говорит: «А ты, Паша, тоже так думаешь?» «Не знаю», – пожимает плечами Пашка. «Не правда это все, не правда, – чуть не плачет Ириша. – Ведь ты же сам все видишь! Посмотри, мы же в самой лучшей стране живем! Кто все построил? Большевики. У нас и образование бесплатное, и медицина! А что там?» «А Гриневич говорит, что там в сто раз лучше живется! И что там магазины полны товарами, и очередь за колбасой не стоит, и каждая семья машину имеет». «Да откуда он знает, этот Гриневич?!» – возмущается Ириша. «Это его родственник рассказывал. Он журналист, все время по загранкам мотается. Он все своими глазами видит». Ириша такой человек, что сразу не найдет, что ответить, а потом подумает и скажет. Вот она Пашке и говорит дня через два: «Врет он все, этот твой журналист, и Гриневич с ним заодно». А Пашка как с цепи сорвался, не нравится, говорит, можешь вообще к нам не приходить. Ириша язык и прикусила. Ладно,

думает, все равно я тебя оттуда вытащу. И стала помалкивать.

И вот как-то этот подлый Гриневич и говорит, надо мол, создать нам политическую ячейку и за справедливость бороться. За свободу слова и совести. Давайте, говорит, составим программу борьбы, ведь мы теперь диссиденты. И такую речь толкнул! У Ириши сердце чуть из груди не выскочило. Ну, форменный оратор: глаза блестят, волосы всклокочены, изо рта брызги летят. А Пашка глаз с него не сводит, аж рот открыл. Ириша Пашке потом говорит: «Паша, нас ведь из института выгонят!» «Ну и пусть! Свобода важнее. И точка». Точка, точка, два крючочка. А потом что, тюрьма? «Это же чистая антисоветчина, ты понимаешь, Паша? Ты знаешь, что за это бывает?» «Знаю, – отвечает Пашка, – Гриневич сказал, что в дурку отправят». И правильно, думает Ириша. Она от папы как-то слышала, что *таких* в сумасшедший дом сажают. Ей еще тогда это странным показалось. А теперь она знает – правильно. Только туда им и дорога. Ведь Гриневич – форменный сумасшедший. Она это по его глазам сегодня увидела. И чего Пашка так к нему привязался? Правда, недавно сказал по секрету, будто Гриневич с родителями в Израиль собирается. Уж скорей бы уехал. Вот папа говорил, что все эти жиды (он так евреев называет) едут в Израиль, а оседают кто в Швейцарии, кто в Америке. Вот так они историческую родину-то любят! И смеялся долго. А Ирише не до смеха. Пусть хоть куда, лишь бы уехал. Скоро ведь сессия. Пятый курс на носу. Доучиться же надо. А у них на уме сплошное подполье. Маринка гимн написала, ребята программу действий составили. И первым пунктом (о, ужас!) – свержение власти! Установление многопартийности и всеобщие выборы президента! Господи, да зачем он нужен, этот президент. Вы бы еще царя на престол призвали! Неужели они не понимают, чем это закончится? Гриневич в Израиль уедет, а их, дураков, в сумасшедший дом отправят. И прощай карьера! А родители? Они бы хоть о родителях

подумали. У Маринки ведь мама заслуженный учитель, и, между прочим, партийная. У Димки отец на военном заводе каким-то начальником работает. С ними-то что будет? Ребята словно разум потеряли! И что он с ними сделал, этот Гриневич? Ириша к нему присматривается. Понять хочет. Крайне он ей неприятен. Личность спесивая, самоуверенная. Нервный до предела, даже щека иногда дергается и желваки бегают. Точно сумасшедший.

Как-то остановил Гриневич Иришу в коридоре, когда никого рядом не было, и тихо так, прямо-таки змеей прошипел: «Хоть ты и скрываешь, кто твой папаша, но я знаю. Такие, как он, в тридцать седьмом невинных людей к стенке ставили. И сейчас ставят. И не вздумай Пашку одурачивать. Он все равно с нами останется». Отвернулся и пошел. Ирише все это слушать, конечно, неприятно, и даже невыносимо. Тем более ничего она не скрывает, просто выделяться не хочет. Не так-то просто, между прочим, генеральской дочкой быть. Завистливыми взглядами она еще в школе пресытилась! А про тридцать седьмой Ириша ничего не знает, но у отца как-нибудь невзначай спросит. Только как теперь на собрания ходить? Не бросать же Пашку! Надо что-то делать, но вот что?

А Гриневич этот, в сущности, точно такой же, как те революционеры, коих он на чем свет стоит кроет. Вот Сталина ругает, мол, тот тираном был, а сам тоже ребят тиранит! А Сталин, между прочим, без суда и следствия никого не расстреливал! А то бы в учебниках истории обязательно написали. Ириша историю в школе очень тщательно изучала, все съезды и пленумы чуть ни наизусть знает. А если и расстреливали кого, так это за вредительство! В общем, поняла Ириша, что Гриневичу важно кем-нибудь руководить, вот он и использует ребят, подчинил их себе, голову заморочил. Ну, точно! Как это она раньше не подумала – он же сам президентом стать хочет! Вот сволочь какая! И все чужими руками. А может, он и вовсе шпион

американский? Прокрался в ряды честных комсомольцев и мутит воду. Папа говорит, что эти американцы очень хотят страну нашу развалить и шпионов одного за другим засылают. Отсюда и все эти разговоры про демократию и президента! Его же в разведшколе этому обучили, как ребят загипнотизировать, так что они только что дырки в нем взглядом не просверлили, вот как слушают! И никакая это не диссидентская ячейка, а секта настоящая, где Гриневич главный сектант. Папа про такие секты рассказывал. Говорил, что там людей одурачивают, гипнотизируют, и все с них получают. Так что Гриневич – сектант-шпион, который хочет стать президентом.

У Ириши от такого открытия даже дух захватило. Дух-то дух. А Пашка-то как? И от мысли о Пашке на душе у Ириши словно бы целая стая бездомных котов когтями скрести начинает. И страшно становится. Один Сашка Смирновский умный. Он сразу все просек. Нет, говорит, я, ребята, в такие игры не играю. Мне аспирантуру закончить надо. Я уже докторскую, между прочим, писать начал. Так ребята теперь с ним даже не здороваются. И Ириша не здоровается, хотя Сашка Смирновский ей всегда очень нравился. И Пашка не здоровается. А ведь они с Сашкой лучшими друзьями были. Как-то Сашка остановил его, мол, давай поговорим, и руку протянул. Так Пашка мимо прошел и руки не подал. Он, конечно, уже забыл, что его на втором курсе чуть не отчислили за неуспеваемость. Так Сашка тогда занимался с ним, тянул, курсовые за него делал. А Пашка даже руки не подал! Не дело это. Совсем этот Гриневич с пути Пашку сбил. Ведь это Гриневич запретил с Сашкой здороваться. Сказал, предателям собачья смерть и нечего им руку подавать. Так и сказал, собачья смерть. И что, собственно, он против собак имеет? Собаки, между прочим, друзья человека. У Ириши у самой овчарка живет. Ее Дирси зовут. Ириша ее очень любит. А ребята слушают, соглашаются. И Пашка слушает. А ведь Ириша за Пашку душой болеет,

она за него... Да чего уж там. А тут еще отец с подозрением смотреть стал, теперь не ужин, а прямо-таки политинформация какая-то. И мама туда же. Будто чутье у них. А Ириша что, она же согласна с ними полностью. Ей-то Гриневич голову не заморочил.

И стала Ириша потихонечку прорабатывать парня, издалека, невзначай, мол, давай сегодня к Грине не пойдем, лучше в кино; а то билеты в «Большой» принесет; то пластинки предложит послушать, хорошие пластинки, между прочим, такие просто так в магазине не купишь; а тут еще папа на день рождения подарил ей двухкассетный магнитофон «Сони». Очень он Пашке по душе пришелся. И пошло дело потихоньку на поправку, и даже стало Ирише казаться, что Пашке игры эти диссидентские надоедать начинают. И Пашке хочется больше в кино, хоть и идет он по-прежнему к Грине. Но уже не с таким энтузиазмом. Может, еще чуть-чуть и Пашка бы все понял, раскусил этого Гриню, но обстоятельства повернулись против Ириши.

А дело было так. Как раз 23 февраля близилось, каникулы вот только кончились, ребята хвосты подтягивали, Маринку ту просто на отчисление поставили (Гриневич, между прочим, все на пятерки сдал!), тут Гриневич и говорит: «Все, надо выступать. На 23-е с транспарантами на Красную Площадь выйдем. Пусть нас услышат. Мы о себе заявим. Времени – неделя. Так что, ребята, за работу». И расписал, кому какой транспарант делать. И поняла Ириша, что это конец. Либо Ириша спасет Пашку от неминуемой казни, либо сама погибнет. Но что же делать? Как быть? Не знает Ириша. Только скверно так у нее на сердце, тяжело, словно погребли заживо и могильной плитой придавили. Она ведь в душе совсем не революционерка. Она тихая. Ей семью хочется, детей. А самое главное, за что гибнуть-то, во имя чего? Не верит она Гриневичу. Врет он все! Неправда это! Ириша в самой лучшей стране живет. Ее дед за родину на войне погиб, а второй – инвалидом всю жизнь прожил. Они ведь и за Пашку, и

за Гриневича в бой шли! Они как лучше хотели. Они от фашизма нас всех спасли! А Гриневич теперь Германией бредит. Мол, там не жизнь, а малина. Да как же так можно?! Да там безработных много. А у нас все работают, зарплату получают. Ну и что, что очереди за колбасой. Не хлебом единым, к слову сказать. И в комсомол Ириша вступала со слезами на глазах. И демократия у нас ничуть не меньше, чем в Германии и хваленой Америке. Там, между прочим, бездомные на помойках умирают, Ириша сама по телевизору видела. И что бы ни говорил этот Гриневич, а лучше родной страны нет ничего на свете! И вовсе не в дерьме мы живем! Идет Ириша по улице, размышляет, слезы варежкой вытирает. Обидно ей. За страну свою, за дедушку, за Пашку. Горько ей, страшно. Что же делать теперь? Сбежать? А Пашка? А тут еще Гриневич при всех сказал, мол, знаю, ты нас всех предашь. И Пашка холодно так на нее взглянул. И ребята тоже замолчали. Никто не заступился. Ну и пусть. Плевать ей на них, на всех. Только на Пашку не плевать. Любит она Пашку, любит. И во имя любви на все пойдет! На любое унижение! Может быть даже на преступление, но любимого спасет. Даже ценой собственной жизни. Но как? Думай, Ириша, думай. Ты же умная, у тебя по всем предметам пятерки, и школу ты с золотой медалью окончила. Ищи, ищи выход. Он есть. Ты же знаешь, есть. Из любого лабиринта выход имеется, если есть вход – значит, и выход. Думай, думай, думай. О, нет, только не это! Молчи разум, молчи! Не искушай напрасно. Ириша ведь не предатель, не доносчик. Она просто влюбленная женщина. Она на это не пойдет. Ни за что, ни за что! Никогда!

А скандал вышел грандиозный! Всех бы к чертовой матери из института выгнали. Если бы не Иришин папа. Он лично к ректору приезжал. На персональной «Волге», при погонах, все-таки генерал-лейтенант. Пока ребята в приемной сидели, он с ректором в кабинете беседовал. Долго. Может час целый. А может вечность. Потом вышли оба, ребят в линеечку построили. Ректор

весь бледный, платком пот со лба вытирает, а он все равно проступает и бусинками по вискам скатывается. Сначала прошел, в глаза каждому заглянул, а потом как рявкнет (и кто бы мог подумать! с виду такой тихий, улыбается всегда): «Вы что, дураки, в тюрьму захотели? Революционеры! Диссиденты! Пороть вас надо! – затем помолчал, опять пот со лба вытер. – Скажите спасибо Валерию Ивановичу (это папа Иришин), что хлопотал за вас и дело закрыли. А то бы всех вас... к едрени фени! О будущем, о будущем думать надо! А они – революционэры!» И рукой махнул. А потом папа Иришин выступил. Говорит, это хорошо, что дело ко мне попало. А товарищу своему спасибо скажите, что сообщил вовремя. Вы ему теперь по гроб жизни обязаны. Может быть даже жизнью. Если хотите знать, все это ради вашего блага он сделал». «Еще скажите во имя любви», – тихо-тихо прошептал кто-то, а Ирише словно колокол в уши прозвонил, и краска в лицо брызнула, красная-красная, как кумач.

А Гриневича этого, кажется, в сумасшедший дом отправили. Это правильно. Больных людей изолировать надо, чтобы они здоровым жизнь не портили. Папа сказал, у этого Гриневича деда в тридцать седьмом расстреляли. За дело, конечно. Честных людей никто не трогал. И бабка у Гриневича в лагерях двадцать пять лет провела. Вот они все и ненавидят советскую власть, сами преступники, а власть виновата. Все, видите ли, в Израиль собирались, на чемоданах сидели. И зря их не выпустили. Надо всю сволочь туда отправить. Ничего им воздух наш своим смрадным дыханьем загрязнять. И вообще, со всей его семейкой давным-давно надо было разобраться. Да государство у нас уж больно гуманное!

Ириша, конечно, переживала, боялась, что Пашка от нее отвернется, и что ребята разговаривать перестанут, пройдут мимо и руки не подадут, как с Сашкой Смирновским, мол, прав был Гриневич, это ты нас предала. Ну не оправдываться же перед ними! Не доказывать, что не она это. А оно все как-то удивительно

вышло: разбежались ребята, увидят друг друга, так и норовят в сторону свернуть. Нет больше компании. Нет друзей. Один за всех и все за одного – все теперь в прошлом. Теперь каждый сам за себя. И хорошо. Ирише это на руку. Правда, когда она об истории этой думает, неприятно ей как-то становится. В сердце что-то сжимается, как спазмик какой, и тоскливо немного делается. Но это ничего. Со временем пройдет. Главное, все позади. В сущности, все ведь так кстати получилось! Может правда есть Бог на свете? Услышал Иришу, помог. Теперь они с Пашкой непременно поженятся. Вот сейчас она к Пашке зайдет, с курсовой поможет, они еще вчера договорились, и намекнет, мол, пора Паша, мы ведь столько пережили вместе. И день-то сегодня какой чудесный: теплый, солнечный, весной пахнет.

– Ириша!

Мама у Пашки красавица! Блондинка. Глаза голубые, огромные, только глупые какие-то.

– Проходи, Ириша. – Платье на Пашкиной маме роскошное. Она даже дома в роскошном платье ходит. Прическа – будто только что из парикмахерской, ногти накрашены, французскими духами пахнет. Марина Васильевна Ирише не то чтобы не нравится... В общем, жить они будут у Ириши. Благо квартира огромная, с видом на Кремль. Места всем хватит.

– Я с тобой, Ириша, давно поговорить хотела, – Ирина Васильевна морщит красивый лоб, – пока Паши нет. С ним что-то последнее время нехорошее происходит.

«Еще бы», – усмехается про себя Ириша.

– Он и раньше-то мне ничего не рассказывал, а сейчас грубый такой стал. Все не может простить, что я за Иван Андреича замуж вышла. Думает, что я отца предала.

«Это я знаю».

– Ведь когда Пашин отец погиб, я себе места не находила. Одна, с мальчишкой. Тяжело. Я ведь и для него старалась. Для Паши. Иван Андреич о Паше, как о

родном, заботится. Он его и в иняз пристроил. Так Пашка отказался. Не надо мне, говорит, этих подачек. А ведь это не подачка. Иван Андреич… – спазм сдавливает Марине Васильевне горло, на глазах слезы блестят.

Только Ирише совсем ее не жалко. Сама виновата. Нечего было за другого замуж выходить. Пашка такой ранимый, нежный. С ним так поступать нельзя.

– В общем, понимаешь, Ирочка, чувствую я, что сына теряю. Чувствую и все. Он нас теперь как избегает. Придет, в комнате запрется, и сидит тихо-тихо. Даже музыку не включает. Мне в комнату заходить запретил. Даже убрать не дает. А я и не захожу. Чтоб лишний раз на скандал не нарываться, – Ирина Васильевна горестно вздыхает. – Ты поговори с ним, Ириша. Пожалуйста. Может, он тебя послушает. Мы ведь не враги ему. Нельзя же так… с матерью, – и голос у Марины Васильевны дрожит.

– Хорошо, Марина Васильевна, обязательно поговорю.

Зашла Ириша в Пашкину комнату. Ей-то можно. Комната у Пашки большая, светлая, самая лучшая в квартире. Окна на Москву-реку выходят, на Нескучный сад. Все чисто, аккуратно. На столе ничего нет, все в ящики убрано. Наверное, и курсовая там лежит. Конечно, в чужих ящиках копаться нехорошо, но так они с Пашкой не чужие. Какие же они чужие? Да и чего время зря терять, пока Пашки нет, Ириша все проверит. А вот и курсовая. Зачем это он ее на самое дно убрал? Смотри-ка, уж почти всю сделал. Ага, вот и ошибочка, результат-то теперь неправильный будет! Ну, ничего. Сейчас Ириша в два счета все исправит. А это что? Листок какой-то. Почерк Пашкин. Все начеркано-перечеркано, как будто сочинение писал. «В Комитет Государственной Безопасности от студента 4-го курса…» Читает Ириша, а перед глазами все плывет. Бросить! Разорвать! Немедленно! Сейчас! Будто она не видела ничего и не читала. А глаза скользят по бумаге, подлые. Кто их просит?! «Довожу до Вашего сведения, что…»

Руки у Ириши дрожат. Листок из рук выпадает. Ну почему, почему он его не выбросил?!

– Куда же ты, Ирочка?

Хлоп! Дверь хлопнула. Словно по голове молотом ударило. В висках сердце стучит. Кажется, что из глаз вот-вот кровь брызнет. Мелькают ступеньки под ногами, как строчки доноса. Воздух. Дорога. Парк. Река. В реке огни блестят. Вечер уже. Пашка, Пашка! Значит, это ты всех заложил! Небо над городом стучилось. Брызнуло едкой, колючей дрянью. Не то снег, не то дождь. Прямо в лицо хлопья летят, в глаза впиваются – больно. Ох, как Ирише больно! Словно нет больше в груди сердца. Вот только что было, а теперь его нет. Вынули. Оземь бросили. Сапогами затоптали. Лучше б с транспарантом. На Красной Площади. Пусть бы убили. Пулю в лоб – и с концами. А то что же делать теперь?

Жить-то как дальше?

Дуська

Где же ты, мой город? Старая добрая Москва, в которой прошли – ах, как быстро! – мое детство и юность? Тебя больше нет. Ты изменилась до неузнаваемости. Поменялись названия улиц, станций метро, вместо старых домиков высятся современные многоэтажки, да и моего дома больше нет, впрочем, как и школы. Их зачем-то снесли в угоду безликим современным строениям. Стерли с карты города библиотеку, где я проводила уйму времени, перечитывая Стивенсона и Джека Лондона. Милая Пресня, малый уголок Москвы, столь много для меня значащий! Недавно, проезжая по делам мимо, я не узнала тебя. Где та улица, по которой я когда-то маршировала вместе с первомайской демонстрацией, облизывая только что купленный у цыганки «петушок»? «Макдональдс», «Бенитон», бесчисленные банки, бутики, салоны

красоты и рестораны – новый город, новые улицы, новые люди, да и я уже не та…

Но есть память, и там, в городе моего детства, все так же стоит овощной магазин, набитый трехлитровыми банками томатного сока и мешками картошки, булочная на углу, продуктовый, в простонародье «Стекляшка», «Башмачок», в котором вся наша школа четыре часа стояла в очереди за югославскими сапогами (видит Бог, лучше сапог у меня ни до, ни после не было); а вот в пионерских галстуках бегут в школу мои друзья, в школу с большим яблоневым садом, а вот и мой дом, где меня ждет мама, помешивая в кастрюле суп…

Особый мир той Москвы представляли собой коммуналки, в которых, как правило, обитали старые коренные москвичи, еще не выселенные в новостройки. В одной из таких квартир, в старом четырёхэтажном доме жили и мы. Квартира была небольшой, всего четыре комнаты, две из которых занимала наша семья, в третьей жил убежденный холостяк Александр Палыч, а четвертую, самую большую и светлую, с распашными дверями еще из старых времен, занимала Маргарита Павловна.

Ах, Маргарита Павловна, Маргарита Павловна! О вас у меня остались особые воспоминания. Тощая высокая старуха, дворянка по происхождению, чего не просто не скрывала, но чем гордилась. Не припомню, чтобы хоть раз она вышла из своей комнаты в домашнем халате – исключительно в платье и шелковой шали на костлявых плечах. Плебейские тапочки она не признавала, предпочитая туфли на небольшом каблуке. Вижу ее, как сейчас: вот она выходит из комнаты, этакий слегка мумифицированный, обветшалый раритет, переживший свою эпоху, чудом сохранившийся осколок былого благополучия: на сморщенных пальцах красуются громадные, как мне тогда казалось, перстни, в уши вдеты серьги с огромными камнями, волосы уложены безукоризненно, ногти покрыты розовым лаком. Голос у Маргариты Павловны низкий, громкий,

прокуренный, глаза глубокие, черные, холодные, характер мерзкий.

У Маргариты Павловны была верная собачка Дуська. Она подобострастно заглядывала хозяйке в глаза, заливалась пронзительным лаем, выясняя взаимоотношения с соседями, спала на матрасике в углу комнаты (если бы было возможно, Маргарита Павловна выселила ее в коридор), и неукоснительно выполняла все капризы хозяйки.

То, что Дуська все же была человеком, у меня в голове не укладывалось. Да разве может человек в наше время, когда космические корабли бороздят... быть в прислугах? Нонсенс. Какой-то старой, сморщенной бабке мыть на ночь ноги, приносить в постель кофе, выслушивать оскорбления, спать на полу – нет, человек, а это звучит гордо, быть таким не должен. Да и внешне Дуська напоминала собачку – дворняжку с остренькой мордочкой: тоненький носик, небольшие абсолютно бесцветные глазки, тонкие бледные губки, и только щеки у Дуськи почему-то всегда пылали, словно бы она их румянила. Волосы у Дуськи тоже были дворняжьего цвета, ни блондинка, ни брюнетка, так, что-то серенькое, скрепленное шпильками в пучок. Одевалась она однообразно: шерстяная кофточка на пуговках, преимущественно в коричневых тонах, и длинная юбка. Какая-то нелепая карикатура на Маргариту Павловну, ее обезображенная тень. Так они и обитали вдвоем – злобные некрасивые старухи.

Я всегда пытала маму, почему Дуська прислужничает. Мама всячески ее оправдывала:

– Дуська, ой, Дуся, приехала из деревни, ей жить нужно где-то. А после Маргариты Павловны ей комната останется.

Ну, тебе и аргумент! Из деревни приехала, жить ей, видите ли, негде. Иди работай, как все. Или езжай назад, уж лучше в деревне жить, чем старухе ноги мыть. Дуську я презирала. Она это понимала и ненавидела меня всей душой, впрочем, как и ее хозяйка. А для Маргариты

Павловны я являлась созданием, принадлежавшим к омерзительной группе живых существ, именуемых детьми. Обе старухи приходили в неистовство от моей неусидчивости и природной активности.

– Какая вертлявая девочка! Не ребенок, а сущий дьявол! – без конца жаловались они родителям.

Их бы воля, и я с утра до вечера стояла в углу на горохе исключительно из самых лучших педагогических побуждений моих «заботливых» соседок. А лучше – розгами. Глядишь, и толк бы из меня вышел.

Особенно лютовала Дуська. И если Маргарита Павловна позволяла себе лишь холодно меня отчитывать, то Дуська прямо-таки выходила из себя. А уж если я чем-то побеспокоила Маргариту Павловну!!! (а эту своенравную старуху я беспокоила одним своим появлением), то Дуськиному гневу не было предела. Ведь Маргарита Павловна очень ценила такую нечеловеческую преданность.

Например, разговариваю я по телефону, вот только трубку взяла, а недобитая барыня уже кричит:

– Дуся! Скажи этой особе, что она достаточно времени занимает телефон. Пора и честь знать.

Тут же слышится топот – это Дуська мчится из кухни, вырывает у меня трубку и со злостью бросает на рычаг, так что бедный телефон едва удерживается на стене.

– Ну-ка иди в свою комнату! – гавкает она.

Но Дуська для меня не авторитет, и я тут же перезваниваю. В конце концов, я взрослый человек, мне десять лет!

– Ты посмотри, какая дрянь! – искренне возмущается Маргарита Павловна.

Вечером все докладывается отцу или маме, причем краски сгущены до консистенции клея.

Еще Маргарита Павловна терпеть не могла, когда я пребывала в ванной. У нее просто нервы сдавали оттого, что дерзкая соплячка бесконтрольно льет из крана казенную воду.

– Дуся, иди проверь! – вопила она.

И Дуся, визгливо гавкая, «выгребала», как она говорила, килограмм моих волос. Очевидный поклеп двух лысеющих старух вводил в заблуждение даже мою маму, уличенную в том, что я такая неряха.

– Неужели ты не можешь смыть за собой эти волосы? – вздыхала мама.

В ответ я предлагала вырвать из моей крепкой шевелюры пару волосков, легко разоблачая таким образом Дуськины гнусные наветы в угоду Маргарите Павловне. А однажды эти две старухи нанесли мне кровную обиду и непоправимую психологическую травму.

Был у меня кот – Кузя. Хороший трехцветный котик, пушистый и добрый. Совсем молодой, всего 2 года. У Маргариты Павловны собачка, а у меня котик. Имею право. Маргарита Павловна, правда, так не считала, а уж Дуська подавно. Она так и норовила Кузьку пнуть, когда тот крутился под ногами, дожидаясь положенной порции молока.

– Что он вам сделал, Дуся? – искренне удивлялась мама. – Он же такой ласковый у нас!

– Нечего животных в доме держать, весь подъезд, паразит, изгадил!

– Именно, – басит Маргарита Павловна, появившись откуда ни возьмись, – я всегда была против животных. Этого кота надо ликвидировать.

– Ликвидировать, ликвидировать! – срывается на визг Дуська.

Маргарита Павловна сжимает сморщенными пальцами сигарету и выпускает дым. Ее лицо, как маска, не выражает ничего – холодное и неприступное, никаких чувств, словно мраморное изваяние.

У меня по коже бегут мурашки, а от слова ликвидировать внутри все сжимается. «Это тебя надо ликвидировать, барыня недобитая!» – думаю я.

– Знаете, Маргарита Павловна, – холодно говорит мама, – вам бы тоже не следовало при ребенке курить.

Мы тоже всегда были против курения. И против белого порошка. Пойдем, Кузя. Кузя, Кузя, Кузя.

Маргарита Павловна и в самом деле нюхала какой-то порошок, судя по всему, кокаин. Уж где она его в те времена брала, одному Богу известно. И, конечно, Дуське.

Кузины мисочки мы все же перенесли в нашу большую комнату, но вот удержать котика в комнате не представлялось возможным – мы жили на первом этаже, и он легко выпрыгивал в форточку, гулял на улице, а возвращался неминуемо через дверь. Он садился у двери и истошно орал, оповещая, что вернулся и неплохо бы его впустить. Дуська бежала к двери, открывала ее и пинком скидывала Кузю вниз, не обращая на меня внимания. Правда, если дома была мама, то Дуська так себя не вела. Она вообще отчего-то маму побаивалась.

Была у Кузьки странная привычка – когда в подъезде мыли лестницу, наш любимец терпеливо дожидался, пока уборщица хоть на минутку отвлечется, тут же откуда-то появлялся и справлял на тряпке малую нужду. Это и имела в виду Дуська, когда говорила, что Кузька весь подъезд изгадил. Зачем он так делал – не ясно. То ли он ненавидел уборщицу, то ли тряпка ему не нравилась, или таким образом пытался разом пометить весь подъезд – ведь тряпка терла лестницы снизу доверху, не знаю. Кошачья душа – потемки. Только пропал мой Кузька однажды. Не вернулся домой и все. Я его искала повсюду, звала, объявления развесила. Мама меня утешала и отводила глаза в сторону. А потом Дуська с гордостью мне призналась, что это они с Маргаритой Павловной вызвали живодеров и отдали им моего котика. Это было мое первое настоящее горе. Я, наверное, дня три рыдала, и поклялась за Кузю отомстить. И скоро случай представился.

Совершенно неожиданно через неделю Маргарита Павловна устроила себе очередные именины. День для Дуськи особенный.

Вот она мчится на рынок; наскоро свалив сумки, летит в один магазин, затем в другой; отстаивает страшные очереди и наконец зависает над плитой. Через некоторое время на плите все кипит и жарится, заполняя кухню аппетитнейшими ароматами – Маргарите Павловне нужно угодить. А я тут как тут, кручусь на кухне, вроде бы по своим делам. А сама выжидаю, когда же Дуська отлучится хоть на минутку. Наконец-то! Воровато оглядываюсь, и в кастрюльки и сковородки нещадно сыплется соль, перец, грифель от только что поточенного карандаша, горстка земли из цветочного горшка и немного стирального порошка. «Это вам за Кузю», – шепчу я.

Я не помню, как ругали меня родители, в моей памяти стоит Дуська. Никогда не забуду, как Маргарита Павловна при всех отхлестала ее букетом цветов, Дуськой же для благодетельницы купленным, в котором, между прочим, были и розы. Я помню, как спокойно и чинно, высоко подняв голову, ступала Маргарита Павловна и с каждым проделанным шагом хлестала Дуську по лицу. Самым страшным было то, что Дуська совершенно не защищалась, не закрывалась руками, а просто отступала, смиренно принимая удары. Продолжалось это до тех пор, пока Александр Павлович не вырвал у старухи букет и не вышвырнул в окно. А потом воцарилась тишина. Только Дуська всхлипывала, вытирая рукавом шерстяной кофты кровь с румяных щек. И стук каблуков – тук, тук, тук – Маргарита Павловна гордо возвращается в свою обитель.

Эта достойная пера драматурга сцена до сих пор стоит у меня перед глазами. Мне было и жаль Дуську, и я презирала ее, и ненавидела одновременно ее и себя. Вся эта гамма чувств смешалась во мне и зазвучала нелепой какофонией звуков, она раздирала меня изнутри. Мне было так стыдно! И за себя и за Дуську. И даже Кузькина смерть отступила куда-то на второй план.

А вот Маргариту Павловну я с тех пор страшно боялась. До самой ее смерти.

У Дуськи с Маргаритой Павловной была договоренность, что после смерти старухи комната перейдет Дуське, уж не знаю, как все это было оформлено юридически, но только Дуська терпеливо ждала, когда же наша барыня откинет копытца, а та и не собиралась это делать. Как все истинные леди, свой возраст она тщательно скрывала. Мы даже не знали, когда у нее точно день рождения, она могла устроить его в любой день, по несколько раз в году. Как она говорила, у человека нет дня рождения, а есть именины, их и надо справлять. Собственно, их она и праздновала в тот злосчастный день. Маргарита Павловна неоднократно «теряла» свой паспорт, а при восстановлении напрочь забывала дату своего рождения. Но даже согласно последним данным, ей было уже восемьдесят четыре года, когда пропал Кузька, а на самом деле все девяносто, а то и больше. И это внушало Дуське оптимизм. Она терпеливо ждала, стиснув зубы, сносила все оскорбления, спала на матрасе, мыла, стирала, готовила, убирала. И всячески угождала Маргарите Павловне, лебезила перед ней, расшаркивалась, в общем, виляла хвостом. Но чем старше становилась Маргарита Павловна, чем ближе виделся ей смертный час, тем мерзостней делался ее характер, тем больше она придиралась к Дуське. Она стала пинать ее ногами, по поводу и без повода лепить пощечины. Ей неоднократно делали замечания и мама, и отец, и Александр Павлович. Но это не помогало. Да и Дуська все терпела. Мне трудно поверить, что ей не было и пятидесяти! А выглядела она не многим моложе Маргариты Павловны. Видимо, так нужна была ей эта комната.

Тогда я искренне не понимала, как можно все это терпеть? Да и теперь не понимаю. Наверное, для Дуськи это вовсе не было чем-то противоестественным, унизительным. И прислуживать Маргарите Павловне стало для нее обычной работой, какую на протяжении многих веков выполняли ее предки, вот так же терпеливо снося оскорбления. Такой и она родилась, так

ее воспитали. Она приехала из далекой сибирской глубинки за счастьем, и для Дуськи стало удачей, не имея ни образования, ни знакомых, ни приятной наружности, так ладно устроиться. А может, по-своему она любила Маргариту Павловну? Разновидность садомазохизма двух одиноких душ? Все это до сих пор не дает мне покоя.

И все же однажды Дуська ушла. Ушла и не вернулась. Прослужив Маргарите Павловне добрых семнадцать лет, просто исчезла. Накануне ничто не предвещало, что Дуська собирается покинуть Маргариту Павловну. Она была такой, как обычно: мыла, варила, мела, ругалась. А на следующее утро, как только Маргарита Павловна вышла на прогулку, Дуська собралась и ушла. Куда? Зачем? Никто не знал. Ничего лишнего не взяла, только свои вещи и немного денег. Поначалу Маргарита Павловна нисколечко не переживала. Она была уверена, что Дуська вернется. А куда ей деваться? Уж, коль, пока молода была и в силах, терпела да обиды сносила, куда теперь денется! Ждала день, другой, неделю... а Дуська не вернулась. Так мы и не узнали, что же с ней сталось.

С этого момента Маргарита Павловна стала сдавать. Все хвори как-то разом облепили ее, словно только и дожидались, когда Дуська исчезнет. Старуха все реже выходила на улицу, потом и из комнаты перестала выходить, только в туалет да чай вскипятить. Продукты ей мама покупала. Маргарита Павловна не отказывалась, но и особой благодарности не выражала, будто давая понять, что на самом деле ей все равно. Готовить она не умела. Поначалу, правда, с достоинством ела горелую кашу собственного приготовления, а потом перешла на хлеб и колбасу. Мама ей все пыталась супчик всучить, но она – ни в какую. С уходом Дуськи жизнь потеряла для нее смысл. Я думаю, что на самом деле Дуську она любила, только по-своему, такой вот странною любовью, ведь не было у нее человека роднее. И Дуськино «предательство» скорее убило ее, нежели хвори и

старость. Умерла она через девять с половиной месяцев после Дуськиного исчезновения. Последние два месяца не вставала и от собственной беспомощности страшно страдала. Впервые мне стало ее жаль. Но ни разу ни стона, ни жалобы мы от нее не слышали – сказывалась порода. Она уходила с достоинством, в здравом уме и твердой памяти.

О Дуське я много думала. Семнадцать лет терпеть и не дождаться каких-то девять с половиной месяцев. Почему? Что случилось? Вот уж, право, загадочная русская душа! Попробуй ее раскуси! Возможно, она решила, что Маргарита Павловна вечна. Или у Дуськи лопнуло терпение? Кто ж ее знает. А может быть, это была месть, изощренная и продуманная? И Дуська, отлично осознавая, что Маргарите Павловне осталось немного, отомстила ей за все унижения, оскорбления, за отравленную молодость, за боль, страдания, оставив умирать беспомощную старуху в одиночестве. Беспомощную не в смысле сил, а в плане ее полной неприспособленности к житейским условиям. Или все гораздо проще, и нечего копаться в Дуськином сознании, – нашла себе работящая бабенка мужичка да и ушла к нему? Все равно непонятно, ведь ей переходила комната Маргариты Павловны, а это не так уж мало. И что самое главное, если я не ошибаюсь, Маргарита Павловна ее так и не выписала, а Дуська и после смерти хозяйки не явилась. Остается только пожать плечами…

Наш дом долго не расселяли, хотя он находился в самом что ни на есть преаварийнейшем состоянии: потолок сыпался нам на головы, обнажая деревянные перекрытия, подвал был затоплен водой, в которой плавал мусор и плодились комары и тараканы. Бесконечные комиссии сочувственно качали головой и в один голос говорили, что жить в таких условиях невозможно. Зато моя школа, в которой когда-то в 41-м находился штаб 8 дивизии народного ополчения, будучи в превосходном состоянии, была в считанные дни разобрана до кирпичика, а на месте ее с такой же

скоростью выросла престижная экономическая школа для детей ну очень обеспеченных родителей. Вот уж, право, загадка – чиновничья душа. Впрочем, и на наш дом нашелся инвестор. Свято место в центре Москвы пусто не бывает.

Я закрываю глаза, и улицы моего детства встают перед внутренним взором. Вот мой старый дом, вот идет из магазина Дуська, вот мои друзья гоняют мяч, а вот мама, молодая и красивая, открывает большую хозяйственную сумку: «Смотри кто там!» Я заглядываю внутрь, и чуть не кричу от восторга: там сидит котенок, пушистый, трехцветный и очень смешной. «На работе кошка окотилась, вот я и подумала… Ты же ведь давно кошечку просила! Ну, так как мы его назовем?» – «Кузя!»

Игорь Бурдонов

В 15 лет Конфуций обратил свои помыслы к учёбе, а я поступил в физ.-мат. школу, чтобы развлекаться математикой, что и делаю до сих пор, не жалея о своём тогдашнем выборе. В 30 лет Конфуций обрёл самостоятельность, а я писал кандидатскую диссертацию. В 40 лет Конфуций освободился от сомнений, а я закончил три поэтические тетради под названием «ПУТЕШЕСТВИЕ В КИТАЙ», обрёл сомнения (тетрадь «НА РАСПУТЬЕ») и заполнял первую из двух тетрадей под названием «УЧЕНИК». И попутно акварелью и тушью рисовал пейзажи. В 50 лет Конфуций познал волю неба, а я написал свой первый цикл из 28 хайку «Липовка-Лето-1998». И попутно акварелью и тушью рисовал пейзажи. В 60 лет Конфуций научился отличать правду от неправды, а я защитил докторскую и впервые увидел, что Китай на самом деле существует. И попутно акварелью и тушью рисовал пейзажи.

Я стоял в толпе китайских туристов, непрерывно фотографирующихся перед могилой учителя Куна, и размышлял. Я размышлял о том, что человек учится всю свою жизнь, получая то пятёрки, то двойки. О самостоятельности, которую человек сначала обретает, а потом теряет, обретает и теряет, и дальше по кругу. О том, что так и осталось непонятным: полезны сомнения или вредны. О свободе воли и воле неба. О том, как отличить правду от неправды, и нужно ли это делать. Я тоже хотел дожить до 70 лет, чтобы следовать желаниям моего сердца и не нарушать ритуала.

А теперь я нарисовал 20 акварелей и, глядя на них, написал текст, который можно прочитать здесь. А картинки смотрите на моём сайте burdonov.ru

Лун Ху цзы
«Кунь эй»

Предисловие

Учитель Лун родился в княжестве Ау, в волости Банпин, в селении Воуи. Его предок был гунцем по имени Лун Даншу. У Даншу родился Е Жэ, у Е Жэ родился Зулян И. Уже в немолодых летах И в нарушение обычая женился на девушке из рода Кань. Жена И молилась у горы Лицюшань и после родила сына – Лун Ху цзы. Так, на двадцать втором году правления муского Нян-гуна появился на свет учитель Лун.

Когда учитель Лун родился, у него на макушке обнаружили впадину и поэтому его назвали Гу («Долина»). Его детское имя – Шу-ин, поскольку он был третьим из братьев, второе имя – Ху (тигр), фамилия – Лун (дракон).

В детском возрасте Лун Ху-цзы любил играть: обычно он расставлял винные сосуды, деревянные раскрашенные фигурки танцовщиц и письменные принадлежности, представляя весёлое собрание сочинителей стихов.

В юности учитель Лун был беден и занимал низкое положение. Когда повзрослел, стал летописцем в клане Ози. Он обычно записывал всё подряд. Потом он покинул княжество Ау, перебрался в Пун и Малое Рэй. Однако и там он оказался в тяжёлом положении из-за столкновений с княжествами Сэнь и Тай и вынужден был вновь вернуться в Ау.

Лун Ху-цзы был ростом шесть чи и девять цуней, его называли коротышкой, он был совсем не заметен за другими людьми.

Из Ау учитель Лун отправился в столицу У, чтобы стать учеником знаменитого поэта Фао Ханя. На

прощание Фао Хань пропел: «龍虎子– 聋忽镏» – “Лун Ху цзы – лун ху цзы ”, что значит «учитель Лун – тёмная смутная мелочь».

У самого учителя Луна учеников совсем не было, только Синий, Печальный и Квадратный. Так что непонятно, почему его называют учителем Луном.

Зато у него было много друзей: и учитель Мун, и учитель Нун, и учитель Оун, и учитель Пун, и учитель Рун, и учитель Сун, и учитель Тун, и учитель Уун, и учитель Фун, и учитель Хун, и учитель Цун, и учитель Чун, и учитель Шун, и даже один иностранный учитель Эун.

Это они собрали истории про учителя Луна и, отредактировав их, издали книжку «困诶» – «Кунь Эй», что никак не переводится.

Можно только сказать, что иероглиф 困 – Кунь означает 47-ую гексаграмму Книги Перемен «Истощение», которая следует за 46-ой гексаграммой «Подъём» и предшествует 48-ой гексаграмме «Колодец». Ещё это значит бедный, нищий, усталый, изнурённый, пойманный в ловушку, попавший в засаду и т.п., а также дремать и спать, что очень похоже на учителя Луна.

Иероглиф 诶 – Эй означает междометие «эй!». По-книжному это произносится как Си, что звучит также как Си – храп, или Си – лошадь с белыми передними ногами, или Си – вороной конь с коричневым хребтом, или Си – небольшая домашняя мышь. Другое книжное произношение – Ши, что звучит так же, как Ши – крупная мышь, или Ши – мелкая утка, или Ши – гадательная бирка из стебля тысячелистника, или Ши – стихи.

Как-то сумасшедший бродяга Цзе Чюй из Шу прошёл мимо дома Лун Ху-цзы и громко пропел: «О комары, о мухи! Какое у тебя падение гениальности! В прошлом ты был не в состоянии сочинять, а в будущем, вероятно, тебе придётся

отправиться в забвение. Хватит! Хватит! Сколько можно писать стихов, которые ни на что не годны?» Лун Ху-цзы выскочил из дома, хотел поговорить с этим человеком, но тот быстро убежал, и побеседовать с ним не удалось. После этого учитель Лун уехал в Ща.

Из Ща он перебрался в Ы, из Ы – в Эй, из Эй – в Юй, а оттуда – в Яй. И везде он сочинял стихи, с помощью которых надеялся исправить глупость.

О смерти учителя Луна ничего не сообщается, так что достоверно неизвестно, умер он или ещё жив. Его сочинения также неизвестны, поскольку он никогда их не подписывал и теперь их можно приписывать кому угодно.

Глава 1

О том, как учитель Лун писал под копирку, как он прищуривал глаз и как проверял, врут люди или нет.

Учитель Лун был очень хитрый: бывало, кому-нибудь даст какой-нибудь совет, а сам ему не следует.

Ещё он любил путешествовать: не только по государственным делам и не только в своё удовольствие, а стараясь совмещать.

Во время этих путешествий он должен был писать доклады императору: как тут и что. Письма жене: что он и где. Записки маленькой наложнице: где и когда. Послания друзьям: когда и почему. Наставления ученикам: почему и зачем. Сочинения потомкам: зачем и как.

И так ему это надоело, что он придумал писать под копирку. Император удивлялся образности стиля докладов. Жена радовалась тому, что он ей всё подробно описывает. Маленькая наложница хихикала. Друзья поражались необычности его натуры. Ученики впадали в глубокую задумчивость. Потомки недоумевали.

Бывало, учитель Лун пойдёт на прогулку, вершинами дальних гор любуется, широкими долинами успокаивается, камни причудливые разглядывает, слушает, как птицы в ветвях деревьев поют или цикады в траве, или тихий гул доносится снизу, с автомагистрали. И тут вспомнит, что писать пора. Присядет на камень где-нибудь под деревом и пишет под копирку. А сам улыбается в бороду.

«И то правда, – говорил Учитель Лун, – если мир один, и я в нём один, то зачем шесть раз писать? Разве у меня шесть глаз, и каждый глаз своё видит, чего другие не видят? У меня только два глаза, и один я всегда прищуриваю».

В другой раз учитель Лун говорил: «Иногда я прищуриваю оба глаза, и тогда через некоторое время становлюсь сонным, и засыпаю. Но во сне всё равно что-то вижу, что-то слышу, с кем-то разговариваю и что-то записываю. Другие люди говорили мне, что тоже так делают. Но они врут. Я проверял: размахивал перед ними руками, шептал им в самые уши, но они не видели моих рук, не слышали моего голоса, на вопросы мои не отвечали и, уж конечно, ничего не записывали. Они просто спали. А если вдруг начинали видеть, или начинали слышать, или начинали говорить, или начинали записывать, так это только после того, как просыпались».

А в третий раз учитель Лун говорил так: «Люди врут не потому, что хотят скрыть правду, а потому, что не знают правды. Ведь если то, что они врут, правда, значит, правда включает эту ложь. А если то, что они врут, неправда, то они не врут. Люди думают, что правда маленькая, а ложь большая. На самом деле правда такая большая, что для лжи совсем места не остаётся».

Глава 2

О том, как учитель Лун встретил фею реки Мо, о стане дракона, запахе орхидеи и о том, что будет и что было.

Когда учителю Луну было тридцать лет, он ещё не надевал шапку и поэтому ещё не был учителем.

Тогда он любил прогуливаться вдоль берега реки Мо. Но не просто так, а чтобы встретить фею реки, которую звали Ни. Она должна была быть стройной, как взлетающий дракон, и ароматной, как горная орхидея. Да к тому же вовсе не против познакомиться с благородным человеком. На это явно указывали древние легенды и свидетельства достойнейших поэтов прошлого.

«Тут ведь в чём дело, – рассуждал учитель Лун, – раньше все боялись, что Ни-фея уволочёт их за собой под воду, и они там захлебнутся. Ну, типа, пути человека и феи различны. Но сегодня у меня есть акваланг – если что. А потом, может быть, удастся забрать фею Ни с собой. Закажу большой аквариум, налью воды из реки Мо, на дно уложу камни со дна и всякие водоросли оттуда же, рыб напущу. Надеюсь, Ни-фее понравится и она там не помрёт с голоду. А я буду любоваться, записывать под копирку и всякое другое».

Так рассуждал учитель Лун, двигаясь вдоль берега реки Мо, и, погружённый в эти думы, не заметил, как чуть не столкнулся с препятствием. Препятствием оказалась девушка, которая будто специально ждала его.

«Я Ни-фея», – сказала она и потупила глазки.

«Это не фея», – подумал учитель Лун.

И действительно, станом она походила на черепаху, а ароматом – на водоросли.

Впоследствии учитель Лун говорил так: «Древние легенды не врут, и достойнейшие поэты прошлого не лжесвидетельствуют. Только приукрашивают».

А ещё учитель Лун говорил вот как: «Если вдуматься, у дракона не такой уж изящный стан – слишком гибкий. Фактически у него и талии-то нет, потому что она везде. К тому же он склизкий. Что же касается аромата орхидей, то отнюдь не все из них пахнут ванилью и лавандой, шоколадом и ландышем, или розой, или фиалкой, или французскими духами. Некоторые воняют старыми грибами, мусорной свалкой, плесенью, кошачьей мочой, мёртвой рыбой или даже частично разложившейся крысой. И только совсем немногие – женскими гениталиями».

В третий раз учитель Лун сказал: «Дни летят как белые облака. Даже самые драгоценные воспоминания – что камешки на галечном пляже. Если вам кажется, что уже ничего не будет, то это только потому, что всё уже было».

Так говорил учитель Лун, но не рассказывал, как дальше дело было с феей Ни. Был у неё он под водой, она ли у него гостила в аквариуме или без него.

Глава 3

О том, как учитель Лун вершил суд над чертями, прищурив оба глаза, и как он научил их ритуалу и наказаньям.

Учитель Лун был хитрый, но честный. Когда дело касалось достижения правды, он хитрый был и находил самые неприметные, самые узкие и самые кривые тропинки, ведущие к цели. Но когда дело касалось самой правды, он честный был и шёл напролом, не разбирая дороги и игнорируя препятствия.

Поэтому император, чтобы как-то утихомирить учителя Луна, раз в несколько лет отправлял его в ссылку, куда-нибудь подальше, где тот не мог произвести слишком больших разрушений.

Однажды учителя Луна назначили судьёй уездным в городок Хэнду. Там он привёл в порядок присутственное место, украсил зал, поставил телевизор, расчистил двор и вырыл пруд, и стену на востоке починил, а под стеной куст хризантемы высадил. Потом уселся в кресло и стал ждать просителей.

Но никто не приходил. День не приходят, два дня. На третий день судья, прогуливаясь по двору, садовника увидел и спросил: «Что ж люди не приходят?» Садовник так ответил: «Они боятся чертей, и призраков, и духов. А те, узнав о Вашем прибытии, собрались все и не уходят, почтительно ожидая, когда Вы соблаговолите дела их рассмотреть и разрешить по правде и закону». Сказал садовник и растаял в воздухе.

Учитель Лун, конечно, сразу понял: невидимы и призраки, и духи, а всё же где-то тут толкутся. Садовника нарочно подослали, чтоб указать на ожидающих суда. Учитель Лун вернулся в зал, уселся в кресло и прищурил оба глаза.

Судить чертей во сне пришлось довольно долго. Дела их были и многочисленны, и запутанны. К тому же было всё у них не как у людей. Надеть колодки иль палками побить, и тонкими, и толстыми – всё это можно, а вот казнить не получалось – не умирали мёртвые уже. Учитель Лун был справедлив и тех, кому за восемьдесят, от наказания освобождал. Но то ведь люди, а черти жили сотни лет и больше. Пришлось придумывать такие наказанья, чтобы и правду соблюсти, и не обидеть стариков, хотя они и призраки, и духи.

Двор канцелярии уже травой зарос, засохла хризантема, и безнаказанно в пруду лягушки квакали. А судья Лун всё спал и спал, прищурив оба глаза.

И, честно говоря, ужасно надоело ему это. Тогда придумал он вот что. Собрал добропорядочных чертей, их разделил на ранги, чины присвоил,

назначил главного, и выдал молоток, и так сказал: «Теперь судите себя сами». Обрадовались черти, наконец-то покинули присутственное место и убежали играться в новую игру: судить друг друга и наказывать.

Тогда учитель Лун сказал: «Прав был мудрец-то древний, когда советовал он, духов почитая, держаться от них подальше». Так он сказал, прищурив один глаз.

Глава 4

О том, как учитель Лун помог коричной фее и совершил великий подвиг вместе с другим учителем Луном.

Учитель Лун любил поспать и всем советовал. Он говорил так: «Во сне люди приближаются к совершенномудрым. Они путешествуют по разным мирам, совершают великие подвиги и прекрасно себя чувствуют. Пути ночи и дня различны – это правда. Но разве они параллельны? Разве время от времени они не пересекаются?» И рассказывал вот какую историю.

Дело было в Жёлтых Горах, в полнолуние. Учитель Лун сидел и прищуривал то левый глаз, то правый, стремясь обрести чувство середины. В какой-то момент ему удалось одновременно прищурить и широко раскрыть оба глаза. Тут же на небе появилась вторая Луна, правда, поменьше, – видимо, чувство середины было всё же смещено влево. Под светом двух Лун проклюнулось и стало быстро расти коричное дерево. А по тропинке спустилась коричная фея в образе черепахи и стала жаловаться.

«Лунный заяц, – говорила она, – совсем разленился – не хочет толочь снадобье бессмертия. Если так будет продолжаться, придётся мне умереть. А что тогда будет с Луной? Разве она не упадёт на Землю?»

«Послушайте, милейшая, – ответил учитель Лун, – откуда мне знать, что вы та, за кого себя выдаёте? Ведь в древних книгах недвусмысленно сказано, что богиня Луны является в образе трёхпалой жабы, а вовсе не черепахи. Как вы это объясните?»

«Тише, коллега! – толкнул в бок учителя Луна другой учитель Лун (теперь их стало двое). – Вдруг богиня обидится и превратит нас во что-нибудь нехорошее».

«Ах! – воскликнула черепаха. – Вот видите, я уже превращаюсь. Священная жаба была бессмертна, а черепаха – только долгожительница. Ещё немного и я превращусь в человека». И коричная фея заплакала.

«Ну-ну... – сказал один из учителей Лун, – не расстраивайтесь. Мы этот вопрос решим».

И оба учителя Луна, полазив по интернету, сняли очки и стали совершать великий подвиг. Они раскрутили два колеса Великого Предела в противоположные стороны, понатыкали гвоздей в стол и запели весёлую песню о трын-траве.

На этом учитель Лун обычно замолкал, давая понять, что история окончена. Естественно, на него тут же сыпались вопросы слушателей: А как же лунный заяц? А как же черепаха? А как же Луна? Она упадёт на Землю?

Учитель Лун сердился, ругался и кричал: «А почему вы не спрашиваете, что стало со вторым учителем Луном?»

Пристыженные слушатели молча расходились, а учитель Лун, прекрасно себя чувствуя, прищуривал один глаз.

Глава 5

О том, как учитель Лун, печалясь о несовершенстве мира, сидел на камне в Улинских горах и спал.

Учитель Лун, в печали пребывая по случаю несовершенства мира, поднялся в Улинские горы, сел на камень и руки так сложил в знак великой скорби.

И дух горы – Шаньгуй – проснулся и посочувствовал учителю Луну. Ему он ветер навевал, махая веером. И дул в трубу-гуань, чьи звуки падали на дно ущелья и медленно, и плавно. И плавно облака по небу плыли. И медленно по склонам Улинских гор деревья персиковые поднимались. С уступа на уступ ползла трава. Улинского источника вода, ушедшая под землю уже тысячелетие назад, и та журчала как-то по-особому печально. Кружились лепестки и падали на землю долго-долго.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. И долго проходили под горой войска трёх армий с жёлтыми зонтами и четырьмя знамёнами, что по ветру, как будто по воде тягучей, развевались. И развевались тяжело повязки жёлтые, повязки красные на круглых крестьянских головах. В галоп пускались кони и возвращались к рыси, на шаг переходили и обратно к рыси, потом к галопу – так, словно бы летели и в воздухе перебирали ногами. И мерно грохотали колесницы – так мерно, как звучали каменные колокола.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Мычали буйволы, трубе-гуаню вторя. Солдаты сапоги впечатывали в землю, словно киноварью печати опускались на живописный свиток. Винтовки над землёй летели и кружились, как кружат журавли над императорским дворцом.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Змеились автомагистрали, по ним змеились автомобили, автобусы и велосипеды. Драконово змеились в

небесах то истребители, то бомбардировщики, то лайнеры с округлым брюхом, перевозящие людей всё так же смертных. От облака до облака, что плыли всё так же медленно и плавно.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Подобно древним фейерверкам, в небесах свой иероглиф рисовали порхающие кисти космических ракет, отпугивая злых духов. Все шесть путей пространства источили ходы радиоволн. И дух горы – Шаньгуй – в них путался, как муха в паутине. Подобно мухе по стеклу, по небу ветер ползал. Кружились лепестки и падали на землю долго-долго. Печально вода журчала под землёй.

Крестьяне рис то сеяли, то собирали. Учитель Лун в забвенье пребывал. Он даже не прищуривал глаза, что вовсе странно, а просто веки опустил.

Потом учитель Лун проснулся, потянулся, глаза протёр, присел два раза, разминая ноги. И так сказал: «Ну что ж, пожалуй, на этот раз я выспался на славу. Пойду домой». И он пошёл домой, насвистывая весело мотивчик “Жумэнлин”, что в переводе значит “Словно бы во сне”.

Глава 6

О том, как учитель Лун в молодости красил волосы в оранжевый цвет и сочинял сонет в Синих горах.

Когда учитель Лун был молодым, он красил волосы в оранжевый цвет, чтобы подчеркнуть свою индивидуальность и гармонировать с крышей террасы, на которой любил проводить время.

Учитель Лун сначала созерцал Синие горы, вид на которые открывался с Оранжевой террасы. Потом водружал в центр чайного столика доставшуюся ему по наследству Танскую вазу из гончарни Нисин в Циньчжоу, обязательно с тремя засохшими хризантемами. Вокруг аккуратно раскладывал четыре драгоценности учёного, всегда в одном и

том же тщательно продуманном порядке. А на край стола ставил Чаошанскую кружку, в которой заваривал крепкий Чаочжоуский чай. И начинал думать.

Думал учитель Лун, естественно, по-китайски. Но как бы не совсем по-китайски, потому что хотел сочинить итальянский или, на худой конец, английский сонет. Об этих странных стихах учителю Луну рассказывал его учитель Мун, человек широких взглядов и возвышенных устремлений.

Допив чай, учитель Лун заканчивал думать и отправлялся на прогулку в Синие горы. Там он и сочинил свой знаменитый «Оборванный сонет». Вот его иероглифы, вот их транскрипция и вот их подстрочник:

雾 屼 峿.	У У У	В дымке лысая Ушань.
骛 污 浯.	У У У.	Мчится мутная Уцзян.
吾 聒 歊.	У У У.	Я услышал плача звук.
吾 悟 物.	У У У.	Я постигнул суть вещей.
乌 巫 舞.	У У У.	Чёрный колдун танцует.
乌 鶊 舞.	У У У.	Чёрный тигр танцует.
乌 乌 舞.	У У У.	Чёрный ворон танцует.
篻 舞 舞.	У У У.	Чёрный бамбук танцует-танцует.
武 舞. 祺! 祺!	У У. У! У!	Военные пляски. Счастье! Блаженство!
物 物 午 午.	У У У У.	Всё смешалось.
吾 寤: 无 物...	У У: У У...	Я очнулся: ничего нет...

Впоследствии знатоки европейской поэзии не раз критиковали учителя Луна, говоря, что в сонете должно быть четырнадцать строк, а никак не одиннадцать. На что учитель Лун неизменно отвечал: «毋 呜呜!», что звучит как «У У-У!», а означает «не надо ля-ля!». Этим он хотел сказать, что настоящую поэзию не удержишь в рамках стихотворения, сколько бы строк в нём ни было. Она всегда продолжается за его пределы подобно

тому, как долго-долго звучит эхо в Синих горах: «У-у-у...»

Глава 7

О том, как учителя Луна послали в деревню мозги проветривать и как он во время засухи вызывал дождь, распевая песни.

У императора с учителем Луном была такая договорённость: учитель Лун давал советы, а император решал, нравятся они ему или нет. Если советы нравились, учитель Лун продолжал давать советы, а если не нравились, император отправлял его на природу, в деревню, – мозги проветрить.

Вот как-то отправился учитель Лун в деревню, а там засуха. Солнце палит нещадно, металл раскалился. А дождя нет: земля трескается и деревья сохнут. Собрались деревенские жители и давай решать: что делать?

Одни говорят: «Нужно ввести жёсткий режим экономии воды, деревья окучивать, землю подметать, назначить надсмотрщиков и распорядителей, детей заставить учиться, женщин – готовить еду и шить одежду. Когда будет наведён полный порядок, засуха кончится».

Другие говорят: «Нужно сидеть дома, в тени, и не выходить на улицу. Пусть дети спят, женщины делают детей, а мужчины им помогают. Когда наступит полный покой, засуха кончится».

Третьи говорят: «Нужно запрячь лошадей, сложить в повозки все вещи и уехать в другую деревню. И там подождать, пока засуха не кончится».

Тогда учитель Лун прищурил один глаз и сказал: «Засуха от того, что нет дождя. И пока дождя не будет, засуха не кончится, что бы вы ни делали. Поэтому нужно вызвать дождь. Об этом есть записи во всех канонах».

Жители заволновались: «Как это? Как это?» Учитель Лун говорит: «Есть два способа: новый и древний. Если по-новому, нужно собрать деньги и нанять самолёт, он будет летать над деревней и тучи нагонять».

Жители заволновались: «Деньги? Какие деньги? Нет никаких денег». Учитель Лун говорит: «Тогда древний способ. Раздевайтесь!» – «Ты чего удумал?» – кричат жители. Учитель Лун объясняет: «Одежда воду отталкивает, а голое тело притягивает. Об этом есть записи во всех канонах. Мужчины идут на холм Оюй и ловят воду из воздуха. Женщины идут на речку Ё и ловят воду из реки».

Так и сделали. Мужчины на холме Оюй одежду скинули и давай ветер на грудь принимать. Женщины на речке Ё разделись догола и давай плескаться в воде. А учитель Лун ходил от холма Оюй к речке Ё и распевал песни.

Только откуда вода в воздухе, когда засуха? Схитрил учитель Лун: мужчин на холм нарочно послал, чтобы не мешались. А женщины – те сливались: с волнами речными, с деревьями живыми, с землёй мокрой. Воду приманили и дождь пошёл. Мужчины все заслуги себе приписали – как они мощно ветер грудью ловили. А учитель Лун молчал, только глаз прищуривал.

Глава 8

О том, как учитель Лун с учениками в горы гуляли, как Квадратный вдаль глядел, а учитель Лун пел песню о седьмой луне.

У учителя Луна было много учеников, но самыми любимыми были Синий ученик, Печальный ученик и Квадратный ученик.

Однажды весной отправились они в горы. Взяли с собой вина, закусок разных и маленький столик. Поставили столик на ровном месте, разложили всё в должном порядке, фрукты и сласти разделили по

сортам, мясо нарезали правильно и мелко, приготовили квадратные сосуды с круглым вместилищем для клейкого риса и круглые сосуды с квадратным вместилищем для простого риса, расставили кувшины с изображениями быка и кувшины, украшенные слоновой костью, винные чашки и кубки.

Первым делом отведали однодневного вина: чтобы снять усталость и разжечь аппетит. По очереди предлагали тосты, поднимая чашу правой рукой и придерживая донышко левой.

Потом расположили треножники и пошли ручей искать и хворост собирать, чтобы костёр разжечь, воду на нём вскипятить и подогреть старое шаосинское вино. Вот под него-то и должен был начаться настоящий пир. Ученики шли и пели радостные песни в предвкушении удовольствия.

Синий ученик пел песнь «О дружбе»: «*Стучит по деревьям топор над холмом. Наш стол изобилен прозрачным вином, и в полном порядке сосуды на нем*».

Печальный ученик пел песню о мышиных ушках: «*Наполняю вином тяжкий рог носорога, чтобы сердце не ранила больше тоска*».

А Квадратного ученика не было слышно, видать потерялся где-то.

Нашли они воду, набрали хвороста и вернулись к своему столику. Глядь, – а столик-то пуст: ни фруктов со сладостями, ни мяса нарезанного, ни риса клейкого, ни риса простого, ни вина шаосинского. Ничего нет! Одна посуда грязная. И Квадратный ученик сидит и вдаль глядит.

«А где всё?» – спрашивают его. Тот ни слова, сидит лицом на юг и гудит «И-ы-и». Ученики хотели его побить, но тут вмешался учитель Лун, который сказал:

«О! Я слышу звук *жуй-бинь* – «Склонившийся гость». Квадратный хочет сказать, что он почтительно

кланяется мне, повернувшись к югу, словно к старому хозяину приходит молодой гость. Вот ты, Синий, пел о дружбе, а думал о вине. Ты, Печальный, пел о большой тоске, а думал о вине. А Квадратный, хоть и выпил всё вино и съел всю закуску, но, видать, думал о своём учителе».

И учитель Лун запел песню о седьмой луне:

«*Мы финики рвали в восьмой луне, а рис собирали в десятой луне.*
Созреет вино аккурат к холодам и радость подарит седым старикам».

Глава 9

О том, как учитель Лун вдали от столицы в беседке Длинного воробья беседовал с девушкой по имени Яй.

«О зачем же, скажите, зачем вы приходите, мой господин, в беседку Длинного воробья?» – говорила девица Яй.

«Здесь, под горою Дайтянь, услышал я ваши песни, что звучали так сердцетревожительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?» – отвечал ей учитель Лун.

«В далёкой столице так много красивых девушек. Они песни поют, будто порхают бабочки над цветами. Вы разве не слышали их, мой господин? Зачем же приходите вы в беседку Длинного воробья?»

«Здесь, у ручья Лофутань, стояли вы с опущенным лицом и смотрели, как струи воды завиваются вокруг речных камней. А когда отвернулись, будто ивовый пух закружился, и падал на воду, и ручей уносил его вдаль так сердцетомительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?»

«В далёкой столице по берегу императорского озера так много ивовых деревьев с ветвями длинными, как волосы. Ветер срывает с них пух, и пушинки плывут по воде, собираются стайками у листьев лотоса.

Разве вы их не видели, мой господин? Зачем же приходите снова в беседку Длинного воробья?»

«Здесь, в стороне от Ханьской дороги, я видел, как вы наклонялись до самой земли, чтобы срезать цветы, что растут вдоль восточной ограды. А когда выпрямлялись, держали в руках белые хризантемы, и птицы срывались с вершин сине-зелёных гор, чередою домой летели так сердцеволнительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?»

«В далёкой столице повсюду-повсюду цветы. Там есть и такие, что не найти в нашем южном краю. Там аисты тучами кружат над дворцовыми крышами, уточки парами плавают в прудах. По дорожкам, выложенным квадратными камнями, прогуливаются люди, и вы там гуляли, мой господин. Зачем же приходите вы в беседку Длинного воробья?»

«В пятнадцатый день, когда в небе сияла Луна, я увидел её отражение в чистой воде. Только нет здесь воды никакой. На ступенях крыльца вы сидели, и сияло ваше лицо, как вторая Луна, и плакали струны пипа в ваших руках так сердцеранительно. Разве мог я мимо пройти беседки Длинного воробья?»

«В далёкой столице ещё печальнее плачут струны пипа, поют о разлуке в искусных руках вашей жены и наложницы. Вы разве забыли их, мой господин?»

«Ай-Яй-Яй», – пел учитель Лун, что значит «я люблю уголки глаз девушки Яй».

Так они беседовали долгими вечерами в беседке Длинного воробья. Но учитель Лун не был бы учителем Луном, если бы рассказывал, что было дальше.

Глава 10

О том, как братья Лун защитили южные рубежи государства с помощью грозного вида и бумажных доспехов.

Учителя Луна звали Ху, он был третий ребёнок в семье. А второго звали Цу, он был очень воинственный, любил надевать доспехи и упражняться с мечом. Да только нигде не мог он применить своё искусство: войны никакой не было, жизнь в стране текла тихо и мирно. Цу очень грустил, даже лицом осунулся. Тогда Ху из уважения к старшему брату решил помочь, хотя сам был человек мирный и больше любил сидеть за книжками и гулять в весенних горах.

Учитель Лун подговорил императора устроить какой-нибудь небольшой военный поход и послать туда Лун Цу. Император рассудил так: один воинственный, другой миролюбивый, нужно послать их обоих, чтобы соблюсти гармонию. И отправил братьев охранять южные рубежи государства.

Прибыли они в город *Наншань*, что значит «Южная гора», и встали лагерем у стен города. Оба брата надели боевые халаты с чешуйками в виде иероглифа *шань*-гора, с подкладкой из сучжоуского шелка. На головы водрузили позолоченные шлемы, украшенные перьями и маленькими флажками. И каждый взял в руки *гуань дао* – меч зелёный дракон, закрывающий луну.

Вот так стоят они и потом обливаются, потому что на юге оказалось очень жарко. Солнце сияет, чешуйки в виде иероглифа *шань*-гора раскаляются и жалят даже сквозь сучжоуский шёлк, позолоченные шлемы пылают как печки, а *гуань дао* так наливаются тяжестью, словно и вправду

принадлежали герою Троецарствия Гуань Юю и весят по 82 цзиня, то есть по полцентнера.

А южные варвары – *наньмань* – собираются, смотрят издали, смеются и пальцами показывают. Но близко подходить опасаются – уж больно грозный вид у братьев. Только ихние ребятишки, и *мяо*, и *яо*, бегают кругом и дразнятся.

И так это надоело учителю Луну, что он нашёл некоего Шан Суйдина, велел тому изготовить доспехи из корейской бумаги в десять слоёв и покрыть боевой раскраской. Братья Ху и Цу переоделись и теперь стояли довольные, налегке, но вид по-прежнему имели грозный – отпугивали южных варваров.

Учитель Лун, чтобы бумага зря не пропадала, стал потихоньку отклеивать слой за слоем и писать на них свои доклады императору, отчёты жене, записки маленькой наложнице, письма друзьям, лекции ученикам и послания потомкам. А черновики рвал на мелкие клочки, скручивал в шарики, чаем смачивал, вставлял в камышовую трубку и пулялся в варварских ребятишек, и в *мяо*, и в *яо*. Те довольные были очень и уже не дразнились. А правители южных варваров – *наньмань* – не нападали, чтобы не нарушить веселья.

К концу службы братья Лун стояли уже совсем облегчённые, но всё же защитили южные рубежи, заслужив похвалу императора за отвагу и хитрость.

Глава 11

О том, как учитель Лун с помощью благоговейного созерцания спасал мир от зазеркальной опасности.

В давние времена зеркала ничего не отражали, и люди с той стороны свободно ходили туда-сюда. Но однажды ночью весь зеркальный народ перешёл границу миров, создав неразбериху и путаницу. Тогда великий Хуанди погнал пришельцев с гор

Кунлунь до самого Тибета, где с помощью магии загнал обратно в зеркала и, лишив собственного облика, обрёк их, словно в забвении, повторять все движения людей. Но древнее пророчество гласит, что придёт время и зазеркальцы пробудятся от этого сна.

Нужно сказать, что в зазеркалье время движется в обратную сторону, так что его обитатели были цивилизованными в прошлом, а в будущем станут совсем дикими. Об этом догадывались Хуанди и северный варвар по прозвищу Ко Зы Рев, искажённое Ка Зер Ув, сокращённое Каменное Зеркало Увидел. На самом деле ничего он не видел, а видел другой варвар по прозвищу Мул Да Шев, что вообще неизвестно что значит. Видел, да ничего не понял.

А дело было так. Император послал учителя Луна в Тибет. Когда он проезжал под Девятиэтажной Горою Свастики, день стал угасать, и учитель Лун решил переночевать около Дома Счастливого Камня. Едва он прищурил левый глаз, как последний луч солнца ударил в каменное зеркало и, отразившись от его вогнутой поверхности, сфокусировался в правом глазу учителя Луна. Ну, дальше, как положено, нестерпимая вспышка света, потеря памяти и стремительный перенос во времени в далёкое будущее.

Очнувшись, учитель Лун увидел в небе не то две луны, не то две космические станции. Гора Свастики была на месте, только стала повыше. И по её склонам бежали вниз голые люди с длинными носами и тащили с собой бронзовые зеркала, в которых отражалась какая-то светящаяся муть. Учитель Лун сразу понял: пророчество сбылось, носатые – это зазеркальцы в собственном диком обличье, хотят зеркалами нашу землю околдовать, чтобы мы повторяли их движения и у нас выросли такие же длинные носы. Учителю Луну это страшно не понравилось, он залез на скалу и сел лицом к югу в

позе благоговейного созерцания. Носатые тут же остановились, а потом в ужасе побежали обратно, побросав свои зеркала. Неизвестно, что их больше напугало: душераздирающее благоговение или невиданный дорожный халат учителя Луна – ведь они ещё не знали одежды.

Ну, потом солнце опять ударило, учитель Лун вернулся в своё время, а бронзовые зеркала разбросало по всей истории. Их стали называть волшебными китайскими зеркалами, потому что, отражая солнечный луч, они показывали на стене не отражение, а картинки зазеркального мира, выгравированные на оборотной стороне, а иногда и совсем другие. Так учитель Лун спас будущий мир от зазеркальной опасности.

Глава 12

О том, как учитель Лун, печалясь в горах, пил состарившееся вино и играл на флейте, а дикие крылатые ослы слушали.

Учитель Лун, когда в печали был, он в горы уходил и там печалился. Он брал с собой старинные кувшины с вином состарившимся, колоду карт с изображениями воинов старинных и пару флейт с высоким звуком.

Расположившись на краю обрыва, учитель Лун сначала пил вино, внимания совсем не обращая на серебро вершин далёких, на воздух, золотящийся от света, и на круженье птиц над кронами деревьев.

Потом он доставал колоду карт из двух частей: с картинками и с текстом. Раскладывал в порядке произвольном картинки и, вглядываясь в их замысловатые сюжеты, к ним тексты подбирал, чтоб подходили по смыслу или настроению. Игра такая у него была. Но вскоре и она надоедала. Учитель Лун вскрывал второй кувшин.

Прищурив левый глаз, играл на флейте ди, чей звук подобен ветру в горах весенних. Прищурив правый глаз, играл на флейте сяо, чей звук подобен дыму, что может проникать в иные измерения и достигать миров, где Боги спят. Та музыка была немного странной. Она не вызывала бури, не рушила пространство и не обрывала нить времени. Но и в гармонию никак не попадала с падением луча, порывом ветра и вздохом листьев, движением травы и неподвижностью камней. Обеспокоенные этими созвучиями, с той стороны обрыва поднимались по узким тропам дикие крылатые ослы. И, уши навострив, на месте замирали и слушали.

Учитель Лун, прищурив оба глаза, читал стихи неправильных размеров, в которых слова толкались, не находя себе ни места, ни покоя, ни пары. Как будто в воздухе плясали пылинки золотые. Или как будто вершины гор далёких отделились от основания, сокрытого в тумане, и сами по себе по небу плыли, как облака плывут. Или как будто облака плывут так несовместно, что каждое в особенную сторону свою. Ослы сложили крылья, копыта спрятали и опустили веки с ресницами, что щёки прикрывали.

Учитель Лун внезапно замолкал на полузвуке. Такая тишина стояла, что птицы не двигались над кронами деревьев, как листья на невидимых ветвях, у деревьев немели ветви в неудобных позах, а горы дальние уже не отличались от облаков и облака – от гор.

Учитель Лун вскрывал ещё кувшин. Но это только так говорится, что вскрывал, ведь третьего кувшина не было. Учитель Лун, весь раскрасневшийся от старого вина, уже не так печалился, как прежде. Ещё сильнее. Он знал, что будет спать теперь и что проснётся в мире изменённом. Но всё оттягивал мгновенье забытья, печалясь.

Глава 13

О том, как учитель Лун на Горе Багрянника читал надпись на камне, пребывая в глубокой задумчивости.

Когда императорским указом учитель Лун стал академиком, ему поручили составление каталога надписей на древних камнях. Он ездил по всей стране в поисках этих камней и срисовывал надписи в книгу.

Однажды учитель Лун оказался южнее Хуанхэ, недалеко от Чжэнчжоу. Друзья пригласили его на Гору Багрянника пить вино и любоваться Луной. Когда уже все захмелели, учитель Лун решил прогуляться. Он подошёл к краю террасы и прислонился к стволу зелёного дерева. И тут он увидел ещё один камень, который строители использовали для укрепления фундамента.

На камне была вырезана каллиграфическая надпись в древнем стиле, которая гласила: «Я, Лун Ху третий, поднялся на Гору Багрянника в поисках древних камней. В свете ночной Луны увидел я этот камень и решил оставить на нём надпись в память о дружеской попойке на Горе Багрянника. А сам ухожу…» Дальше текст обрывался, потому что от камня откололся кусок.

Учитель Лун переписал надпись в книгу и остался стоять, погружённый в глубокую задумчивость. «Кто вырезал на камне эти иероглифы? – думал он. – Я? Но я этого не помню. Да и когда? Я здесь всего лишь несколько часов. Другой Лун Ху? Разве есть другой Лун Ху, тоже третий? Или я сам сделаю позже эту надпись? Но тогда почему я вижу её сейчас – до того, как она сделана?»

Учитель Лун стоял на краю террасы. Лунные тени медленно перемещались по земле. С северо-восточной стороны уже начинало светлеть небо. И оттуда потянул лёгкий ветерок, чуть шевеля листья зелёного дерева.

Учитель Лун думал дальше: «Почему мне кажется, что время движется в одну сторону, подобно реке? А может быть, оно движется подобно Луне – кругами по небу. А я их не вижу, потому что круги очень большие. Но вот иногда встречаются маленькие круги и приводят меня в замешательство».

И учитель Лун думал дальше: «Почему мне кажется, что я единственный? Может быть, учителей Лунов много, но они ходят разными путями и никогда не встречаются? Об этом ничего не сказано в древних книгах».

И учитель Лун думал дальше: «Почему мне кажется, что иероглифы на камне обозначают меня? Разве они похожи на меня? У меня есть руки и ноги, шея и голова. Но разве у меня есть откидные, изогнутые и прямые, крючки и точки? Мы привыкли читать иероглифы так, что каждый раз получается какой-то смысл. А может быть, смысл совсем в другом?»

«Почему вообще должен быть смысл? – думал учитель Лун. – Разве нам кто-то обещал смысл? Разве кто-то обещал?» И учитель Лун закрыл глаза.

Глава 14

О том, как учитель Лун путешествовал в компании с разбойником и монахом, играл на цине и пел, а те двое подпевали.

Учитель Лун в пути всегда искал попутчиков себе. И как-то так всегда случалось, что было двое их. Один разбойник, а другой монах.

Разбойник был могуч телосложеньем, носил на голове платок обычный, морщинил лоб, усы топорщил и взгляд имел свирепый и прямой. Он даже в детстве не мог свой взгляд пониже опустить, за что и был наказан много раз. Он говорил: «Идите-ка вы лесом! Вся Поднебесная не стоит волоска с моих усов: что с правого, что с левого. Людей я не люблю, а духов не боюсь. Меня волнует только колыханье

высоких трав на заливных лугах. Напоминает мне весёлую игру мечей, сверкающих под солнцем на краю большой дороги».

Монах был тощий, высохший какой-то, на голове носил причудливый тюрбан, скрывая лысый череп, усы и борода его поникли, и даже нос поник. А взгляд то вовсе пропадал, то вдруг сверлил пространство с каким-то даже будто свистом или шипением. За что его и выгнали когда-то из горного монастыря – он всех пугал. Ещё он уши прижимал и говорил вот так: «Когда ж вы перемрёте все в долинах Поднебесной! Здесь стало слишком тесно, не протолкнуться. Дня не проходит, чтоб не наткнуться на дровосека с глупым топором, на рыбака с бессмысленною рыбой или крестьянку с глупыми цветами. Взойдёшь на гору, тут как тут слетаются бесчисленные духи, как мухи на прокисшее вино. Успокоение приносят только травы, поникшие на заливных лугах. Они мне ничего, хвала шуньяте, не напоминают».

Учитель Лун, в своём чиновничьем берете, смиренно слушал эти разговоры, не возражая и не осуждая. Он, опустив глаза, развесив уши и руки спрятав в рукавах, шёл медленно и чинно среди трав по заливным лугам в долинах Поднебесной. И думал так: «Как много в этом мире разнообразных, скажем так, людей. Они ни в чём друг с другом не согласны, и всё у них выходит поперёк. Идти прямым путём они не могут и не хотят, а кружат по тропинкам, извилистым, и узким, и опасным. Когда садятся, ног не поджимают. Когда встают, не кланяются гостю. Когда идут, дороги не уступят. Когда рождаются, кричат. Когда уходят, лишь вздыхают».

Так шли они втроём то по дорогам, то по тропинкам, то по бездорожью. То мимо городов больших и шумных, то мимо деревень осиротевших или скитов отшельников пугливых. И травы

расступались перед ними, и долго колыхались позади. Разбойник говорил: «Давайте, что ли, вином напьёмся для веселья». Они вино в деревне покупали и напивались, просто так, без церемоний. Монах ворчал: «Да что мы всё идём, пора бы успокоиться уже». Они под деревом усаживались в круг, костёр горел, Луна ходила кругом. Учитель Лун, достав гуцинь старинный, играл мелодии забытые в веках и пел протяжно и высоко. А эти двое подпевали: разбойник и монах.

Глава 15

О том, как учитель Лун, с бамбуковыми кастаньетами в руках, летал на облаке, а потом проснулся и не мог найти смысл.

Учитель Лун во сне распускал волосы, брал в руки бамбуковые кастаньеты пайбань, летал на облаке, смеялся и распевал песни. Над горами всходила розовая Луна, на отвесных скалах проступали древние иероглифы, издалека прилетала птица Пэн, у которой одно крыло упиралось в небо, а другое – в землю. Деревья вытягивали из земли свои корни и ходили как люди. Камни Великой Стены шевелились и глухо стонали.

Но тут всегда прилетал с другой стороны учитель Нул, с тигровой трещоткой юй в руках, плакал, махал одним журавлиным крылом, и музыка умолкала. Рядом с первой Луной появлялась вторая розовая Луна, иероглифы на скалах читали друг друга как парные надписи, с моря по реке поднималась рыба Гунь длиною в тысячу ли, превращалась в птицу и взлетала в небо. У деревьев листья раскрывали рты и глотали воздух. А камни Великой Стены ворочались с боку на бок, вздыхая.

Учитель Лун и учитель Нул кружились и всё пытались столкнуть друг друга с облака. Две Луны напрягались, пытаясь перетащить Землю каждая на

свою сторону. Птица Пэн и рыба Гунь, превращённая в птицу, висели в небе и не двигались. Горы переругивались через пропасти и ущелья. Деревья окончательно превращались в людей и уходили в свои дома спать. А камни Великой Стены всё ползали, ползали, как улитки.

Бамбуковые кастаньеты пайбань стучали, тигровая трещатка юй трещала. Птица Пэн и рыба Гунь стали белыми летучими мышами и жалобно пищали. Иероглифы стучали по крыше каплями дождя. Люди-деревья шевелили во сне бровями. Горы поседели и загорюнились. А камни Великой Стены спали.

Учитель Лун столкнулся с учителем Нулом, ихние облака перепутались, смешались, пролились дождём, а сами они перестали смеяться и плакать. Потом учитель Нул куда-то делся, а учитель Лун проснулся.

В небе сияли две розовые Луны, только одна была настоящей, а другая – её отражением. Далёкие облака, похожие на птицу Пэн, превращённую в белую летучую мышь, и рыбу Гунь, превращённую сначала в птицу, а потом в белую летучую мышь, таяли под Лунами. Только что кончился дождь, и в воздухе пахло водой и ночными цветами. Далёкие горы, татуированные трещинами, в лунном неверном свете плыли по небу и будто покачивались. Деревья склонялись к окну и смотрели на учителя Луна. А камни Великой Стены лежали, как и положено, далеко на севере.

«Я спал и видел сон, – сказал учитель Лун. – Но нет в нём никакого смысла. Теперь проснулся я. Но где же смысл?» Учитель Лун искал и на столе, и под кроватью, но не нашёл. Так и уснул обратно.

Глава 16

О том, как император поручил учителю Луну записать истории всех людей, и о том, что из этого вышло.

Когда учителя Луна назначили главным историографом, тот, желая сделать приятное императору, сказал: «Почему историографы всё время пишут о тех, кто умер? Разве Сын Неба не хочет прочитать свою историю ещё при жизни?» Императору показалось это забавным, но ответил он так: «Я, ничтожный и единственный, могу ещё подождать. Сначала вы составьте свод историй всех ныне живущих людей. Потом можно написать и обо мне». И император вручил учителю Луну серебряную табличку с надписью «Будет спрашивать – отвечайте, как если бы мы лично спрашивали».

Так учитель Лун по собственной неосторожности лишился покоя, выходных, праздников и отпусков. День за днём, месяц за месяцем он опрашивал людей Поднебесной и записывал их истории. Ездил по всей стране, из города в город, останавливаясь в каждой деревне, на каждом захудалом постоялом дворе, боясь пропустить какого-нибудь человека, будь то мужчина или женщина, старик или ребёнок. Он поднимался в горы, где жили отшельники, спускался в долины, где крестьяне трудились на рисовых полях, ходил в походы с войском, чтобы записать истории солдат и генералов, пока их ещё не убили. Учитель Лун показывал свою серебряную табличку, и его принимали князья в своих дворцах и бедные люди в убогих хижинах, чиновники в присутственных местах и разбойники у костра на лесной поляне, учёные в тиши кабинетов и торговки за прилавком на рынке, монахи в своих кельях и горных скитах и даже девушки в синих домах.

Учитель Лун возил с собой большой ящик с записями историй, который уже с трудом поднимали четыре носильщика, и мальчика, чьи руки уже не отмывались от туши, которую он с утра до вечера растирал для учителя Луна. А тот всё писал и писал истории людей. И хотя каждая история была краткой и строгой, но людей оказалось так много! И пока он записывал истории одних людей, другие умирали или рождались. И понял учитель Лун, что не будет его работе ни конца, ни края. И сердце его наполнилось грустью, борода поредела, а лоб покрылся морщинами.

Все жалели учителя Луна. Одни советовали ему использовать копирку, ведь так много похожих историй. Но учитель Лун не соглашался: «Даже если истории отличаются только одним иероглифом, как я могу обижать людей?» Другие советовали напечатать бланки с вопросами, которые люди заполняли бы сами своими ответами. Но учитель Лун только качал головой: «Разве можно разным людям задавать одни и те же вопросы? Ведь тогда и ответы будут одни и те же, и это не будет правдой».

Но потом император умер, не дождавшись своей истории. А новый император отправил учителя Луна на покой. И тот написал: «Конец истории».

Глава 17

О том, как учитель Лун медитировал на берегу реки Ли, потом очень расстроился, а потом успокоился.

Учитель Лун поселился на берегу реки Ли, снял шапку, сбрил бороду и распахнул халат на груди. Так он расстроился из-за неудачи со всеобщей историографией. «Буду сидеть и медитировать», – решил учител Лун. Так и сделал.

Река Ли несла свои воды, горы покачивали лысыми макушками, шумел бамбук у берега, трава шуршала

и скрипели камни, по небу облака неслись и птицы. А учитель Лун всё сидел и сидел, подстелив под себя шёлковое одеяло.

Мысли его постепенно очищались, дыхание замедлялось, а сознание становилось всё легче и легче. Наконец учитель Лун поднялся над землёй и поплыл. Это потому, что в него проникла радость бытия, а она ведь легче воздуха. Учитель Лун совсем развеселился и даже стал напевать: “龍虎子 – 浑小子. 浑小子 –龍虎子” – “Лун Ху цзы – хунь ся цзы. Хунь ся цзы – Лун Ху цзы”, что значит «Учитель Лун – такой шалун. Такой шалун – учитель Лун».

Потом он опустился на землю, запахнул халат, надел шапку и стал серьёзным. «Всё это хорошо, – думал учитель Лун. – Да только разве я облако, чтобы висеть над землёй? Разве я птица, чтобы летать под облаком? Разве я семя дерева, чтобы меня на лету склёвывала птица?»

В задумчивости бродил учитель Лун вдоль берега реки Ли, в глубокой задумчивости. С досадой пинал он подвернувшиеся камешки, и они с гулким бульканьем падали в воды реки Ли. Даже в некоторой растерянности срывал учитель Лун длинные травинки, жевал их, а потом выплёвывал, потому что они были горькие. А то вдруг замирал неподвижно, устремив свой взгляд куда-то далеко-далеко, за тот берег. Или начинал приседать, хлопать ладонями по земле и вскрикивать: «Эх ты как! Ах, как всё! Ух, чтоб вас!» А что это значит, учитель Лун и сам не понимал, но только чувствовал какую-то неправильность в устройстве мира. Он её чувствовал, но не мог назвать, потому что у неё не было имени. А без имени её нельзя было исправить, потому что тогда весь мир бы разрушился, как рушится карточный домик, когда вынимаешь снизу одну карту.

Горесть бытия проникла в учителя Луна и смешалась там с радостью бытия. Как будто живот пучит, или как будто дымом поперхнулся, или вдруг спина зачесалась. Река Ли оставила свои воды, а сама куда-то ушла. Горы тоже ушли, оставив одни лысые макушки. Бамбук у берега умер, но притворялся живым. Трава скрипела по-каменному, а камни шуршали по-травяному. На небе облака расползались по швам и птицы падали как тряпочки.

Настало время обеда, и учитель Лун почувствовал голод. Он пошёл домой и стал есть свой рис и пить свой чай. И постепенно успокоился.

Глава 18

О том, как учитель Лун влюбился в юную девушку с золотыми волосами и размышлял о несправедливости времени.

Учитель Лун уже в почтенном возрасте влюбился в девушку с золотыми волосами. Девушка была такой юной, что её школьное имя ещё трепетало в паутине золотых волос, и даже детское имя нет-нет да проступало на щёчках, когда она краснела от смущения.

Учитель Лун уж и так размышлял, и эдак раздумывал, а ничего не помогало. Стыдно ему было перед своими учениками. Синий ученик делал вид, что ничего не замечает, и всё время смотрел в сторону. Печальный ученик поглаживал учителя по плечу и приговаривал: «Да, да, да», а больше ничего сказать не мог. Квадратный ученик, видя такое дело, уселся на землю и перестал учиться.

А в Поднебесной в это время неспокойно было. То шли войной крестьянские повязки: и жёлтые в полоску, и синие в горошек, и в клеточку оранжевого цвета. То меднобровые сражались с лиловоусыми, а те – с белобородыми в союзе с цвета хаки бакенбардами.

И розовоголовые сошлись с янтарногрудыми в непримиримой схватке. Военные флажки неслись навстречу ветру, штандарты хлопали и в небеса рвались, и гулко били барабаны, и звуки труб взлетали к облакам.

Учитель Лун, спасаясь от несчастий, то быстро убегал, то прятался среди камней и скал. Ученики старались, как могли, отслеживая продвиженье войск и пищу добывая в деревнях. А девушка золотоволосая как будто скиталась вместе с ними, и как будто не было её. Учитель Лун её так ясно видел, а вот ученики совсем не замечали. Учитель Лун дотронуться боялся до неё, ученики же проходили сквозь неё, как сквозь туман. Учитель Лун шептал слова любви, но девушка ему не отвечала, должно быть, она не слышала, а громче говорить учитель Лун стеснялся при своих учениках.

Вот так сидел учитель Лун, сложив ладони, веки опустив, и размышлял о времени. Войны он, кажется, совсем не замечал или значенье ей не придавал. Но волосы, струящиеся золотом, мешали ему спать. Он размышлял о том, что время несправедливости полно и люди заблуждаются, когда надеются, что время всё рассудит, расставит по местам и примирит. Но что такое время? Всего лишь неповоротливое глупое животное, которому не ведомы ни чувства тонкие, ни мысли светлые. Знай несётся себе, копытами взбивая пыль, не остановишь и не повернёшь его. Небось и имя детское своё уже забыло, да было ли оно у времени, или оно родилось стариком? Что золотые волосы ему, и что ему седая борода?

Вот так сидел учитель Лун, ученики к нему с почтеньем обращались. Не видели они, как в волосах седых трепещет ученическое имя, не замечали, как краснеют щёки и проступает забытое как будто, детское имя учителя Луна.

Я, *шаоши*, младший историограф, скажу так:

В *Гэвэй* – «Книжке Песенок» – есть такие строки: «Когда в глубокий колодец смотрю, опустив вниз голову, словно иду по малому кругу, и хотя нет в этом никакого смысла, но сердцем я уже в нём»[4].

Прочитав сочинения Лун Ху-цзы, я захотел представить его себе как человека. Для этого я отправился в Ау, но не нашёл там никаких следов. Могу сказать, что я ходил там, пока не надоело.

Поэтому учитель Лун – человек необычный и, в каком-то смысле, никогда не существовавший.

Что касается историй учителя Луна, то они не были им выдуманы. Они на самом деле случились, только непонятно, когда и с кем.

В Поднебесной пребывало множество сочинителей и читателей, иные из них так прославились, что слава о них передавалась более чем через десять поколений. Лун Ху-цзы же, незаметный человек, из тех, что не прочь покрасоваться в шелках, был не таков. О нём трудно что-то сказать.

Пусть даже учитель Лун
Макушку посыплет горячей золой,
Всё равно десять тысяч Лун
Без него проплывут над Землёй.

---

[4] *Поэтический перевод Б.Б. Шуткина выполнен достаточно «вольно» и звучит так: «Бессмысленным взором в колодец лечу, в супругу поглубже проникнуть хочу».*

Ольга Моисеева

Необратимость времени не кажется такой жуткой, когда думаешь, что своим непрестанным течением оно придаёт порядок пространству, как нить – бусинам, и всё же... Всё же порой так хочется выйти из потока секунд, часов, столетий и оглянуться кругом!

Как и все, я знаю пару способов обмануть ход времени. Например, можно взглянуть на ночное небо. Свет от далёких звёзд идёт к нам на Землю так долго, что я вижу их такими, какими они были много лет назад, а значит, мой взгляд устремляется в прошлое. Или ещё можно полететь на космическом корабле со скоростью, близкой к световой, и тогда, обогнав оставшихся на Земле, я перепрыгну через десятилетия и попаду в будущее. Правда, тут есть одна загвоздка – я попаду в будущее тех, кто ждал меня дома, а не в своё. Для меня же это чужое будущее всё равно окажется настоящим! Да и то, что я сейчас вижу на звёздном небе, – это ведь тоже вовсе не моё прошлое! Такой вот Космос хитрый: вроде даёт возможность поиграть со временем, однако из системы выйти не позволяет. Или не хитрый, а мудрый? И «детям галактики» пока ещё просто рано высовываться из «манежа» настоящего?.. Наверное... Я не знаю... «истина где-то там» – очень далеко... или глубоко?.. а может быть, высоко?..

Мне отсюда, с Земли, не видно.

Так тянет ночью выйти на крыльцо!
Охватывает трепет каждый раз.
Смотрю на звёзды – миллионы глаз,
И гладит лунный ветер мне лицо.

И хочется, дыханье затая,
Увидеть через звёздную метель,
Где прячет вечный Космос колыбель,
С которой разорвалась связь моя...

Семь петель

Семь месяцев!

Я уже давно успокоился и перестал её искать. Что поделаешь, ещё в первые месяца полтора были найдены и перерыты все существующие базы данных, прочёсан интернет. Ничего, как в воду канула!

Звали её Рита Стеклова, хотя откуда мне было знать, настоящее ли это имя? Может, придумала на ходу, когда мы знакомились, вот я и не смог её разыскать? После безрезультатных звонков и хождений по адресам подобные мысли часто приходили мне в голову.

Мы встречались всего неделю, поэтому её нестандартное, так скажем, поведение утомить не успело и своей неожиданностью даже нравилось, кроме, пожалуй, последнего раза. Тогда мне показалось – ну перебор, нифига не забавно уже совсем.

Кстати, не знаю почему, но, несмотря на все её странности, я ни разу не предположил, что она сумасшедшая – ни пока мы встречались, ни потом, когда искал её. Думал: да ладно, каждый развеивает скуку, как может, многие играют в то, что они особенные и всё у них необычно... Мысль, что Рита не в себе, возникла у меня только недавно, через полгода после её исчезновения, когда всплыло это письмо.

Пожалуй, ниже я приведу из него некоторые отрывки, опуская всё слишком личное.

*

Конверт обнаружился случайно, в нижнем ящике стола. Сюда я годами сваливал бумажки, которые могли когда-нибудь пригодиться. И вот пару недель назад настал такой момент: мне понадобилось отыскать визитку одного давнего знакомого, и я принялся копаться в этой куче хлама. Долго там рылся, но нужная карточка всё не попадалась, и в конце концов я в ярости вытащил ящик и вытряхнул все, что в нем хранилось, на

пол. Конверт упал последним, видно, лежал на самом дне.

«Петли. История моей «болезни». Надпись была сделана от руки, и я сразу узнал Ритин почерк, помнил его по записке, которую она мне однажды оставила.

Внутри лежало несколько листов печатного текста.

К тому времени я уже и не надеялся, что сумею о ней что-нибудь разузнать, и вдруг – это письмо! причём переданное вполне в духе Риты: так, что я и за сто лет мог его не обнаружить!

...Знаю, что ты сейчас думаешь: «Если она хотела, чтобы я прочитал это письмо, то почему не отдала мне его в руки, а втихаря засунула черт-те куда?»

Прости, я опять поступила не вполне конгруэнтно. И это не единственное и не самое большое мое чудачество, правда?

«Правда, – согласился я. – Зато ты единственная, кто может поступать «не вполне конгруэнтно»! Эх, а я уже успел позабыть про твои выкрутасы со словами...»

Я всегда казалась тебе, мягко говоря, странной. Помнишь, как мы познакомились?..

«Что ж я, по-твоему, – совсем склеротик?»

*

Это было в апреле. Как всегда, в четверть седьмого вечера я после работы шёл к своему «форду». Из окон дома напротив били нестерпимо яркие блики. После спокойного рассеянного света офисных ламп блеск весеннего солнца казался ослепительным, и я зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел ее – стройную, коротко стриженую шатенку в джинсах и кожаной курточке, плотно охватывавшей фигуру. Она

шла ко мне, улыбаясь тепло и радостно, как старому другу.

«Симпатичная! – Я улыбнулся в ответ, наблюдая, как незнакомка машет рукой и резко ускоряет шаг. – Даже жаль, что обозналась...»

Уверенный, что сейчас она поймёт свою ошибку и уйдёт, я открыл дверцу и сел в машину, никак не ожидая, что подбежавшая девушка запрыгнет туда одновременно со мной.

– Привет, дорогой!

Приземлившись на пассажирское сидение, она чмокнула меня прямо в губы, и я даже не успел среагировать, только вытаращился на нее. Девушка чуть нахмурилась и замерла.

Она больше не улыбалась, и в ее больших серых глазах появился испуг:

– Ты... Вы не узнаете меня? Мы что, не знакомы?

– По-моему, нет.

Она закрыла лицо руками и откинулась на спинку сидения. Плечи ее задрожали.

«О, черт! – скривился я. – Только этого не хватало». Вот чего не выношу, так это женских слёз! Тем более у незнакомой девицы – фиг поймешь, что с этим делать?

– Слушайте, – начал я, – не знаю, что у вас там случилось, но...

Но тут она вдруг бросилась мне на шею и быстро заговорила:

– Извини, я знала, что это когда-нибудь произойдет, не может не произойти, просто не думала, что так скоро! Я старалась, правда, изо всех сил старалась подготовить себя к этому, чтобы не раскиснуть, и, и... – она замолчала и, отпустив мою шею, взялась за ручку дверцы. – Я сейчас уйду, – левой рукой она, как ребенок, размазывала по лицу снова и снова набегавшие слезы. – Прости...те меня... за вторжение...

И в этот момент на меня буквально обрушилось дежавю. Оно было сильным до одури, я и не знал, что

такое бывает. Ее облик, жесты, голос – всё показалось настолько знакомым – прямо дух захватывало!

– Подождите! – Я закрыл машину, чтобы не дать ей выйти. – В чем, вообще, дело? Объясните!

– Не могу, – сдавленно сказала она и вновь разрыдалась, чем окончательно вывела меня из себя.

– Ну хватит! – взревел я, стукнув руками по рулю. – Какого чёрта вы тут истерики устраиваете? Прекратите! Расскажите, что случилось.

– Не могу, я же вам сказала! – выкрикнула она.

Дежавю сменилось раздражением, как бывает, когда изо всех сил пытаешься вспомнить нечто очень важное, но никак не получается.

– Слушайте, девушка, вы меня уже просто за... замучили!

– Да. Извините, – вяло сказала она. – Я понимаю – ворвалась к вам сюда, фамильничаю.

«Фамильничаю»? – это что, вместо «фамильярничаю»? Жесть! Я молча уставился на девушку. Утончённые черты лица, интеллигентный вид, да и взгляд далеко не дурочки! Ну нет, не была она настолько безграмотной, я это точно знал (всё то же дежавю, чтоб его!) Неужели она могла так оговориться и не заметить?

Моё наглое разглядывание её, что удивительно, совершенно не смущало. Она явно передумала выходить из машины и, пару раз шмыгнув носом, затихла, а потом откуда-то из-под мышки – вроде там у неё была маленькая дамская сумочка – достала зеркальце и салфетку. Я отвернулся к окну, и на меня вновь нахлынуло ощущение, что все это уже со мной было когда-то, да так сильно, что даже закружилась голова.

Резко повернувшись к девушке, я сказал:

– Знаете, теперь я уже не уверен, что никогда раньше вас не видел... Как вас зовут?

– Рита. Рита Стеклова. И это твоя первая встреча со мной.

Фу, ёлы-палы, что это она о себе возомнила? Я хотел ответить какой-нибудь колкостью, но увидел в её глазах столько неподдельной муки, что передумал. Нет, понял я, она не выпендривается, не подчеркивает собственную важность, она имеет в виду что-то совсем, совсем другое! Мне стало жутко интересно, что именно. Да и сама Рита, несмотря на зарёванное лицо, выглядела очень даже неплохо. Красотка, можно сказать.

И я предложил, решив тоже перейти на «ты»:

– А давай поедем куда-нибудь?

– Куда?

– Тут есть неподалеку неплохое кафе. Посидим, выпьем за знакомство.

– Ты же за рулем!

– Ну, там есть безалкогольный коктейль «Облом гаишника», а тебе возьмём чего-нибудь покрепче.

– Нет, одна я пить не хочу, так что поехали лучше к тебе.

«Ого! – развеселился я про себя. – Ну и ну! Прямо – быка за рога!»

– А ты знаешь, что у меня дома жена и двое детей?

Рита прыснула:

– Нет у тебя никакой жены!

– Ты так в этом уверена?

– Абсолютно.

Я хмыкнул, завел машину и стал выруливать со стоянки.

– Слушай, а может, ты телепатка?

– Телепатка? А как это?

Сбитый с толку, я медлил с ответом.

– А-а, – воскликнула тем временем Рита, – поняла! Это как телесенсия! Считываю чужие мысли и знания, да?

Я молча кивнул.

Утром я проснулся и сразу понял: Рита ушла.

Выскочив в коридор, я увидел, что в ванной комнате горит свет, и резко распахнул дверь. Никого.

Только капельки воды на зеркале да влажное полотенце, брошенное на бортике ванны.

Я смотрел на это полотенце, и в груди закручивался холодный твердый узел. «Телефон! Ты даже не спросил у нее телефон! Болван!» Я принялся лихорадочно припоминать, не обмолвилась ли вчера Рита о том, где живет, где работает... вдруг вскользь что-нибудь сказала... Нет. Ничего такого.

«Ну, нет и нет! – разозлился я на себя. – С чего это ты так задёргался? Обычное случайное знакомство, подумаешь. Один раз переспали, а ты уже как свинья на верёвке. Да положить на это и... стоп! Записка! Может, она оставила записку?»

В комнате на журнальном столике пусто. В прихожей на полочке под зеркалом – тоже. Кухня?

Ура! На столе белел листок. Я схватил его и поднес ближе к глазам, потому что свет я не включил, а рассвет только занимался.

«Ты еще меня увидишь».

Опять по-дурацки напыщенная фраза, но я уже начал привыкать, и на этот раз меня почти не покоробило.

Чуть ниже подпись: «Целую, Рита».

Блин, Рита! Ну что тебе стоило ниже черкнуть свой телефон, как все люди делают, или рука у тебя отвалилась бы?

С минуту я стоял, тупо глядя на записку, словно ждал, что там всё-таки проступит номер Ритиного мобильника, потом бросил бумажку на стол и включил свет.

И только тогда заметил, что в кухне царит идеальный порядок: вымытая посуда аккуратно расставлена на сушке, раковина блистает чистотой. Я заглянул в холодильник: колбаса, сыр и ветчина, оставшиеся после ужина, заботливо упакованы в пищевую пленку, о существовании которой я и не помнил никогда, не то чтобы пользоваться ею. Обычно я сваливал все остатки в одну большую тарелку, сверху

прихлопывал другой, и запихивал это сооружение в холодильник. Где Рита умудрилась отыскать плёнку?

Дальнейшая инспекция удивила меня еще сильнее. Салат и жареная картошка были сложены в пластиковые контейнеры с плотными крышками. Кажется, когда-то набор этих контейнеров мне подарила мама, а я сунул его в кладовку и больше никогда оттуда не доставал. Как Рита могла самостоятельно его обнаружить?

Меня вдруг охватило чувство нереальности происходящего. Может, все это сон? Я с силой потер руками щеки и посмотрел на часы: 5:02. Ё-моё, ну и рань! Выходит, Рита ушла посреди ночи. Зачем? Что, нельзя было до утра подождать? Чушь какая-то!

*

...наверное, ты удивлялся, почему я всегда так рано ухожу. Поверь, по-другому я не могла. В какой-то определенный момент что-то заставляло меня исчезнуть, словно дергало за ниточку, как игрушку ой-ой.

«Во, опять! «ой-ой» вместо «йо-йо»!»

...ты думал, у меня плохо с головой, я многое забываю и поэтому так себя веду.

«Вообще-то я больше склонялся к мысли, что это часть игры».

А теперь вспомни, было ведь и кое-что ещё, что нельзя объяснить провалами в памяти.

«Ну, да. Было такое – совсем непонятное, это правда».

*

Однажды она делала салат и сильно порезала палец. Кровь так и лилась, пока мы не заклеили порез.

Рита, видно, вообще часто ранилась, потому что еще вчера этот несчастный палец был так же обмотан пластырем. То есть не успел зажить, как она его снова полоснула по тому же месту. Рана казалась глубокой, однако, когда мы увиделись на следующий день, никакого пластыря на пальце уже не было, а от пореза не осталось и следа.

Это удивляло, причём неприятно.

Вроде бы что плохого – зажило как на собаке, радоваться надо, а у меня – мурашки. Холодные такие, противные... Я спрашиваю Риту, куда делся порез, а в голове будто кто-то шепчет: «А хочешь ли ты это знать?»

Ну, хотел я или нет, а узнать всё равно не удалось: Рита только отшучивалась, что пластырь, наложенный любящей рукой, творит настоящие чудеса...

В другой раз она появилась с длинными до плеч волосами, хотя еще вчера носила короткую стрижку. Нет, я знал конечно, что женщинам в салонах приклеивают дополнительные пряди, но чтобы так?! Это же точно были её родные волосы – я и видел и чувствовал во время нашей близости. В общем, я не выдержал и спросил, как такое возможно. Но, как обычно, без толку. Рита засмеялась и заявила, что мужчине не положено знать секреты женской красоты.

*

...я расскажу тебе, как все было.

Возле моего дома растет огромный старый тополь. Сколько себя помню, он всегда был большим. Наверное, ему лет сто, а может, и триста, кто знает?

Я часто хожу мимо этого дерева, и однажды вдруг заметила на нём ярко-голубое светящееся пятно. Его невозможно было увидеть, если смотреть прямо, но боковым зрением оно улавливалось легко, и я смогла, не фокусируя взгляд на тополе, краешком глаза определить, что сияние исходит с ближней к дому

стороны ствола, примерно на уровне моей шеи. Как только я двинулась к нему, сразу почувствовала волнение, которое с каждым шагом нарастало и возле ствола сделалось таким сильным, что коленки задрожали, а дыхание сбилось, как если бы я подошла к краю пропасти и заглянула вниз.

Плохо соображая, что делаю, я протянула руку и дотронулась до пятна. Голова сразу же резко закружилась, и что-то с такой чудовищной силой рвануло меня вперед, словно хотело размозжить о ствол дерева!

В глазах потемнело, а через мгновение я уже стояла в самом углу какого-то чужого двора, под большим деревом, прислонившись к стволу спиной. Это тоже был старый тополь, но явно не тот, что рос подле моего дома.

Я, слава Богу, осталась цела, голова больше не кружилась, и мне подумалось, что это сон. Страх мой на удивление быстро развеялся, и я решила: пойду, пожалуй, прогуляюсь, а то когда еще приснится такое!

Я вышла из двора на оживленную, широкую улицу большого города, совсем не похожего на мой маленький уютный Рябинск. Машины неслись сплошным потоком, сверкали нарядные магазины. Чуть правее я увидела кинотеатр, а на нем крупный анонс фильма: «с 7 мая. Мосты над пропастью». Немного поодаль велась стройка: высокое здание из стекла и бетона было почти закончено и выглядело очень красиво и современно. Я пошла вдоль по улице, рассматривая дома и снующих повсюду людей – они были такие озабоченные и спешили по своим делам, не глядя по сторонам.

По дороге мне попался газетный киоск. В нем продавался буклет под названием «МОСКВА. Схема пассажирского транспорта». «А-а, – подумала я, – так вот, значит, как называется этот город! Москва! Вот чудно! У нас есть Москов – крупный город, по виду

и архитектуре похожий на этот. И названия у них созвучны! Москва – это как Москов, только на иной, женский лад».

Побродив еще какое-то время, я взглянула на свои наручные часы: 18:10. Я приложила их к уху. Так и есть – стоят. На самом деле я бродила уже часа два, порядком устала и хотела есть. Пора было просыпаться.

– Проснуться! – крикнула я и ущипнула себя за руку, но ничего не произошло. Я попробовала ещё раз, потом ещё и ещё. Тщетно! Рука уже болела от щипков, а вокруг останавливались люди, они разглядывали меня, некоторые хихикали. Стало стыдно, я побежала назад, стремясь затеряться в толпе, и остановилась, только когда совсем запыхалась.

Оглядевшись, я убедилась, что жители города снова быстро шагают мимо, не обращая на меня никакого внимания, и решила вернуться к тополю.

Идти пришлось прилично. За пару часов я успела далеко забраться, но, слава Богу, придерживалась одного широкого проспекта, поэтому знала, в каком направлении двигаться.

Уже стемнело, когда, заглядывая во все попадающиеся арки и боковые проходы, я наконец отыскала тот самый двор, и стала ходить вокруг тополя, рассматривая его боковым зрением.

Ничего!

Сделав несколько кругов, я поняла, что это бесполезно, и меня охватил ужас. Получалось, мне придется здесь ночевать! Без крыши над головой, голодной, совершенно одной в чужом городе! В отчаянии я бросилась к дереву и принялась снова и снова ощупывать ствол, как вдруг почувствовала резкий рывок, и мгновенно оказалась стоящей под старым тополем возле своего дома…

Вот тут-то я впервые и подумал, что Рита «того», и удивился, почему такое не приходило мне в голову раньше. Ведь это многое объясняет.

Что если она заранее оставила мне письмо, потому что чувствовала, что болезнь прогрессирует? Вдруг Рита лежит сейчас где-нибудь в клинике и не дает о себе знать, потому что напрочь забыла о моем существовании?

Может быть, в ту (седьмую по счету) встречу, после которой Рита исчезла, она ничуть не играла, а действительно меня не узнала?

Мы виделись всего неделю, правда, каждый день. Место встречи, как говорится, изменить нельзя: оно всегда было одним и тем же – автомобильная стоянка возле моего офиса. Даже в субботу и воскресенье я приезжал туда к четверти седьмого вечера.

*

Когда я вышел с работы на следующий день после нашего первого свидания, я вновь увидел ее возле своей машины и, признаюсь честно, дико обрадовался. У меня будто камень с души свалился, и, естественно, первое, что я сделал после того, как мы расцеловались и сели в машину, это потребовал у нее номер мобильника и домашнего телефона.

И – словно по роже получил.

Мало того, что она под какими-то дебильными предлогами (типа: домашний сломался; мобильник только что украли) отказалась мне дать свои телефоны, так ещё и мой номер даже не спросила. То есть сама звонить она тоже не собиралась.

– Что, и на работе у тебя телефона нет? – мрачно осведомился я, уже точно зная, что она скажет.

– Нет… – Рита потупилась и закусила губу.

Я ничего не ответил, чувствуя, как во мне нарастает бешенство. Зачем так бездарно врать? Если не хочешь продолжать отношения, то чего тогда припёрлась?! Что за бред? Мне жутко хотелось вытолкать Риту из машины,

и я еле сдерживался, надеясь, что она сама догадается выйти. Но она не догадывалась.

В салоне повисло молчание, такое напряжённое, что казалось: откроешь рот – и в него долбанёт молния.

Однако это, по-видимому, касалось только моего рта, потому что Рита смогла заговорить совершенно спокойно:

– Сереж, ну, пожалуйста, не обижайся. Так получилось! Я не виновата, честное слово! Ну, перестань дуться! Давай не будем полагаться на телефон, а условимся так: я каждый день буду ждать тебя здесь, на этом месте, в это же самое время, а?

Удивительно, какой необъяснимой властью она надо мной обладала: секунду назад я был готов взорваться, заорать на Риту, даже обложить нецензурно, а после её тихих слов неожиданно остыл и ответил, только слегка повысив голос:

– Я не понимаю, почему мы не можем обменяться телефонами? Что за чушь? А если у меня возникнут такие обстоятельства, что я не смогу быть тут в четверть седьмого? Как я тебе сообщу об этом?

– Ничего страшного, не надо сообщать. Я просто подожду полчасика и уйду. И мы увидимся на следующий день... – Она обхватила руками мою голову, развернула к себе и заглянула в глаза. – Ну, Сережа, миленький, давай так! Иначе ничего не получится... Ну, так нужно, понимаешь? Просто поверь мне. Пожалуйста...

Я не то чтобы поверил, просто не стал давить на нее, подыграл вроде как. Потому что, с другой стороны, это даже заводило, и каждый рабочий день заканчивался лёгким выбросом адреналина: придёт – не придёт? Бывало, она опаздывала, и тогда я сидел в машине и ругался, обзывая её разными словами за то, что втянула меня в эту свою идиотскую игру без контактных данных, и думал: явится – душу вытрясу, но когда видел, как она

бежит через стоянку, вся моя ярость отчего-то улетучивалась.

Говорю же, верёвки она из меня вить могла!

Однако то, что я соглашался на её условия, не значило, что я не пытался самостоятельно выяснить, где живет Рита и почему устраивает из этого такую великую тайну. Она уходила под утро, и в один из дней я решил, что на этот раз спать не буду, а тихо выйду и прослежу за ней.

Набузовавшись кофе так, словно собирался ночью пробежать марафонскую дистанцию, я был уверен, что ничто не заставит меня заснуть, но, увы!

Невероятно, но факт – я всё равно отключился, причем даже не понял как, а когда очнулся, Риты уже не было. Часы показывали, что прошло всего несколько минут, и я выскочил из дома, надеясь застать её выходящей из двора, ну, или, может, увидеть задницу отъезжающего такси, но улица была совершенно пуста. Обежав все близлежащие дворы, я вернулся в квартиру, где проклятый кофеин заставил меня до утра таращился в телевизор.

Следующим вечером я пытал Риту с пристрастием, но она опять увиливала от ответа, прибегая к таким запрещённым приёмам, как например, заткнуть мне рот поцелуем, а потом сделать так, что становилось не до разговоров.

В результате я так и не выяснил ничего, в очередной раз наблюдая, как она, что называется, путается в показаниях. Прикидывалась Рита, или действительно не помнила вчерашний день, я тогда так и не понял, но не стал зацикливаться на этом, видно привык уже к её странностям, апофеозом которых, без сомнения, стала наша седьмая, последняя, встреча.

*

Как всегда, в шесть пятнадцать я вышел из офиса и направился к машине, ожидая найти там Риту. Обнаружив, что ее нет, я стал смотреть по сторонам и

вдруг увидел, как она идет по проспекту, удаляясь от стоянки. Я бросился за ней и, догнав, ухватил за локоть. Она вскрикнула и обернулась.

– Рита!

В ее глазах застыл такой неподдельный испуг, что я просто обалдел, но руки ее не выпустил:

– Рита, ты чего?

– Вы меня знаете? – Ее испуг сменился интересом.

– Ну, хватит! Не надо, не шути так…

Я смотрел в её глаза, ждал, что там вот-вот вспыхнут смешинки и выдадут её с головой. И тогда она прыснет и сознается, что это розыгрыш. Но лицо её оставалось естественно серьёзным, она явно о чём-то раздумывала и спустя пару минут сказала, будто отвечая на собственные мысли:

– Ах, вот оно что! Мы с вами уже знакомы, да?

– Да ладно, Рит, кончай придуриваться, – не слишком уверенно потребовал я.

Неужели она на самом деле меня не узнаёт? В груди родился неприятный холодок. Я отпустил ее локоть.

Рита не ответила, внимательно меня разглядывая и, похоже, что-то вспоминая. Я молча следил за выражением ее лица. Сначала оно было очень сосредоточенным, но постепенно напряжение исчезло, взгляд потеплел.

– Может… пойдем в машину? – предложил я.

Она как-то неопределенно качнула головой и взяла меня под руку. Мы молча направились к стоянке. Когда до нее осталось несколько метров, Рита вдруг высвободила свою руку и быстро прошла вперед между машинами.

– Вот эта? – она остановилась возле моего «форда», указывая на него рукой.

Я только кивнул, уже не зная, что и думать.

Потом, дома, всё вроде бы нормализовалось, но далеко не сразу. Как-то она уж очень плохо ориентировалась в квартире, словно действительно была здесь впервые, а когда убирала со стола, спросила, нет ли

у меня пищевой пленки и каких-нибудь емкостей, чтобы сложить продукты. Я со вздохом распахнул дверцы шкафа, куда она вчера сама все это и сложила...

На следующий день, поразмыслив над ситуацией, я решил: всё, баста. Я должен с Ритой серьёзно поговорить и сделаю это обязательно. Больше она у меня не отвертится. Я, конечно, не стану её ни в чем обвинять или заявлять, что ей пора обратиться к врачу, но откровенности потребую! Надо ж разобраться, что все-таки происходит, я ведь ей не чужой человек?

В офисе меня попытались загрузить сверхурочной работой, но я забил болт и ровно в шесть десять был на стоянке, полный решимости поставить все точки над «ё» и ещё не зная, какой облом меня ждёт.

Целых две недели я каждый божий день часами просиживал в машине возле офиса – но всё зря: она так больше и не появилась.

*

Дома я обнаружила поразительную вещь. Оказалось, мои наручные часы снова идут и показывают четверть седьмого – то же самое время, что и все остальные часы в доме. То есть получалось, что в том незнакомом городе я не провела ни минуты. Как такое возможно? Ведь я бродила там очень долго, до самой темноты. Тут у меня сразу же возник вопрос: а было ли это на самом деле? Может, это и правда был сон? Или ещё хуже – делирции?

«О, ещё одно диковинное словечко!»

Но делирции не объясняют исчезновение времени. А сны? Я читала, что они бывают очень кратковременными, но хоть сколько-то минут все-таки нужно? Или достаточно пары секунд? А были ли они, эти секунды? Как узнать точно?

На следующий день после работы, проходя мимо тополя, я вновь уловила боковым зрением уже знакомое голубое свечение. Я подошла к дереву, извлекла из сумки заранее припасенный будильник и еще раз сверила время на нем и на своих наручных часах. Все совпадало с точностью до секунды. Положив будильник под тополем, я осмотрелась по сторонам. По дорожке к подъезду направлялась тетя Клава, моя соседка сверху. Отступив за тополь, я подождала, пока она пройдет, и, услышав, как хлопнула дверь подъезда, коснулась ствола рукой. И мгновенно оказалась под другим тополем в другом дворе. Мои наручные часы стояли, показывая 18:20.

Все выглядело точно так же, как и в прошлый раз. Я снова была в этом подобии Москова – городе под названием Москва. Тот же проспект, те же магазины и кинотеатр с анонсом фильма «Мосты над пропастью». Я чуть погуляла и возвратилась к дереву, но ощупывать его не решилась, потому что во двор прибежали мальчишки и устроили возню прямо под тополем.

Я присела на скамейку, поражаясь собственной глупости и беспечности: как можно было явиться сюда без каких-либо гарантий, что мне удастся вернуться назад? А вдруг ничего не получится? Меня вдруг охватила паника, превратив ожидание в настоящую пытку. Казалось, прошла целая вечность, когда мальчишки наконец ушли, и я вскочив, метнулась к дереву, уже ни на что не обращая внимания. Меня перебросило в родной двор сразу, буквально на полушаге, я даже не успела обойти тополь кругом.

Наручные часы снова шли и показывали точно то же время, что и лежавший подле ног будильник: 18:20. Секундные стрелки двигались синхронно. Значит, пока я была в Москве, здесь, в моем родном Рябинске не прошло ни секунды, ни полсекунды, вообще нисколько.

После приступа паники в чужом мире мне стало страшно ходить туда в одиночку, а поделиться с кем-

нибудь своим открытием я не решалась – думала, сочтут ненормальной. Несколько дней я, не останавливаясь, проходила мимо тополя, боясь приблизиться, хотя краем глаза по-прежнему видела голубой свет.

Только недели через две любопытство и жажда приключений сумели одолеть страх и заставили меня снова подойти к дереву.

Оказавшись в Москве, я вышла на проспект и сразу поняла: что-то не так. Я поежилась – здесь было значительно холоднее, чем в Рябинске. А ведь в прошлый раз погода была примерно одинаковой. Я стала осматриваться: улица, магазины… на первый взгляд все выглядело так же, как и две недели назад, и все же я чувствовала – что-то изменилось! Мой взгляд скользнул дальше, к кинотеатру. Анонс над входом теперь предлагал другой фильм. Правее была стройка. А в ней какая-то несуразность.

Я не сразу поняла, в чем дело, и долго стояла, сосредоточенно рассматривая недостроенное здание из стекла и бетона, пока до меня, наконец, не дошло: оно выглядело МЕНЕЕ завершенным, чем в прошлый раз! Получалось, в течение этих двух недель строители не доделывали здание, а разбирали его… как странно! Я посмотрела на афишу кинотеатра «с 23 апреля. Инородное тело».

И тут меня будто током ударило. «С 23 апреля»… АПРЕЛЯ! А ведь сейчас середина мая! Выходит, кинотеатр рекламирует фильм, который давно прошел? Вздрогнув от собственного открытия и налетевшего порыва холодного ветра, я посмотрела на снующих вокруг людей. Они были в куртках, а я – в одном тонком свитере…

И меня осенило.

Я бросилась к газетной палатке – проверить свою догадку. Приникнув к стеклу киоска, я впилась взглядом в разложенные газеты. Апрель! Газеты были за 20 апреля! Так и есть! Все сходится: недостроенное

здание, холодная погода, анонс фильма. Здесь, в Москве шел апрель, 20 число! А в Рябинске сегодня было уже 18 мая! Не удивительно, что я замерзла, ведь разница во времени – месяц!

Но в прошлый раз вроде бы не было никакого расхождения во времени? А может, я просто не заметила? Я постаралась вызвать в памяти афишу кинотеатра. Фильм назывался «Мосты над пропастью», а вот число… то ли 5, то ли 9, но не апреля, это факт! МАЯ. Да, мая! Это точно. В Рябинске тогда тоже был май, 4 число, так что, скорее всего, время в обоих городах совпадало. А теперь не совпадает… почему – не понятно. В голову сразу стукнуло: а что, если в Рябинск меня выбросит не в тот день, когда уходила? Я развернулась и рванула по проспекту обратно.

Во дворе меня ждал приятный сюрприз: дрожать от холода в ожидании, когда сработает проход, не пришлось. Не успела я подбежать к тополю, как мгновенно оказалась втянутой в свой родной мир. Тут, слава Богу, все осталось по-прежнему. Я попала обратно в 18 мая. Светило солнышко и было тепло. Будильник, оставленный, как и в прошлый раз, под деревом, и мои наручные часы показывали, что пока я отсутствовала, время в Рябинске стояло.

То есть тополиный проход дарил мне дополнительные часы для приключений!

Это было так захватывающе, так интересно! До этого жизнь моя была обычной, серой скучищей: каждый день – одно и то же, и вдруг – такое!

Убедившись, что проход исправно возвращает меня в Рябинск, я стала ходить к тополю каждый день – брала с собой куртку, чтобы не замерзать, и отправлялась в твой мир, о котором никому не рассказывала. И уже не столько потому, что боялась прослыть сумасшедшей, сколько из соображений, что если я докажу существование прохода, то дерево тут же оцепят, и меня к нему больше не подпустят…

Прочитав такое, трудно отделаться от мыслей о психическом заболевании, хотя в глубине души я всё-таки отказывался верить, что Рита безумна. Вспоминал нашу близость, её голос, улыбку, глаза... и думал: ну нет, не могла она быть сумасшедшей!

Или... мне просто не хотелось признаваться себе в том, что меня окрутила шизофреничка?

Что ж, может быть и так, но в одном я совершенно уверен: её чувства ко мне были искренними, а остальное... да хрен с ним, с остальным, подумал я тогда, – это же просто антураж, игра, и какая, в сущности, разница, что стало тому причиной: воображение, желание приключений или особенности её мышления?

До того, как встретить тебя, я переносилась в Москву еще пять раз. Возвращаясь назад, я сверяла числа, показания часов и постепенно поняла, что происходит.

Оказалось, что время в Москве движется в направлении, противоположном ходу времени в Рябинске. Звучит дико, правда? Однако это так. Посуди сам. Каждый день я появлялась в Москве и первое, что делала, – узнавала дату. И всякий раз она менялась в обратную сторону. После 20 апреля я попала в Москву 19 числа, на следующий день – 18 апреля, потом 17 и так далее.

Поэтому когда я встретила тебя впервые – ты уже хорошо меня знал. В тот день я видела тебя в первый, а ты меня – в последний раз.

В Москве мое личное время двигается синхронно Московскому, а затем возвращается точно в ту же временную точку Рябинска, из которой началось мое путешествие.

Мое личное время делает ПЕТЛЮ, позволяя мне бывать в твоем мире – мире с обратным ходом времени!

Попутно мне удалось прояснить и некоторые детали выхода из Москвы обратно в Рябинск. Обнаружилось, что этот выход происходит сам собой, вне зависимости от моего желания, причем, чем ближе я держусь к Московскому тополю, тем быстрее срабатывает переход. Уходя на большое расстояние, я могу затягивать этот процесс, но не бесконечно. Существует предел длительности моего пребывания в твоем мире, и в какой-то момент меня просто выдергивает из Москвы, где бы я в этот момент ни находилась.

Еще одно любопытное свойство перехода заключается в том, что происходит он только в те мгновения, когда никто не может заметить моего исчезновения. Словно само это загадочное явление заботится о сохранении себя в тайне. Когда я рядом с тополем, переход просто ждёт, пока вокруг никого не будет, но если максимально возможный срок моего пребывания заканчивается, а я все еще нахожусь там, где меня могут видеть, случается что-нибудь такое, что отвлекает людей, и они ничего не замечают.

То же самое происходит и во время наших с тобой встреч. Я исчезаю, когда ты уже спишь. Как правило, ты засыпаешь раньше, и у меня еще остаётся время убраться и привести себя в порядок. Но в прошлый раз...

...ты отключился, даже не договорив фразу. Я тогда сразу догадалась, что сейчас меня выбросит из Москвы, и едва успела схватить свою одежду и туфли...

...Твоё Московское время идёт в сторону, противоположную моему Рябинскому времени, и теперь, я думаю, ты понимаешь, почему я не помню, что мы делали вчера. Ещё бы! Ведь это ТВОЁ вчера! А для меня наши встречи происходят в обратном порядке! И в ТВОЁ ВЧЕРА я попаду только завтра.

Тебе-то легко: из своего времени не выходишь, спокойно движешься вместе со всем своим миром из прошлого в будущее! А я попадаю к тебе наскоками-петлями, и каждый раз на день раньше, чем была до этого.

И вот здесь я подошла к самому главному и самому печальному моменту своего письма, потому что выходит, что, когда ты встретишь меня впервые, это будет моё последнее свидание с тобой.

Однажды я приду в Москву, а ты меня не узнаешь.

И тогда я пойму, что больше тебя не увижу!

Сколько бы петель ни дал мне мой тополь, этого ужасного момента мне всё равно никак не избежать. В твоём времени уже был день, когда ты со мной познакомился, так что, забираясь всё дальше в твоё прошлое, я рано или поздно в него обязательно попаду!

Возможно, это случится совсем скоро. Вчера у нас в Рябинске была сильная гроза, и от моего волшебного тополя ветром отломило огромную ветку. Толстая и крепкая с виду, она внутри оказалась трухлявой. Дерево очень старое и, наверное, вся его сердцевина такая же гнилая, так что тополь в любой момент может упасть. Соседка сказала, что его спилят.

Вот почему сегодня, вернувшись из Москвы, я решила написать тебе это письмо. Оставлю его где-нибудь в твоей квартире, и со временем ты найдешь его.

Мучительно думать о том, что нам суждено расстаться, но изменить ничего нельзя! Можно только выведать у тебя точную дату, когда ты увидел меня в первый раз, но я не буду этого делать! Не хочу заранее переживать! Не хочу!!!

Пусть лучше я узнаю в последний момент...

...всё равно наше знакомство не могло бы длиться всю жизнь. Только представь: старая бабка приходит на свидание к маленькому мальчику!

Знаешь, я, наверное, и правда дрякнутая – прекрасно понимала, что наша связь неминуемо оборвется, и всё же...

И всё же...

«Да, Рита, я тоже тебя любил. Хотя и не сказал тебе этого. Не потому, что не успел... Даже если б мы целый год встречались, не факт, что я решился бы. А вот пропала ты, и – пожалуйста, я тебе в любви признаюсь, что за фигня? Почему я здесь, а ты в своём Рябинске – чем бы он ни был – чистой фантазией или реальным местом с придуманным тобой названием? Зачем всё так по-дурацки?»

*

Ритино послание я нашёл пару недель назад, когда давно уже испробовал все способы её разыскать и смирился с тем, что она исчезла – ведь прошло больше, чем полгода! Читать письмо было всё равно, что ковырять ссадину, которая почти зажила, но в то же время это оказалось приятно. Было и больно и сладко одновременно.

После того, как я вскрыл конверт, меня стали постоянно донимать мысли о Рите, что к концу второй недели достало уже просто конкретно! Я прекрасно понимал, что никогда её не увижу, но моей памяти было на это плевать – каждый день она выносила мне мозг, не давая ни работать нормально, ни отдыхать.

А сегодня всё внезапно прояснилось!

Это случилось в парке, куда меня занесло совершенно случайно. Чтобы отвлечься от Риты, чей образ с самого утра бился в сознание, словно шмель в стекло, я позвонил Мишке и договорился с ним выпить пива. Он предложил сходить в паб где-то рядом с его домом, уверил, что там просто супер, и я поехал в его район. Только вышел из метро, как запел мой

мобильник. Это звонил Мишка – сказал, что не сможет подойти – матери стало плохо.

Обратно в метро сразу не хотелось, паб искать и сидеть там в одиночку тоже настроения не было, поэтому я зашёл в первый попавшийся продуктовый магазин, купил бутылку пива и пошёл гулять по окрестностям, пока не забрёл в парк.

Я бы никогда не обратил внимания на этот тополь, если бы не крупная, ушастая кочка, прилепившаяся к стволу примерно в метре от земли. Я подошёл ближе и обомлел: плотные ряды настоящих, крепких и мясистых, вешенок. Самые поздние и ужасно вкусные грибы, а у меня ни ножика, ни пакета!

В груди так сильно захолонуло, словно я нашёл не грибы, а золотые слитки, за которые меня прямо сейчас здесь и пристрелят.

Пока я, задыхаясь, выбирался с земли на дорогу, сердце продолжало бухать, как молот, пугая неожиданными проблемами со здоровьем. Однако стоило встать на твёрдый асфальт, как всё нормализовалось, и я тут же об этом забыл.

Ладно, подумал я, грибы можно наломать руками, а пакет купить в ближайшем магазине. Главное – место запомнить.

И вот тут это случилось. Едва я перевёл взгляд с грибного тополя на другие деревья, как на самой границе поля зрения ярко вспыхнул красно-оранжевый свет!

Да, цвет оказался другим, но в остальном все было точно так, как в Ритином письме: толстый, старый тополь, сияние, видимое только боковым зрением, сильное волнение возле ствола (а я-то, дурак, подумал, что это из-за вешенок)!

Уже стемнело, но я, само собой, не удержался и коснулся места свечения. Дёрнуло и правда так, что чуть башка не оторвалась, а в следующий миг я уже стоял в каком-то лесу. Здесь тоже был поздний вечер или даже ночь, но без всякого, как в Московском парке,

освещения. Пришлось оставаться на месте, пока проход не утянул меня обратно, блуждать ночью по неизвестному лесу без фонарика и компаса было бы полной дуростью.

Вернувшись в Москву, я вышел из парка, взял такси и поехал домой. Теперь сижу, долблю по клавишам, потому что всё равно не усну, вот и придумал себе занятие в ожидании утра.

Завтра я снова отправлюсь в иной мир! Хочется верить, что в тот самый, с Московом вместо Москвы, Рябинском (вместо Рыбинска?), небольшим отличием в некоторых словах и противоположным ходом времени. И я верю. Потому что сияние оранжевое! Контраст! Я проверил в интернете: в цветовом круге оранжевый цвет расположен как раз напротив голубого.

Крайно! – сказала бы Рита, это их вариант нашего «круто».

И ещё. Завтра исполняется ровно семь месяцев с того дня, как она исчезла, что, думаю, неспроста – петель-то тоже было семь!

Надеюсь, лес, куда я попал, находится недалеко от Ритиного города или даже это вообще окраина Рябинска, завтра при свете дня всё станет ясно.

Почему я ей не поверил? Ведь были же и объективные странности, были! Волосы, за сутки выросшие сантиметров на двадцать, бесследно исчезнувший порез. Я это своими глазами видел, и все равно даже мысли не допускал, что в письме – чистая правда. Выходит, «дрякнутый» я, а не она.

Ох, ёлки! Как подумаю, что теперь смогу разыскать и увидеть Риту, так просто башню сносит!

Главное, чтобы времени хватило! Сколько петель даст мне переход? Сколько продержится мой старый тополь? Грибы – это всегда смертный приговор дереву.

Светает уже. Пора заканчивать с писаниной и заниматься делом.

Я должен не только разыскать Риту, но и найти способ остаться в её мире.

Шансы на это есть, я чувствую.

Вот прямо сейчас мне пришла в голову мысль, что мои петли, отмотанные в Ритином времени, могут стать противодействием её петлям, и тогда наш общий счёт обнулится. Я пока не понял, что конкретно нужно для этого сделать, но думаю, что разберусь.

Мы выйдем в исходную точку и откуда уже начнём двигаться по времени вместе, в одну и ту же сторону.

Да, так и будет, я чувствую! Дежавю, чёрт возьми!

* * *

– Чего это ты там читаешь?

– Да вот текстовый файл попался. Создан неделю назад и больше не изменялся. Какие-то Серёги Ливнева записки. Он, знаешь, вчера забегал: странный такой был, возбуждённый! Сунул мне эту флешку и говорит: «Тут собран неплохой софт, возьми, пригодится». Я удивился: «С чего это ты вдруг?» А он: «Да я завтра уезжаю. Насовсем». – «Как? Куда?» – «Далеко, Мишка! – хлопнул меня по плечу и засмеялся. – Так далеко, что буду совершенно недоступен», после чего умчался быстрее, чем я успел поинтересоваться: куда же это в наше время можно так уехать, чтобы без связи остаться?

– Может, просто говорить не хочет?

– Не знаю... Но софт на флешке действительно стоящий.

– А текст?

– Текст только открыл. Сейчас прочтем, чего это он тут пишет.

Владимир Борисов

Родился в 1958 г. в г. Челябинске, где прожил до 1980 г. По образованию строитель. С 1980 г. живу в Москве. Отец двух дочерей и дед двоих внуков. Поэзией увлекался с детских лет, а вот к прозе перешел не так давно - последние лет пять. Член Международного союза писателей «Новый Современник». Золотой лауреат премии «Золотое перо Руси» за 2008 г.

Публикации в литературных альманахах Нидерландов за 2006 и 2007 гг., США – Антология «Русского Глобуса» за 2008 г., в литературных журналах «Южная звезда», «Колесо», литературных сборниках Москвы и Петербурга. Весной 2010 г. в Амстердаме вышел сборник повестей и рассказов «Ангел серебристый». Готовится перевод этой книги на французский язык.

Зона отчуждения

1

Рожала Верка Моховая необычайно долго и трудно. Уже полуслепая повитуха Ефросинья, приехавшая из соседнего села, оприходовала всю самолично заготовленную Веркой перед родами самогонку и, дураковато улыбаясь, клевала носом над разведенными бабьими ногами, то и дело утыкаясь плешивой своей головенкой в огромный живот роженицы, а та (вот же стойкая баба) все никак не могла исторгнуть из себя нагулянного ребенка.

– Дура баба! И рожает по-дурацки… – ругнулась Ефросинья в очередной раз, пытаясь выцедить из давно уже опустевшей бутылки хоть каплю спиртного.

То, что Верка ребеночка нагуляла, – это, как говорится в передовицах, факт стопроцентный: если у Моховой паспорт и был, то на странице о семейном положении он явно не имел никакой записи, уж об этом бы народ точно знал. Это с одной стороны, но с другой – кто-то же все-таки как ни крути, а переспал с ней. Не ветром же ей под подол надуло? Можа, из приезжих кто, из командированных? Их после взрыва по первости много приезжало… Спросить разве? Так ведь не скажет, как пить дать не скажет. Та еще деваха! Одно слово дура. К тому же рыжая…

Так наверняка думала о своей пациентке Ефросинья в минуты, когда сила воли старухи преобладала над жутким желанием прикорнуть тут же, в теплых Вериных ляжках, и глаза повитухи с трудом, но все ж таки приоткрывались.

А может быть, и ни о чем подобном и не думала старая клюшка, с жадностью бросая тоскливый свой взгляд на обитую рваным войлоком входную дверь и мечтая, должно быть, только об одном – как бы поскорее слинять из этого зараженного радиацией дома.

Хотя если здраво поразмыслить, то, может, эта самая Моховая и не дурочка вовсе, а так, слишком бесхитростная, что ли, да наивная, хрен ее разберет. А народ – что народ? – он иной раз довольно жесток бывает, наш народ-то. Как шлепнет кто со зла, а кто просто по причине характера своего гнусного: мол, тот – сволочь, а эта, мол, блядь, пробу ставить негде, а этот – дурак, так всё, считай, до самой смерти так и придется им в сволочах да блядях ходить, народной молвой пригвожденными.

Короче: только поздним вечером, когда первый фиолетовый снег улегся на теплую по-осеннему еще землю, стыдливо прикрыв живописными сугробчиками поваленные пес знает когда взрывной волной столбы с ржавой колючкой и полуразрушенные бетонные конструкции, вывороченные из земли, Верка и родила.

То есть под самый ноябрьский праздник.

И именно тогда осоловевшая Ефросинья, для блезиру сполоснув заверещавшего ребенка в давно уже простывшей воде, и подала мокрой от пота Верке ее нагулянное дитятко...

– Пацан, кажись, – прошелестел севший с самогона голос повитухи уже от двери.

Самогон – самогоном, но кто его знает, когда и как эта сволочная радиация с ее, Ефросиньиным, организмом поведет... Верке-то что? С нее как с гуся вода: она в домишке этом родилась, выросла да и помрет, похоже, здесь же: привыкла, одним словом. Не зря же она одна во все этой деревне осталась: соседи ее все вскорости эвакуировались, вернее, сбежали, кто куда сумел – кто к сродственникам, а кто и на кладбище...

– Пацан, – простонала уставшая Верка и, прижав ребенка к горячему боку, тут же уснула, счастливо улыбаясь в кровь искусанными губами.

Матерью Верка оказалась, как это ни странно, вполне приличной, хотя хитрое ли дело вовремя мальцу сиську в рот сунуть, благо молока на троих за глаза

хватило бы. Сыну уже третий год шел, а все грудь сосал. А мамаша и не против: все с кормежкой проблем меньше.

Года эдак через три, по весне, из города приехало сразу же несколько грузовиков с кузовами, набитыми тонюсенькими саженцами топольков, и мужики, работяги с тракторного завода, за один день вкруговую обсадили ими место страшной аварии, не забыв, впрочем, по внешнему периметру врыть столбы с черной каленой колючей проволокой. Над небольшой, замкнутой на навесной замок калиткой повесили жестянку со знаком радиоактивности и надписью: «ВНИМАНИЕ! ЗАПРЕТНАЯ ЗОНА. ВХОД ТОЛЬКО ПО СПЕЦПРОПУСКАМ В СПЕЦКОСТЮМАХ».

Так и появилась на карте области странная, идеально круглая, «зона отчуждения».

Шли годы, и среди набравших силу деревьев завелась грибница, да такая мощная, что Верка, с пятилетним уже пацанчиком, за несколько погожих деньков на целый год грибами запасалась.

Белые, скрипящие под ножом пятаки груздей солила она холодным способом в большой деревянной кадушке, под крышкой, придавленной тяжелым, мокрым от сопливого рассола булыжником. А грибы из «благородных» – белые да польские – сушила в избе, нанизав их на длинные прочные шелковые нитки.

На что, на какие такие средства жила Верка с сыном своим в заброшенной деревне, ни председатель колхоза, на чьей земле деревня эта самая числилась, ни просто сельчане, мужики да бабы, не интересовались. К чему лишний раз вопросами совесть бередить – раз живут пока, значит, есть на что. К тому же и огородик какой-никакой возле домика Веркиного имелся. Да и коза, кажись, вокруг столбика пасется... Выживут! Не зря ж говорится – дуракам везет.

Вот и Верке повезло. В тот год, когда могильник громыхнул, почитай всю деревню по бревнышкам

раскатало, а в ее избенке даже стекла не лопнули. Вот ведь как бывает...

Дурочка дурочкой, а все ж таки стала примечать Верка, что сынок ее, Толенька, все больше на животе спит, да и то беспокойно, а на спине его, аккурат где лопаточки выпирают, начали набухать две дули большенькие, ровно грыжи. Хотела Моховая врача к сынку вызвать, но те – вот же суки дипломированные – как услышат про «Маяк», так и за червонец, а то и за четвертную в зону, к больному, идти отказывались...

– Ведите, мамаша, сами чадо свое к нам в клинику, и то мы вам, голубушка, одолжение делаем, район не наш...

Плюнула Верка на докторов этих городских и начала сама сыну спину народными средствами лечить.

То повязку с жеваным столетником и подорожником к спине приложит, а то самогоном, настоянным на мухоморах и курином помете, начнет лопатки протирать и утром и вечером.

А дули на лопатках у Толеньки росли и росли себе преспокойно, да к шести годам, когда он уже и азбуку самостоятельно освоил и большие слова бойко из кубиков (материнского подарка) собирал, в крылышки и переросли. Махонькие такие, чуть больше петушиных, белыми перышками покрытые. Но Толенька на них бойко так по дому летать наловчился, ровно мотылек какой. Все в окно порывался вылететь, к простору рвался...

Терпела Верка такое его безобразие, терпела да и взорвалась как-то.

Сбила она сына во время его кружения вокруг лампочки влажным полотенцем, ручки да ножки его спеленала покрепче, да и отхватила белые эти крылышки ножницами для стрижки овец.

Кровищи было – хоть таз подставляй, а Толя молча смотрел на маму, в зеркале отраженную, когда она ему пенечки от крыльев перебинтовывала, и столько во

взгляде его детском тоски и обиды было, что Верка расплакалась сначала, а потом и вовсе перед ним на колени бухнулась.

– Прости, прости меня, сына ты мой ненаглядный! Прости ты меня, ангелочек ты мой! Совсем я видно ополоумела... Хрен знает что натворила, по глупости своей бабьей.

А когда его спекшиеся бледные губы с трудом расклеились, чтобы протолкнуть слова прощения, да такие слова, будто и не мальчик перед ней шестилетний стоял, а мудрый, великодушный и довольно уже поживший на этом свете человек, совсем заплохело Верке. В испуге даже отшатнулась, саму себя чуть ножницами не поранила.

– Я понимаю, мама. Ты же не со зла. Ты не плачь, мама, я тебя попрекать не буду, ты не бойся... В конце концов, у тебя ведь тоже крылышек нет, и ничего, живешь.

Охнула мать протяжно и больно, упала на пол да головой о чугунную кроватную ножку и ударилась. Вскочила было сгоряча, хотела, видно, утюг холодный к шишке приложить, да тут же снова на пол и повалилась, чтобы с тех пор никогда уже с кровати не подниматься более и рта не раскрывать... Паралич, должно быть.

2

Через месяц из города комиссия в Веркин дом нагрянула, чтобы как-то с парнишкой, с Толькой, вопрос о детском доме утрясти: рано, мол, одному, трудно, надо полагать, в таком возрасте в деревне да еще с матерью – инвалидкой...

Вошли испуганно в полутемную комнату, наверняка, ожидая увидеть смрад да вонь, что вокруг лежачих частенько случается, да ошиблись, бедолаги.

Вокруг чистота да порядок. У Верки под кроватью горшок эмалированный, с ручкой облупленной, чистенький притулился. На полочках да подоконниках

из газет резные салфеточки разложены, а сам Толик за столом сидит и огромную книгу по слогам читает, губами шевелит и пальчиком вдоль строк водит.

Тот, что в комиссии за главного был, председатель, значит, лысоватый мужичок, разве что чуть повыше, чем Толя, с брюками на помочах, отчего-то на цыпочках к столу подошел и, приподняв пальцем обложку, прочитал трагическим шепотом:

– Болеслав Прус. «Фараон».

После чего также на носочках вернулся к остальным и громким голосом спросил, неизвестно к кому обращаясь:

– А не хочет ли Толя в город, в детский дом? Нехорошо, когда такой маленький мальчик растет без присмотра взрослых.

Толик с сожалением отложил книгу и, подойдя к матери, поправил на ее животе ветхое, но чистое одеяло.

– Нет, Толя не хочет. Толе и здесь хорошо. А в городе маме станет хуже... Тем более что коза у нас и огород... Нет. Ни я, ни мама моя в город не поедет. До свидания.

– До свидания, – недружно ответили члены комиссии и задом скорее-скорее прочь из этого дома.

Прикрыл мальчик двери за ретировавшимися гостями и только сейчас заметил, что в ногах у матери кто-то оставил яркую книжку про похождения деревянного проказника и красную мятую десятирублевую бумажку.

Толька подошел к темнеющему окну и прижался высоким лбом к тонкому прохладному стеклу, а мать его, Верка, глотая слезы, смотрела на обезображенную спину сына, где обрубки крыльев уже срослись в небольшой, уродливо-бугристый горб, особенно хорошо видимый сейчас, в легком вечернем полумраке комнаты.

Когда в доме все дела были переделаны, а мать, подмытая и накормленная, дремала, тихо посапывая, пацаненок уходил из дома и часами бродил по

развалинам деревни, давно уже и основательно заросшими полынью и крапивой, иной раз забираясь и к залитому бетоном могильнику. Из полуразрушенных подполов и печей, обломков рухнувших в одночасье домов, Толик выковыривал пожелтевшие и разбухшие от воды книги, покоробившиеся тетради, раздавленные полинявшие игрушки.

Если было сухо, мальчик ложился животом на прогретый бетон, подставляя изувеченную спину солнцу, и часами слушал завывание сухого ветра, запутавшегося среди арматуры и колючей проволоки, удивительно схожие с тоскливыми переливами армянского дудука.

А иногда, особенно когда поблекшую акварель бездонного неба перечеркивали улетающие по осени журавлиные стаи, он со стоном переворачивался на спину и долго-долго, сквозь радужные переливы слез, застывших среди ресниц, смотрел им вслед. Птицы, словно чувствуя что-то, как будто нарочно долго и беспорядочно кружили вокруг зоны отчуждения и только много позднее выстраивались и вытягивались в черные клинья...

Постепенно деревня начала оживать. Вернулись некоторые из односельчан, наверное, отчаянно надоевшие своим сродственникам. Появились и совсем чужие люди, по виду бродяги и неудачники, уставшие от собственной неустроенности и не верующие ни в Бога, ни в радиацию.

То тут, то там над бурьяном поднимались домишки, иной раз и красного кирпича, под железной крышей, благо строительного материала и на развалинах деревни, и на взорвавшемся комбинате оказалось вдоволь.

А радиация... Да что радиация? Кто ее видел, эту самую радиацию? Вон Верка с сыном живут, коза, однако же, да огородик. И ничего! Мальчишка так даже и румяный вечно, словно с мороза.

Анатолий, крепкий, мускулистый подросток, подпорченный горбом, хоть и небольшим, а все ж таки заметным, тщательно вымыл руки возле колодца, поливая себе с ведра, и, промокнув их о собственную рубаху, с затаенным любопытством посмотрел в полутемную, сыроватую, четырехугольную яму, вырытую им посреди огородика. По стенкам ее, с зеркально-глинистыми срезами от лопаты, тонкими змейками сочилась верховодка. Небольшой, аккуратно сколоченный крест полулежал на куче вынутой земли, исходил желтыми, янтарными слезами.

Крест Анатолий срубил из высокой, с отломанной верхушкой, голубой ели, растущей возле развалин бывшего Дома культуры. От запаха свежей земли и еловой живицы у паренька кружилось в голове, подводило живот, словно от голода.

Сбросив обувь в сенях, он вошел в комнату и, покачиваясь с носка на пятку, постоял возле самодельной книжной полки, подвешенной в углу, рядом с окном.

Библиотека для деревни была довольно большой, но совершенно несуразной по составу.

Толстенная Библия дореволюционного издания соседствовала с потертым и замасленный справочником по ремонту и эксплуатации гусеничного трактора «ТN№130», а рассказы советских писателей о Ленине опирались о пухленький томик Эмиля Золя.

Выудив из книг, любовно перечитал и убрал в карман лежавшую до поры хвалебную справку-характеристику, выданную ему, Анатолию Моховому, председателем соседнего колхоза, которому он между делом за эту зиму отремонтировал и отрегулировал всю уборочную технику, ржавеющую бы без этого, по устоявшимся обычаям, до самого последнего дня, до весны.

Обмыв в последний раз остывшее, усохшее за годы болезни тело своей матери, Верки, уснувшей навсегда

два дня назад, он завернул ее в чистую простыню и, перебросив через плечо, вышел во двор.

Дождь тут же промочил полупрозрачную, ветхую ткань, и, пока Анатолий не забросал могилу землей, у него перед глазами водяными знаками маячили темно-рыжие ее волосы и блекло-багровые соски высохших грудей. Установив крест, он запер дверь на замок и, не оглядываясь, пошел прочь, в сторону Сибирского тракта, ведущего в большой город.

Дождь шлепал и шлепал крупными тяжелыми каплями по блестяще-черному асфальту, шумом своим заглушая не то стон, не то клятву осиротевшего Толика:

– Я обязательно вернусь к тебе, мама.

3

Начальник отдела кадров, желчный худощавый старик, приехавший в этот город вместе с эвакуированной во время войны из Ленинграда техникой да так и оставшийся здесь, недоуменно раз за разом перечитывал предоставленную Анатолием характеристику.

– Слушайте, товарищ Моховой, я что-то никак не пойму, – он раздраженно загасил беломорину с измусоленным мундштуком, – а где остальные документы: паспорт, свидетельство об образовании, выписка из домовой книги? Где? Где все это?

Начальник отдела кадров в запале даже внимательно рассмотрел оборотную сторону характеристики, словно на ней водяными знаками могло быть написано нечто очень значимое для него.

Парень набычился, почти силой вырвал бумажонку из пальцев дотошного кадровика и, поднимаясь, проворчал:

– А что кричать-то? Все равно ничего больше у меня нет. А у вас на проходной написано, что требуются...

Старик вздохнул, шевельнул лохматыми бровями и, потянувшись к телефону, спросил, на всякий случай, внимательно рассматривая натруженные руки молодого человека с широкими и плоскими ногтями:

– А лет-то тебе сколько, парень?

– Я думаю лет шестнадцать, – гордо проговорил, возвращаясь на свое место, Анатолий и победно взглянул на в конец растерявшегося кадровика.

– Это дизелемоторный? – прокричал старик в трубку, по-видимому, стараясь перекричать шум производства, царивший в этом самом неведомом дизелемоторном.

– Позови-ка ты мне Таравана... Да-да... Это Максим Павлович?.. Вы, помнится, на партсобрании жаловались, что у вас слесарей не хватает... Да есть парнишка, настырный похоже... Какой разряд, к чертям собачьим? Говорю же, что даже отчество мне его не известно... Поставим второй, а там посмотрим... Хорошо, под твою ответственность.

На следующий день Анатолий Моховой вышел на работу в качестве слесаря второго разряда и получил койко-место в заводском общежитии барачного типа, из которого, впрочем, довольно быстро перебрался сначала в комнату в коммунальной квартире, а потом и в отдельную, на пятом этаже нового кирпичного дома. Нехорошо, если один из лучших механиков громадного завода (а слесарить Анатолий перестал уже сразу после испытательного срока) ютится без своего жилья.

Центральная городская библиотека поразила Анатолия своими колоннами и замысловатой лепниной (под книги был отдан западный флигель бывшей городской усадьбы бывшего генерал-губернатора), мраморными лестницами с кроваво-красной ковровой дорожкой, пропущенной под медными, некогда позолоченными прутьями, и бесконечным количеством книжных стеллажей, выставленных в просторных залах с несколько армейской, бездушной аккуратностью.

Первое время Моховой просто бродил среди стеллажей, вдыхая в себя сладковатый, схожий с шоколадом, запах старых, прошедших многие руки книг, читая вслух имена незнакомых авторов и названия их произведений, трогал дрожащими пальцами потертые обложки...

А потом пришла пора чтения.

Все новые и новые авторы, рекомендованные Анатолию невыразительной, серенькой, худо-бедренной библиотекаршей, молоденькой, впрочем, девицей, уносили его в далекие неведомые дали под тихий шорох страниц и чуть слышное хлопанье алых парусов...

Очнулся Моховой, пожалуй, только тогда, когда заметил, что в его отдельной квартире отчего-то поселилась серенькая, невзрачная библиотекарша, и что ее, оказывается, зовут Клавдией, и что, как это ни странно, месяцев через шесть Анатолий Моховой станет папочкой.

Под самый Новый год Анатолий отвез Клавдию в роддом, а сам взял два дня отгула и выбелил зубным порошком все потолки в квартире. На стенах, вместо дефицитных в те, семидесятые, годы обоев, старательно, свернутой в тугой жгут тряпкой, накатал узор, светло-желтым на голубом, и уже второго января принимал из рук фельдшерицы наследника Васеньку, Василия Анатольевича.

Клавдия после родов неожиданно раздобрела, расцвела и похорошела и, как только появилась возможность, сбагрила сына в ясли, а сама, между прочим, являясь единственной дочерью главного инженера металлургического гиганта, зачастила по санаториям, лечить существующие, а может быть, и надуманные заболевания.

Анатолий, любивший сына и радостно наблюдающий за его взрослением, на Клавкины фортели внимания не обращал и почти не удивился, когда откуда-то из-под Анапы получил от благоверной

открытку с видом на море и коротенькой припиской на обороте: «Толик. Я знаю, ты хороший человек, но наш брак был ошибкой. Я повстречала другого и наконец-то поняла, что такое настоящая любовь. Когда у нас с ним все утрясется, я, скорее всего, Васеньку заберу. Целую. Твоя Клавдия».

Когда Васе исполнилось пять лет, он впервые смог подняться в воздух. Легкие крылья мальчика, с шумом рассекая воздух комнаты, подняли пыль с книжных полок и давно не стираных гардин.

Бросив на стол кадровика заявление на отпуск, Анатолий Моховой забил рюкзак банками с кабачковой икрой и китайской тушенкой и, заботливо одев сынишку в теплые, купленные на вырост одежды, поехал в деревню своего детства.

Тополя за эти годы уже успели основательно подрасти и своими часто посаженными стволами защищали зону от холодных, пронизывающих ветров, частенько долетавших до этих мест с кустанайских степей.

И столбы и колючая проволока куда-то пропали, надо полагать, усилиями местных жителей; в деревню вели довольно глубоко протоптанные многочисленные тропы, а через то место, где некогда висела калитка, пузырилась голубыми бликами глубокая санная колея.

– Ну, вот мы, Васенька, с тобой и добрались.

Анатолий скинул рюкзак со спины и, утопая по колено в снегу, направился к покосившемуся крыльцу родного дома.

Васька вздохнул, придирчиво осмотрел полузанесенный снегом убогий домишко, посеревший от времени крест, темнеющий среди сугробов, оббитый ржавой жестью конек навеса над колодцем и пошел по отцовским следам к дому.

Веркин дом прогревался долго и нехотя. Печка дымила, парила волглой штукатуркой, сердито завывала в забитом снегом дымоходе, но уже ближе к вечеру,

когда со стекол потекло и уснувшие по холоду мухи зашевелили лапками, а разомлевший Васятка бегал по избе в одних трусиках, Анатолий успокоился, дрова больше в печь не закладывал и, присев на скамейку, потный и счастливый, прошептал наконец:

– Вот я и вернулся, мама.

4

Вася кувыркался в воздухе, весело пролетая над печкой, кухонным столом, лежащим на разобранной кровати отцом, тревожно наблюдающим за кульбитами сына.

– Ты, Васька, аккуратнее, голову о печь не разбей, – предупредил он сына, сбрасывая ноги на пол и, по городской привычке, натягивая шлепанцы.

– Да ты что, папа, это же так здорово! – рассмеялся тот и вновь закружился под потолком.

– Да знаю я, сынок, знаю, – буркнул Анатолий и направился в сени, где, как он помнил все эти годы, висели старые овечьи ножницы...

Капитан Мишка

1

Небольшие розовато-коричневые котлеты с недовольным ворчаньем купались в раскаленном масле, исходили прозрачным соком. Рядом с плитой, на столе под пестрой клеенкой, стояло глубокое блюдо с уже остывающими котлетами. Сквозь приоткрытое поддувало печки было видно, как на серых бугорках золы весело резвились отблески пламени, бушевавшего в топке.

– Мама, закрой поддувало – котлеты горят. Ты что, разве не чувствуешь? – закричал Мишка и проснулся.

Тяжелый махорочный дым сизыми слоями повис под потолком. Парнишка поморщился и нехотя

выпростался из-под старого, облезлого и необычайно тяжелого дедовского тулупа. На соседней кровати заворочалась сестра, и Мишка, торопливо сбросив с Наташки стеганное ватное одеяло, поспешил посадить девушку на горшок. Тяжелая, горячая со сна, она обняла брата за шею и что-то залепетала ему прямо в ухо, на своем никому не понятном языке.

– Да ладно уж тебе, разболталась. Все ухо мне обслюнявила. Писай давай скорее. Чуешь, пол какой студеный? Печка со вчерашнего дня небось не топлена. Опять родичи гужуются. Наверняка, дрова соседям пропили... Алкашня. А в лесу еще снег кругом, холодно ночами, как без дров-то теперь? Опять мне сучья пилить придется.

Сестра помочилась и вновь забралась на кровать. Ночная сорочка сбилась, и сквозь обремканный разрез стала видна вполне уже развитая грудь.

– Прикройся, Наташка. Похоже, чужие в доме, пялиться еще начнут.

Мишка поправил сорочку на груди старшей сестры, с трудом натянув тесноватые, побитые молью носки на свои скоро озябшие ступни, и пошел на кухню. В доме опять пили, а значит, про завтрак, впрочем, как и про обед и ужин, можно забыть. Мать в окружении мужиков сидела за столом в телогрейке, стеганых ватных штанах и ярко-розовых тапках на босу ногу. На столе – начатая бутылка самогона, небрежно укупоренная бумажной пробкой, несколько мутных, залапанных стаканов, наполненных по зарубку, да блеклый пучок соленой черемши.

«Приснились, значит, котлетки-то», – мелькнуло в голове у парнишки, и он даже зажмурился от огорчения.

– А вот и мой младшенький, – обрадовано проговорил отец и обессиленно махнул рукой с потухшим окурком. – Двенадцать на Медовый Спас исполнится.

– Одиннадцать, – коротко поправил отца Мишка и, зачерпнув кружкой из оцинкованного ведра тепловатой несвежей воды, напился.

– Там еще дочь где-то. Но она с рождения слегка не в себе... Идиотка, одним словом.

Мужик всхлипнул обиженно и, торопливо глотая, выцедил стакан самогона.

– Бывает... – согласно закивали его товарищи и тоже потянулись к стаканам.

Мать промолчала. Впрочем, похоже, что она просто спала.

– А ты что, Мишка, не в школе? Прогуливаешь, мать твою за ногу? – решил покуражиться отец, обычно строгий на людях.

– А кто сапоги мои пропил? – огрызнулся мальчишка, набрасывая на худощавое тельце чью-то блестящую от мазута телогрейку. – Сам пропил, а в чем мне до школы эти самые шесть километров пройти не подумал. В валенках по лужам особенно не походишь.

Мишка всерьез рассердился, натянул чьи-то кособокие пимы и, хлобыстнув дверью, вышел во двор до ветру.

А на дворе вовсю уже хозяйничала весна. Слабая и робкая в тайге, где по оврагам и глубоким колдобинам все еще лежит тяжелый и мокрый снег, здесь, на солнышке, среди построек, она расположилась основательно. Высокое крыльцо, крашенное темным суриком, даже на вид теплым, курилось сероватым хрупким парком. Тяжелые, мохнатые лапы кедра, росшего прямо за стайкой, сарайчиком для скота, поднялись вверх – верный признак ранней весны. Пахло пряно и терпко. Мишка поправил штаны и вернулся в дом.

Отец с приятелями куда-то исчезли, лишь мать все так же безучастно и тупо смотрела в залапанное стекло кухонного окна.

Мишка пошарил в простывшей печке и в чугунке нашел с десяток влажных картофелин, отваренных в мундире.

– Да мы с тобой сегодня жируем, Наташка! – крикнул он радостно в душную темноту комнаты, и тут же сестра, громко и протяжно мыча, появилась на пороге кухни.

Пацан вздрогнул от неожиданности и, взглянув в большие, широко расставленные глаза сестры, в очередной раз подумал, что, возможно, Наташка и не такая уж и полоумная, а скорее, просто придуривается. Быть может, не хочет вступать с матерью и отцом в конфликты, без которых уже давно не обходится ни один божий день.

Мишка пересыпал картошку в большой, свернутый из старой газеты кулек, туда же щедро сыпанул крупной соли и, упрятав пакет под телогрейку, поманил за собой сестру. Наташка одеваться не любила. Вот и сегодня она брыкалась, падала на пол, плакала и стягивала сапоги, с трудом натянутые Мишкой на ее полные ноги. Наконец терпение паренька закончилось и он, нарочито медленно достав из-за пазухи одну из картофелин, осмотрел ее со всех сторон и, громко сглотнув слюну, откусил половину. Без соли, вместе с кожурой.

Сестра (вот же странно: дура дурой, а все понимает), заметив, с каким аппетитом Мишка проглотил кусок картофелины, обиженно замычала, замотала головой и начала одеваться.

Когда Наташка выползла из дома, расхристанная, кое-как одетая, брат ее уже открывал ворота сарая, в котором в свое время отец хранил сети, удочки, цепи для бакенов и толстые, противно шуршащие листы пенопласта.

Мишка присел на колоду возле сарая и, подставив весеннему солнцу веснушчатое лицо, задумался, как-то уж очень по-взрослому, изредка поглядывая на сестру, сторожко спускающуюся с крыльца.

Как все-таки странно устроено все в этом мире. Еще лет пять назад река была судоходной, и по ней нет-нет да и проходили баржи, тяжело нагруженные глыбами цветного мрамора, нарубленными где-то аж под самим Красноярском. Небольшие, пестро окрашенные пароходики два раза в неделю развозили пассажиров с ярмарки по крупным и крепким селам, раскинувшимся по берегу реки. А катера, те вообще без передыху сновали туда и обратно по своим, наверное, очень важным речным делам. В то время отец, веселый и жизнерадостный мужик, каждый вечер, перебросив через плечо весла, уходил на работу. Уходил, чтобы вернуться ранним утром уставшим, в мокрой от пота рубахе, но все таким же веселым и совершенно трезвым. Мишка иной раз даже самому себе не верит, что было время, когда его отец спиртного в рот не брал.

– Да ты что, паря? – говаривал он сыну, посадив его на свое крепкое твердое колено. – Да разве ж можно? У меня работа тверезая... Я, сына, не абы кто, я – бакенщик! От меня иной раз зависит судьба не только груза корабля, но и жизни человеческие. А ты как думал? Вот не зажгу я, к примеру, пару бакенов, и штурман проложит неверный путь, а капитан поведет по этому пути корабль. А это все: это пробоина, это мель, это смерть. Про деньги я вообще молчу...

Ну а потом где-то в верховье реки построили плотину и направили воду по спешно вырытому каналу. Зачем Мишка не знал, как, может быть, не знал и его отец, но вот только река с тех пор сильно обмелела, и лишь по ее центру еще оставались кое-где глубокие омуты и затоны.

Как-то под осень, уже уволенный по сокращению, отец шутя показал Мишке на буруны воды, нет-нет да и появляющиеся над ровной и ленивой теперь поверхностью реки.

– Смотри, паря. Вот там, возле острова, живет пара налимов. Старые и громадные, словно кабаны. Вот бы

нам их с тобой, сынок, выловить. На всю зиму бы мяса хватило. Эх...

Отец ушел, оставив после себя стойкий запах водки вперемешку с одеколоном. Ну а потом он уже и скрываться перестал, запил по-черному. Вслед за ним и мать...

Наташка, увидев брата, обрадовалась, поспешила к нему и чуть не споткнулась о пробегающую мимо белую курицу.

– Садись, дуреха, – с показной суровостью проговорил он и усадил ее на свое место. – Ходишь, словно слон. И так курей почти не осталось, хорь, скотина, с десяток придушил, а тут ты еще...

Губы сестры обиженно задрожали, но Мишка сунул ей в руки кулек с картошкой, и Наташкино настроение разом улучшилось...

– Как же тебе просто живется, – с завистью вздохнул парнишка и, распахнув вторую створку ворот, вошел в сарай.

На телеге лежала большая пузатая бочка, выкрашенная темно-коричневой половой краской. В центре ее, чуть левее обруча, зияло круглое отверстие, старательно выпиленное лобзиком. Два коротко отпиленных весла, торчали по обе стороны бочки, словно покоцанные крылья стрекозы.

Мишка обошел вокруг телеги, несколько раз ткнул пальцем в окрашенные бока этого странного сооружения и совершенно серьезно, словно сестра могла понять его, проговорил, вытирая краску о штаны:

– Эх, как чувствовал: олифы переложил. Жди теперь, когда краска высохнет.

Он приставил небольшую лестницу и с верхней полки достал темно-синий пыльный патефон. Крутанув несколько раз блеснувшую в полумраке ручку, мальчишка аккуратно опустил иглу на пластинку, нарезанную на мятом рентгеновском снимке.

Патефон зашипел сердито, но вскорости шипение прекратилось, и мужской прокуренный голос грустно и задушевно выдал:

Он капитан, и родина его Марсель.
Он обожает споры, шумы, драки.
Он курит трубку, пьёт крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки...

Дальше иглу заело, и мужик монотонно и недовольно зачастил:

– Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки...

Мишка хлобыстнул кулаком по верстаку, на котором стоял патефон, игла соскочила и песня продолжилась:

У ней следы проказы на руках,
У ней татуированные знаки,
И вечерами джигу в кабаках
Танцует девушка из Нагасаки...

Наташка, услышав пение, привычно радостно замычала, покачивая головой и уминая картофелину за картофелиной.

– Ну, ты и мечешь! – усмехнулся Мишка, а в руках он уже держал округлый кусок толстого оргстекла.

– Сейчас, Наташа, погодь немного. Я вот только иллюминатор вмажу, и пойдем с тобой на реку лед смотреть... Сейчас...

Он говорил, а пальцы его ритмично разминали, разогревали кусок застывшей оконной замазки.

Песня кончилась, суровый капитан из Марселя в очередной раз узнал о гибели любимой девушки из Нагасаки от безжалостного ножа, а парнишка все мял и мял неподатливую сероватую массу.

– Старая совсем замазка. Как камень твердая, – оправдываясь, пробурчал он, сердито вглядываясь в лицо сестры.

Та уже съела картошку и теперь слизывала соль с мокрого пальца.

– Да что же ты соль-то лижешь, словно теленок? Потом пить захочешь, а напьешься – в штаны напрудишь…

Он отобрал у сестры разорванные остатки кулька и вновь завел патефон. Все ту же единственную и бесконечную песенку.

– А что, Наташка, давай ты будешь девушкой из Нагасаки, а я, естественно, буду капитаном. Согласна?

Сестра сидела на колоде и смеялась, раскачиваясь всем телом.

– Согласна, значит! – рассмеялся и Мишка и начал старательно вмазывать стекло в дырку иллюминатора. – Вот подожди немного, – убежденно пророчествовал паренек, тайно любуясь своей работой, – вот только лед сойдет, как я на своей подводной лодке за налимами к острову и пойду. Вот тогда я вас всех рыбой от пуза накормлю. Вот увидишь, сестренка, так и будет. А там, глядишь, и мамка за ум возьмется, пить бросит или хотя бы закусывать начнет, а то все водой водку запивает. Вот ей и плохеется, без закуски-то.

Мишка вытер пальцы тряпицей и, щурясь, вышел из сарая на свет.

– Ну, ладно, хорош рассиживаться, пойдем к реке.

Он прикрыл ворота, взял сестру за обмусоленные пальцы и повел к длинной деревянной лестнице с хилыми перильцами, ведущей к реке.

– Пойдем Наташка, пойдем. На лед посмотрим. Как бы нам с тобой ледоход не пропустить.

Вдоль берега лед уже подтаял, и вода, темная и студеная, черными ломаными линиями вправо и влево уходила к лохматому таежному горизонту. Но, вопреки Мишкиным ожиданиям, всю середину реки еще

покрывал лед, рыхлый и мокрый, тревожно-голубого цвета.

Наташка тут же высвободила руку и, тихо курлыча, начала бродить вдоль воды, выискивая обломки перламутровых беззубок и красивые пестрые камушки. После каждой находки над берегом разносился ее громкий индейский крик. Пестрые сороки от криков этих по первости приходили в расстройство, взлетали над лохматыми гнездами и, тревожно галдя, кружили над рекой. Позже, правда, они, надо полагать, несколько пообвыкли и лишь иногда, сверкнув чистым глазом, посматривали на блаженную сверху вниз.

Мишка же, сбросив телогрейку, растянулся на теплых шершавых мостках, прислушивался к таежному шуму и смотрел на взлохмаченные, какие-то совершенно несерьезные облака, застывшие в темно-синей смальте апрельского неба.

– Вот хорошо бы залезть в мою подводную лодку, взять с собой патефон да картошки побольше и плыть, плыть, плыть. Плыть неизвестно куда. А всплыть в таком месте, в такой стране, где все люди добрые и безобидные, как моя Наташка. И чтобы никто там водку не пил, и чтобы у каждого было хотя бы по две пары сапог. И чтобы...

И так хорошо лежалось Мишке на солнышке, так хорошо мечталось, что не заметил он, как уснул. Что уж там снилось мальчишке, неизвестно, но улыбка, широкая и добрая, долго-долго не сходила с его лица. Проснулся парнишка от того, что кто-то неуклюже заворочался рядом с ним.

«Того и гляди рухнешь в воду», – мелькнуло в Мишкиной голове, а руки его уже обхватили и крепко прижали к себе сестру, прикорнувшую рядышком.

– Ох, и горюшко мне с тобой, Наташка, – посетовал он и, привстав на мостках, потянулся до хруста. – Пойдем, что ли, домой, сестренка. Пора.

Мишка растормошил спящую девушку и направился к лестнице, когда за его спиной вдруг что-то треснуло, словно молнией поблизости шандарахнуло.

Наташка, присев от страха, зажала ладонями уши, зажмурилась, а после и, вообще, разревелась, громко и горько.

– Началось! Ты слышишь сестренка? Началось! Лед пошел!

Мальчишка попытался приподнять её, что-то втолковать девушке, но махнул рукой и побежал к реке.

Вдоль ледяного поля пробежала глубокая трещина. Лед зашевелился, задрожал крупной дрожью. Поверх него вдруг хлынула вода и тут же пропала, с хлюпаньем просочившись сквозь многочисленные трещины. Сороки и вороны с криками и карканьем заметались над рекой, поливая жидким калом ледяные глыбы.

– Ну, вот и все, Наташа, – Мишка успокаивающе погладил сестренку по волосам и, приподняв ее за подмышки, повел по ступенькам вверх. – Вот и ледоход случился. Через пару деньков и лодку мою на воду спустим. Ты-то как, рада, что ли, девушка из Нагасаки? Наташа загугукала и неловко погладила брата по голове...

2

В субботу утром на попутном тракторе к ним заехала Мишкина классная руководительница, Валентина Ивановна. Полная добрая подслеповатая женщина в годах, с красивой фамилией Лебедушкина. Минут пятнадцать она что-то живо втолковывала Мишкиной матери, сидя перед ней на скрипучем табурете, пока не осознала, что та вовсе и не слушает ее, а по обыкновению просто-напросто спит с открытыми глазами. Отчаявшись, Валентина Ивановна вышла во двор и направилась к ученику.

– Что ж ты, Мишка, уроки прогуливаешь? Ведь ты же неглупый парнишка. Неужели на второй год остаться

хочешь? Сам знаешь, сейчас годовые контрольные, диктанты, а ты прогуливаешь...

Мальчик стоял перед ней, обутый в расплющенные дырявые валенки, стоял навытяжку и отчаянно стеснялся и пьяную мать, и отца, тупо и хмельно улыбающегося, по-хозяйски рассевшегося на крыльце в линялой майке и проссаном трико, и свою сестру, добрую, беззащитную дуру.

– Я... Я обязательно приду в школу, Валентина Ивановна. Честное слово приду. Вот в понедельник и приду.

Он набычился. На глазах, обычно веселых и радостно-голубых, вскипели слезы...

– Я приду.

Учительница вздохнула, безнадежно прошлась взглядом по запущенному двору, потрепала мальчишку по голове и направилась к трактору.

– Приходи, Миша. Если получится, обязательно приходи...

3

Телега с привязанной к ней подводной лодкой наконец-то оказалась прямо возле мостков. Раньше, когда еще река была полноводной, уже на середине мостков глубина была больше двух метров. Теперь же вода плескалась лишь на самом их краю. Усадив Наташку на мостки, Мишка вооружился тяжелой и прочной лагой и, просовывая ее конец под задние колеса, все дальше и дальше загонял телегу в воду.

– Ну, вот и все, кажись, хватит, – решил он наконец и, отбросив лагу, перекатил бочку на доски мостков, после чего, устало отдуваясь, побрел к берегу, тяжело хлюпая промокшими валенками.

Полуденное солнце кувыркалось высоко в небе, прозрачном и чистом, не обремененном даже облачком, и лишь темная точка какой-то хищной птицы кружила и кружила в бесконечном бессмысленном полете.

Раздевшись до трусов, Мишка, как смог, вымазался в солидоле, захватывая его ладонью из высокой жестянки.

– Ты не думай, Наташка, что я с ума двинулся, – дрожащим голосом убеждал он скорее себя, чем сестру.– Мне батя еще давно рассказывал, что жир или сало – в холодной воде лучшее дело. Но сама понимать должна, где я сейчас сала найду? Так что солидол очень даже неплохая ему замена. Да не лезь ты к банке! Это солидол тебе, а не повидло. Не лезь, кому говорят!

Мальчишка прихватил банку и, зябко ступая по прохладному песку, отнес ее к прибрежным кустам, откуда вернулся с остро отточенными вилами, насаженными на короткий крепкий черенок.

Девушка, увидев вилы в руках брата, сжалась в комок, испуганно скукожилась. Глаза ее раскрылись шире обыкновенного, наполняясь слезами.

– Ну-ну, – с показной веселостью улыбнулся Мишка, укладывая вилы внутрь бочки. – Налимы – это тебе не уклейка. Их, моя родная, голыми руками и не взять... Солидная рыба.

Мишка с трудом забрался в свою подводную лодку и, прежде чем захлопнуть крышку (явно осознавая всю бесполезность своей просьбы), все ж таки попросил сестру, старательно и неубедительно улыбаясь в сторону:

– Ты, Наташка, того, ты в случае чего мамке-то все расскажи... Так, мол, и так... Пусть она не шибко ругается. И пусть не пьет, хватит уже, хватит.

Мальчишка подмигнул сестре и, присев на корточки, закрыл за собой круглую крышку. Черные резиновые полосы, скроенные парнишкой из отцовских калош, противно скрипнули, и люк подводной лодки плотно встал на свое место. В бочке было тесно и душно. Стекло иллюминатора тотчас же запотело, обрубки весел сдавливали бока, а отточенные пики вил оцарапали Мишкино плечо.

– А кто сказал, что у подводников судьба легкая? – хмыкнул он и начал резко и методично раскачивать бочку.

Наташа, заметив, что подводную лодку что-то сотрясает и раскачивает, подошла к ней, и, мгновенье подумав, опрокинула бочку в воду.

4

То, что бочка подтекает, Мишка понял сразу же, как только ее вынесло на быстрину. Холодные злые струйки воды со всех сторон, словно осы, жалили голое тело капитана-подводника. Особенно быстро вода просачивалась через иллюминатор и отверстия под весла. Течение все быстрее и безжалостнее вертело полузатопленную бочку. Весла отказывались грести, и Мишка напрасно упирался спиной в глухую перегородку, пытаясь выдавить люк. Бочку вновь крутануло, и мальчишку стошнило. Одно из весел треснуло, застряв меж сучьев тяжелого, словно камень, черного бревна-топляка. Подводную лодку тут же притопило и потащило под ледяное поле, все еще сохранившееся возле острова. Вода, бесновавшаяся среди крупных валунов, лежащих на дне реки, крутила и вертела бочку, словно решая, куда ее забросить, в конце-то концов: под шершавые льдины полуметровой толщины, с глухим гулом наползающие на каменистый берег острова, или чуть левее, туда, где на многие сотни метров спокойная и чистая река, казалось, и думать забыла о своих холодных ледяных оковах.

...Кто-то наверху, там, где возле распахнутых ворот сарая стоит старая, стянутая металлическим обручем колода, завел темно-синий пыльный патефон и чей-то хрипловатый, словно прокуренный, голос вновь завел свою бесконечно тоскливую песню. А внизу, возле обмелевшей реки, на деревянных мостках, покачивая головкой в такт песенке, сидела девушка и ожидала своего брата, капитана Мишку.

Анна Народицкая

Я родилась в Москве. Мои родители принадлежали к миру искусства, папа – скульптор, мама – художник по театральным костюмам. Поэтому не удивительно, что я пошла по их стопам. По первому образованию художник-график, а по сути характера – художник, рисующий жизнь. Я всегда что-нибудь создаю. Но основная моя профессия – преподавание. Вот уже 27 лет я веду студию фитнеса и танца. Очень люблю свою работу и собираюсь танцевать до старости.

Никогда не расстаюсь с книгой, чтение – необходимое для меня удовольствие. Мне безумно интересно познавать тайны бытия, фантазировать о параллельных пространствах и окнах в тонкие миры. Еще обожаю море, солнце и всех кошек.

Писать начала еще в юности, но всегда считала это своим секретом. Теперь я рада поделиться им с читателем. Жить радостно и писать книги мне помогает моя первая профессия художника. Она дала мне возможность видеть окружающее через призму красоты и цвета. Так я и живу, рисуя и создавая сказку вокруг себя, и приглашаю в свой уютный мир всех желающих.

Перевертыш

Часть первая

Бойтесь Данайцев, дары приносящих –
Quidquid id est, timeo Danaos et dona ferentes!

Вергилий

Бухгалтер Поликарп Трофимов близоруко сощурился на весеннее солнце. В утренние часы оно светило особенно ласково, обещая прекрасные перемены. Каждую весну Трофимова посещало чувство, что скоро в жизни что-то обязательно перевернется и великое счастье вдруг обрушится на скромного бухгалтера. Нельзя сказать, что Поликарп чувствовал себя несчастливым. Нет, он любил жизнь, как ребенок радуясь каждой мелочи. Но всегда, где-то в глубине его наивной души, теплился огонек надежды на большее счастье, на везение и полное благополучие – в общем, на все то, чего обычно не хватало.

Поликарпу Трофимову исполнилось тридцать семь лет от роду. Когда-то он был послушным сыном и отличным учеником в школе. Старания в учебе привели юношу к золотой медали и большим очкам с толстыми стеклами, придающими лицу сходство с рыбой-телескопом. Но Поликарпа это не особенно беспокоило. Он любил просиживать долгие вечера и ночи за чтением. Книги были для него всем – учителями, надеждами, друзьями. Девушки, увы, не баловали парня своим вниманием, попросту не замечая сутулого очкарика.

Прошли годы, и взрослый, но по-прежнему одинокий мужчина каждое утро отправлялся «на службу», как любила говаривать его бабушка. Именно она дала такое редкое имя мальчику, который, к сожалению, не был особенно счастлив от этого. Наоборот, избегая произносить свое имя, Поликарп обычно представлялся как «Трофимов», а позднее

«Трофимов, бухгалтер». Ему казалось, что так звучит солиднее. Поликарп «служил» бухгалтером в магазине «Кулинария». Можно сказать, что Трофимов любил свою работу: ему нравились цифры, расчеты, возня с бумагами. Но время шло, и жизнь вокруг менялась так быстро, что даже наш наивный бухгалтер не мог этого не замечать. Город рос и становился наряднее. На дорогах появилось больше иностранных автомобилей, которые Поликарп, по старинке, называл «заграничными», восхищаясь их недосягаемым совершенством.

Каждую субботу бухгалтер заходил в небольшое кафе на проспекте, и, сидя у окна, пил чай и наблюдал за людьми. Ему было интересно представлять их жизнь и мечтать. Например, вчера Поликарп видел, как рядом с кафе припарковалась яркая дорогая иномарка. Из нее вышли двое. Сначала тонкая блондинка в элегантном платье и туфлях на высоких шпильках, за ней модно одетый холеный мужчина. Пара направилась к парадной двери подъезда старинного дома напротив. Мужчина галантным жестом открыл дверь, девушка изящно откинула прядь длинных волос и, покачивая бедрами, зашла внутрь. Поликарп закрыл глаза, представляя себя на месте этого благополучного мужика. Ах, если бы…

Но бухгалтер не завидовал, он безобидно мечтал о красивой жизни, как о чем-то несбыточном, словно о дивной сказке, которой никогда не суждено стать реальностью.

Вот и в это солнечное утро Поликарп шел к метро, как обычно, наслаждаясь каждой мелочью. Его радовали и голубое небо, и птичьи голоса, и ласковое солнце. К тому же странное предчувствие перемен, щекотно прыгая в солнечном сплетении, поднимало настроение, вызывая непроизвольную улыбку.

Спустившись в подземный переход, Трофимов скользнул взглядом по переносному лотку с бусами из самоцветов. Торговец-индус почти каждую неделю приезжал сюда с товаром. На складном столике вкусно мелькали разноцветные камни. Поликарп не особенно

интересовался подобными вещами. Но его внимание привлек крупный кусок белого картона с надписью: «ВАЛЩЕБНЫЕ ТАЛИСМАНЫ». Бухгалтер не выносил орфографических ошибок. Он остановился и вежливо обратился к продавцу:

– Доброе утро. Извините, но у вас тут серьезные орфографические ошибки. Вы не могли бы исправить?

– Да, да, да, – закивал громоздким тюрбаном индус, показав в улыбке все белоснежные зубы.

– Что «да-да»? Вы понимаете русский язык? – засомневался Трофимов.

– Да, Дааа! – опять засиял индус, подталкивая поближе к бухгалтеру кучку цветных бус.

– Да что вы заладили «да-да», не нужны мне ваши бусы!

Трофимов возмущенно поправил очки, собравшись было уходить. Но камешки так радовали глаз, что Поликарп невольно засмотрелся. А минуту спустя, то ли от весеннего предчувствия, то ли от широкой улыбки индуса, рука бухгалтера потянулась к небольшому браслету на резинке. Дымчатые бусины отливали сиреневым и мерцали изнутри. Было в них что-то мистическое, и Трофимов на секунду поверил в чудо.

– Сколько стоит вот этот браслет? – смущаясь, поинтересовался Поликарп.

– Да, да! – радостно воскликнул индус, интенсивно закивав головой, и его рука указала на ценник с цифрой: «50».

– Вот, пожалуйста, возьмите, – бухгалтер протянул индусу деньги и, взяв браслет со столика, засунул его в карман брюк. – Спасибо.

Поликарп спешил в метро, он был немного растерян оттого, что приобрел совершенно ненужную вещь. «Тоже мне, талисман, просто стекляшки. И зачем они мне?» – думал Трофимов.

А индус, хитро улыбаясь, смотрел вслед удаляющейся сутулой спине и тихо повторял:

– Да-да, да-а.

Время шло, пролетали недели, жизнь текла так же, как и раньше. Поликарп Трофимов исправно посещал службу, предаваясь трогательным мечтам в свободное от работы и чтения время. Бухгалтер давно уже позабыл и про браслет-талисман, и про странного индуса, который почему-то перестал появляться в подземном переходе. Тем временем весна плавно, но неотвратимо перетекла в лето. Июньское солнышко окончательно вытряхнуло москвичей из курток и ветровок.

Как-то раз, теплым субботним утром, после завтрака, Поликарп провел полную ревизию своего гардероба и был страшно огорчен. Напрашивался неутешительный вывод – вся одежда безнадежно устарела. И в прямом и в переносном смысле слова. Бухгалтер достал из комода старинную бабушкину шкатулку и вынул оттуда деньги, обернутые бумажной полоской. На полоске фломастером было написано: «Прочее». Глядя в зеркало, Поликарп застегнул все пуговицы на любимой пережившей социализм байковой рубашке в клетку. Затем надел пиджак и спрятал деньги во внутренний карман. Вздохнул, провел пластмассовой расческой по жидким волосам и, поправив очки, вышел из дома.

Вещевой рынок ЦСКА пестрел разнообразием товара и утомлял количеством народа. Трофимов сосредоточился на цели своего предприятия и довольно быстро преуспел. Ровно через час он вывалился из дверей рынка с большим черным полиэтиленовым пакетом, наполненным новыми вещами. Бухгалтер был доволен собой и улыбался. Ему удалось хорошо поторговаться и сэкономить приличную сумму. На радостях Поликарп решил наградить себя поездкой на такси. Тем более что пакет с вещами был громоздким, и толкаться с ним в метро не хотелось. Выйдя на Ленинградку, Трофимов поднял руку и стал ждать. Солнце пригревало макушку, чувствовалось приближение жаркого лета. Бухгалтер замечтался о том, как симпатично он будет выглядеть в обновах, придя в

понедельник на работу. И кто знает, может быть, женщины из соседнего кабинета пригласят его на чай. А потом...

Черная иномарка, притормозившая рядом, вывела мечтателя из мира грез. Стекло в машине опустилось, и в окне появилось приветливое лицо водителя.

– Вам куда? – улыбаясь, спросил мужчина.

Поликарп предпочитал такси. Кто знает этих частников, может, он бандит? Но глаза водителя были такими дружелюбными, а улыбка такой искренней, что бухгалтер расслабился.

– Мне на Коломенскую. Сколько возьмете? – прищурился Трофимов.

– Договоримся! Садитесь, мне по дороге. Я тоже туда еду, – еще шире заулыбался мужчина.

Поликарп осторожно влез на заднее сидение и бережно уложил рядом свои покупки. Автомобиль мягко тронулся с места. «Похоже, поездка будет приятной», – подумал бухгалтер. В открытое окно залетал теплый ветер. Водитель что-то весело рассказывал, время от времени поглядывая на пассажира в зеркало. А пассажир рассматривал салон, кожаный, бежевый, так приятно пахнущий. Трофимов только раз сидел в «заграничной» машине, когда замдиректора «Кулинарии» купил новую иномарку. Тогда все сослуживцы высыпали во двор посмотреть на красавицу. А бухгалтера даже пригласили внутрь, посидеть в салоне. Но сегодняшняя машина была гораздо красивее. Трофимов хотел было расспросить у водителя о марке автомобиля, но взгляд Поликарпа наткнулся на смешную игрушку, болтающуюся под зеркалом заднего вида. Это была фигурка индуса в большой чалме. Ручки и ножки у куклы забавно болтались, а на лице застыла хитрая улыбка. Что-то знакомое промелькнуло в памяти, и бухгалтеру почему-то стало не по себе. Откуда-то появилось чувство тревоги, а рука непроизвольно потянулась в карман брюк. Каково же было изумление Поликарпа, когда пальцы наткнулись на круглые бусины. «Я же их не доставал!

Они же дома, в ящике!» – промелькнула мысль в голове ошалевшего бухгалтера. Но осмыслить происходящее он не успел. Раздался пронзительный визг тормозов, затем последовал сильный удар, и Поликарп ощутимо приложился головой об дверь. Теряя сознание, бухгалтер увидел, как мелькают в окне небо и асфальт, с бешеной скоростью сменяя друг друга.

Часть вторая

...Сновидение — это компромисс между потребностью в сне и стремящимся нарушить его желанием, галлюцинаторное исполнение желаний, функция которого — оберегать сон.

З. Фрейд

Где-то за стеной мелодично пробили часы, проиграв знакомую мелодию. Что-то из детства... что-то родное. Поликарп пытался, но никак не мог вспомнить. Он открыл глаза и увидел огромную хрустальную люстру, которая искрилась высоко под потолком. Каждая из многочисленных подвесок едва заметно покачивалась и, переливаясь на солнце, играла всеми цветами радуги.

– Он пришел в себя! – неожиданно раздался рядом чей-то голос. – Он проснулся! Скорее позовите доктора!

Трофимов увидел перед собой красивое женское лицо. Женщина улыбалась, но глаза были грустными и влажными от слез. Подошел мужчина в белом халате, померил Поликарпу пульс и давление. Затем послушал сердце и даже посветил фонариком в глаза.

– Вы кто? Где я? – с трудом ворочая вялым языком, пробормотал больной.

– Ну что ж, все не так плохо, – обратился к женщине доктор, игнорируя вопрос Поликарпа, – организм у вашего супруга крепкий, можно сказать в рубашке родился. Но вот память, боюсь, придется восстанавливать. Сотрясение было сильное.

– Дорогой, – присела на кровать к Трофимову женщина, – ты дома, все хорошо. Я твоя жена. Ты попал в аварию, помнишь?

Поликарп прекрасно помнил аварию и все, что было до нее. Но он совершенно не понимал, как оказался в этом доме и кто эти люди в комнате. У бухгалтера никогда не было жены, да и люстра эта раздражала… как во дворце съездов. «Тут какой-то заговор! Они что-то задумали. Но зачем? – думал Трофимов. – У меня и денег-то нет, почти все, что было, на ЦСКА потратил и на такси. Такси! Водитель с ними заодно, мафия! Надо что-то делать…»

Поликарп изобразил улыбку и тихо произнес:

– Мне надо… в туалет. Где тут туалет?

– Дорогой, туалет там же где и всегда, вон дверь. Видишь? – ласково погладила Поликарпа по руке женщина.

Трофимов приподнялся, с трудом спустил ослабевшие ноги на узорчатый паркет и поплелся в туалет. Закрыв за собой дверь, бухгалтер сполз по стене на пол. Ноги его не держали. Поликарп обвел глазами помещение. Туалет размером с комнату. Сверкающая сантехника, цветная плитка и почему-то теплый пол. Над изящной раковиной огромное зеркало. Зеркало! Поликарп поднялся на ноги, опираясь на стену руками, и посмотрел на свое лицо. Лицо было чужое. То есть это был он, Поликарп Трофимов. Но не такой, каким он привык себя видеть. Лицо холеное, над верхней губой небольшие усы. Очки отсутствовали вовсе, но глаза отлично видели всё. На голове, вместо жидких волос, пышная шевелюра, а на теле шелковая пижама. А тело! Тело-то какое! Сильное, натренированное и загорелое. Господи, а руки! «У меня отполированы ногти!!! – в ужасе осознал бухгалтер. – Что же это? Я сошел с ума?!»

В дверь постучали.

– Дорогой, с тобой все в порядке?

«Надо что-то ответить», – пронеслось в голове у Поликарпа. Но рот не открывался, и губы не слушались. В горле все пересохло от страха. Снова стук в дверь.

– Поликарп, не заставляй меня волноваться, дорогой. Ну, открой же дверь!

Голос женщины был неподдельно взволнован. Трофимов с трудом набрал воздуха в легкие и выдохнул в сторону двери:

– Я сейчас!

Он открыл кран и несколько раз ополоснул лицо ледяной водой. Первый шок прошел, но сердце еще стучало, и коленки предательски подгибались. Поликарп понял, что придется набраться хитрости и терпения, чтобы выяснить, что же, собственно, происходит. Еще раз умывшись, он, привычным жестом, провел рукой по волосам и открыл дверь. Вернувшись в комнату, Трофимов увидел, что к ним присоединился еще один мужчина в строгом форменном костюме.

Увидев Поликарпа, мужчина почтительно склонил голову и произнес:

– Поликарп Матвеевич, ваш «Лексус» полностью отремонтирован и на ходу. В данный момент он в гараже.

– Витя, ну какой «Лексус»! – перебила его женщина. – Ты же видишь, Поликарп Матвеевич еще слаб. Он только пришел в себя, это бестактно, в конце концов!

– Я только доложить хотел… прошу прощения.

И сконфуженный Витя снова кивнул Поликарпу и молча вышел из комнаты. Бедный Трофимов опять впал в тихую панику. Он совсем ничего не понимал. Мало того что его впервые за много лет назвали по имени и отчеству, так еще и «Лексус» какой-то.

Взяв себя в руки, Поликарп Матвеевич присел на кровать и, повернувшись к женщине, тихим голосом попросил:

– Вы могли бы мне рассказать… я что-то ничего не помню. Пожалуйста, – прибавил он вежливо.

– Ну разумеется, дорогой! – схватила его за запястье женщина. – Ты помнишь как мое имя? – увидев замешательство на лице несчастного бухгалтера, она улыбнулась и продолжила говорить, не дожидаясь ответа: – Я Ирина, твоя жена. Мы вместе уже двадцать лет. А это твой дом, – Ирина широко обвела рукой комнату, которая была явно не единственной. – Мы переехали из Москвы в этот дом пять лет назад. Вспомни, дорогой! – женщина просительно заглянула в глаза мужу. – Нашему сыну нужен свежий воздух.

– Сыну? – удивился Поликарп. – У нас сын?

– Ну конечно! Ему сейчас пять лет. Его зовут Матвей, как твоего отца. Поликарп Матвеевич и Матвей Поликарпович. Мы так долго мечтали о ребенке. Ну, вспоминаешь?

– Да-да, что-то припоминаю, – наврал Трофимов, – а почему я потерял память?

Женщина налила мужу чай, села рядом и принялась рассказывать. Чай оказался необычайно вкусным, и бухгалтеру показалось, что пьет он его не в первый раз. А Ирина подробно и интересно поведала историю жизни Поликарпа и события последних дней.

Оказывается, Трофимов – успешный и богатый бизнесмен. Владеет сетью гипермаркетов и имеет приличные счета в нескольких европейских банках. Благодаря таланту работать с цифрами, Поликарп быстро поднялся, когда началась перестройка, и теперь он и его семья крепко стояли на ногах. Супруга Ирина познакомилась с будущим мужем еще в институте и всегда была верным другом и помощником. Долгое время они безуспешно пытались завести детей, но только пять лет назад у них появился долгожданный наследник. Причем сын родился в один день с Поликарпом. И на прошлой неделе, когда планировалось праздновать тридцати восьмилетие Поликарпа и пятилетие Матвея, неожиданно позвонил институтский друг семьи Павел. Он был талантливым математиком и стал толковым педагогом, по приглашению Кембриджского

университета давно уехал в Англию. И вот теперь Пашка сообщил, что собирается прибыть ко дню рождения нашего удачливого бизнесмена. Трофимов, конечно, обрадовался и заявил, что непременно сам должен встретить старого друга в аэропорту. Поэтому Поликарп сел в свой «Лексус», и один, без водителя, помчался в Домодедово. Как назло зарядил дождь, и какой-то пьяный водитель не справился с управлением. На полном ходу он влетел в рекламный щит, предварительно прокружившись пару раз посередине дороги. Машины, идущие следом, конечно, тоже пострадали. Куча мала была приличная. «Лексус» – машина крепкая и мощная, но влетевший в бок Жигуль устроил-таки Поликарпу сотрясение мозга. Три дня Трофимов спал, изредка приходя в сознание, чтобы попить воды. Когда же состояние больного стало лучше, врачи поддались на уговоры Ирины забрать супруга из больницы но, конечно, при условии правильного ухода.

– Вот, вчера вечером все мы и вернулись домой, – закончила рассказ Ирина, – ты все спал-спал, а сегодня наконец проснулся. Видно, правду люди говорят: дома и стены помогают.

Поликарп слушал, и постепенно в его памяти всплывали знакомые лица. Но когда в комнату вошла няня, держа за ручку маленького Матвея, Трофимов словно очнулся. Чувство нежности к этому ребенку неожиданно захлестнуло его. Поликарп Матвеевич окончательно понял, что все воспоминания о прежней бухгалтерской жизни не что иное, как кошмарный сон. Все это привиделось ему, пока он валялся без сознания.

Прошло три дня. Обновленный и окрепший Поликарп уже гулял по саду с сыном. Он был счастлив. Красивая и умная жена, сын-наследник, дом полная чаша, что еще нужно? Правда, Трофимов немного скучал по работе. Прирождённый бизнесмен, он любил свое дело, заниматься цифрами и подсчетами доставляло удовольствие. «Ничего – думал Поликарп, – еще пару

дней и за дело». И сам не заметил, как начал работать, правда, пока только по телефону.

После прогулки все собрались в столовой. Ирина попросила подавать обед.

– Ириш, я завтра в офис съезжу? – не выдержал Поликарп.

– Ну, ты же поедешь независимо от того, что я скажу,– улыбнулась жена, – тебе же не терпится уже.

– Ага! – засиял Трофимов. – Ир, ну я хорошо себя чувствую, правда.

– Ну, ладно-ладно, только не сам, возьми водителя. Тем более что Витя все равно тебя за руль не пустит.

– Вот и договорились! – Поликарп подцепил на вилку кусочек мяса и торжественно положил в рот.

Пролетело лето. Трофимов быстро втянулся в работу, заключал выгодные сделки, подписывал договора. В общем, все как всегда. События, связанные с аварией, позабылись, как и дурной сон о сутулом бухгалтере. Осень тоже проскочила незаметно, работа отнимала почти все время, а оставшаяся малость доставалась жене и сыну. Но они не обижались. Все ждали Новый год, когда папа наконец-то будет дома. Новый год – это святое, это только со своими. Накануне праздников, за ужином, Ира сообщила мужу, что к ним снова собирается Павел, ведь тогда им так и не удалось встретиться. Павлик прилетал на два дня, а Трофимов провалялся все это время в больнице.

– Я его встречу все-таки, – улыбнулся Поликарп.

– Только поосторожней... опять эта дорога, – нахмурилась Ирина.

– Ну, если тебе спокойней будет, я поеду с Витей. Какие проблемы? – Трофимов отпил пару глотков минералки.

– Во сколько он прилетает? – Ира машинально посмотрела на часы.

– Ну что ты нервничаешь, завтра в шестнадцать десять, московское время, – Поликарп отломил кусочек семги. – Дай ты мне поесть спокойно!

На следующий день, удачно закончив текущие дела, Трофимов вышел из офиса и сел в машину. Все как обещал жене. В аэропорт, только с водителем. Погода выдалась чудная. Мягкий и легкий снежок медленно кружился в воздухе, создавая праздничное настроение. Дороги в это время дня более-менее свободны, и автомобиль мягко шел по трассе в сторону Домодедово. Поликарп, в отличие от супруги, совершенно не волновался, Виктор был опытным водителем и работал в их семье уже десять лет. Трофимов думал о встрече с Павликом. «Сколько же мы не виделись? Изменился ли Павел? Как у него жизнь складывается в этой Европе? В гости к нему как-нибудь смотаться, что ли... а может, лучше махнуть в Париж с семьей? А что, я же все время работаю-работаю, а в отпуске сто лет не был, надо поехать...» Размышления прервали два хлопка и незапланированная остановка. Водитель припарковался к обочине.

– Витя, в чем дело? Ты почему встал? – нахмурился Трофимов.

– Не знаю еще, Поликарп Матвеевич, сейчас выясню. – И водитель вышел из автомобиля.

Через пару минут, совершенно расстроенный Виктор с мрачным лицом сел обратно на водительское место.

– Ну, в чем проблема-то? – занервничал Поликарп.

– Плохо дело, сразу два прокола, а запаска в багажнике только одна. Надо вызывать эвакуатор. Извините, Поликарп Матвеевич.

– Да на что мне твои извинения! – сорвался Трофимов. – Сколько нам еще до Домодедово? Сколько мы не доехали?

– Думаю минут двадцать еще, – виновато промямлил Виктор.

Поликарп, ничего не говоря, вылез из машины и стал ловить попутку. На удивление быстро, рядом с ним остановился черный автомобиль. На двери красовалась

реклама: «Такси круглосуточно». «Повезло!» – подумал про себя Трофимов и, сев в такси, выдохнул:

– В Домодедово, пожалуйста, только быстро.

– Не вопрос, – улыбнулся водитель, – тут ехать-то всего ничего.

Виктор и «Лексус» быстро остались позади. Машина шла мягко, и Поликарп Матвеевич немного расслабился. «Ничего, еще каких-то двадцать минут и я тебя, Пашка, все-таки встречу», – думал бизнесмен.

– А ничего такси, и салон приличный, бежевая кожа. Поди-ка ты! – ухмыльнулся Трофимов. Его взгляд наткнулся на странную игрушку, висевшую под зеркалом заднего вида. Маленький индус в смешной чалме, хитро улыбаясь, болтал крошечными ножками и ручками. Что-то неприятное показалось Поликарпу в этой нарисованной улыбке. Сердце нехорошо застучало, лоб покрылся испариной, а правая рука сама полезла в карман брюк. Пальцы нащупали крупные бусины. «Господи! Что это?! – Пронеслось в голове. – Не может быть!!!» Но додумать Трофимов уже не успел. Удар, крики людей, салон машины словно сжался в долю секунды, причиняя страшную боль. Еще удар и темнота.

Часть третья

...О бездна богатства и
премудрости и ведения Божия!
Как непостижимы судьбы Его и
неисследимы пути Его!

Библия. Новый Завет
/Послание апостола Павла
к Римлянам, гл. 11, ст. 33/

Сквозь закрытые веки чувствовался солнечный свет. Совсем рядом кто-то прочирикал. «Я свихнулся», – мрачно подумал Поликарп и открыл глаза. В распахнутое высокое окно ярко светило солнце. На подоконнике сидела маленькая птичка и радостно

щебетала. Трофимов лежал на широкой кованой кровати и ошарашено пялился на видневшийся вдалеке за домами силуэт Эйфелевой башни. Дверь отворилась, и в комнату вошел седой мужчина. Впереди себя он катил изящный столик, сервированный к чаю.

– Bonjour monsieur Trofimov. Comment çava? – вежливо осведомился вошедший.

– Merci, tout va bien – по-французски ответил Поликарп и, по-идиотски улыбнувшись, потерял сознание.

Медленно и тягуче возвращались к Поликарпу звуки, и, постепенно преодолевая слабую тошноту, он открыл глаза. Внимательное и обеспокоенное лицо Павла было так близко, что Поликарп вздрогнул.

– Ну ты даешь старик! Напугал тут всех, – на правильном французском возмутился Пашка. – Я как узнал про аварию, так и примчался сюда. Ты чего это пилота не дождался, зачем в вертолет один полез?

– Пашка? Ты? Какой вертолет? – очумело простонал Трофимов. Он понял, что отвечает на французском, и почувствовал себя персонажем кошмарного сновидения.

– Какой «Пашка»? Я Поль! Ты что, дружище, не очухался еще? Хватит с нас и твоего экзотического имени, спасибо твоей русской бабке.

– Я ничего не помню, я запутался! – взвыл Поликарп. – Я же ехал к тебе, точнее в аэропорт, чтобы встретить тебя.

– Ну да, только не ехал, а пытался полететь, на вертолете, – пояснил Поль, – только так и не взлетел, в ближайшее дерево воткнулся. Спасибо что так легко отделался, пара царапин и синяки. Поликарп, ты совсем от своего бизнеса головой тронулся, отдыхать тебе пора. А за банками пусть твоя команда последит пару недель. Ничего не случится. Все уже давно отлажено и отработано.

– Банками? У меня банки? – Трофимов смешно икнул и закрыл глаза. Перед мысленным взором

проплывали какие-то мутные картинки: женское лицо, ласково улыбающееся одними глазами, маленький мальчик, носящийся по саду, с игрушечным скутером в руках, дорога со снежной кашей и затылок водителя... все эти воспоминания словно растворялись в тумане легкой тошноты и надвигающейся головной боли. И только образ давнего друга Пашки был четким и реальным. «Но он сказал – Поль», – подумал Поликарп и, разлепив веки, взглянул в окно. Радостное голубое небо так настойчиво улыбалось солнечными бликами, что Трофимов почувствовал облегчение. Головная боль, появившаяся было несколько минут назад, исчезла без следа. Силуэт Эйфелевой башни в окне был похож на указующий перст, и Поликарп, подчиняясь этому странному образу, начал вспоминать. На этот раз картинки были четкими и яркими. Просторный офис в бежевых и белых тонах, толстая стеклянная столешница и комфортное кожаное кресло. Панорамный вид, открывающийся из его кабинета на последнем этаже банка, был великолепен. И конечно там была она, Эйфелева башня, которая так услужливо помогала сейчас Трофимову восстанавливать по крупицам всю его жизнь. Поликарп вспомнил рассказы его русской бабушки о том, как семья эмигрировала во Францию еще тогда, когда Трофимова не было и в проекте. Но необычное имя, так удивлявшее французов, дала мальчику именно бабушка, вопреки возражениям родителей. Позже именно это странное для французского уха имя помогло юноше стать тем, кем он стал. Поликарп рано понял, что юноша с таким именем не может быть простым клерком, он хотел большего и добился всего, чего хотел. В детстве он узнал от бабки о жизни русского купца, мецената и предпринимателя Саввы Морозова. Этот богатейший русский со звучным и красивым именем стал примером для юного Поликарпа. И теперь Трофимов сам мог стать примером для подрастающего поколения.

Банкир и меценат, Поликарп был бизнесменом от Бога. Он любил цифры и с детства проявлял талант в точных науках, особенно в математике. Вот только кому потом оставить свой бизнес? Трофимов так и не женился. Сначала времени не хватало, а позже Поликарп стал осторожен. При таком богатстве трудно понять, что любит женщина больше: тебя или твой счет в банке. Только Поль был всегда рядом. Друг детства и партнер по бизнесу, он всегда оставался надежной опорой. Поль возглавлял Лондонский филиал банка. Теперь Поликарп отчетливо вспомнил, как торопился встретить его в аэропорту, не терпелось рассказать новости. На тридцать восьмом году жизни Трофимов вдруг влюбился как мальчишка. Без оглядки и страха он окунулся в любовь, захлебываясь от восторга, детского и чистого. Девушка была уроженкой Прованса, скромная и открытая. Тонкая и легкая, юная Изабель тронула сердце Поликарпа своей наивностью и жизнелюбием. К тому же ее имя тоже имело русские корни, так как происходило от Елизаветы. Несколько дней назад Поликарп сделал Изабель предложение, надев на тонкий пальчик изысканное кольцо с роскошным бриллиантом. Именно эта новость и гнала потерявшего голову бизнесмена в аэропорт.

– Поль, дружище! Я же так тебе ничего и не сказал, я женюсь!

Поликарп сел в кровати и схватил друга за плечо.

– Женишься??? Ах ты хитрюга! Так вот почему ты меня так срочно вызвал, а я-то думал по сделке что-то не так, – Поль радостно заулыбался и обнял Трофимова. – Это надо отметить, дружище! Вставай, хватит валяться, поехали в LE GRAND VEFOUR! А потом ты познакомишь меня с Изабель!

Осень окрасила улицы Парижа в золото, которое местами разбавляли все еще ярко-зеленые деревья. Мягкая и теплая Парижская осень с редкими дождями радовала многочисленными солнечными днями. Изабель и Поликарп готовились к свадьбе. Влюблённые

пребывали в эйфории. Изабель бегала на примерки платья в свадебный бутик. Поликарп умилялся восторженному лицу невесты, когда она взахлеб делилась своими впечатлениями. Только одно обстоятельство омрачало счастье предсвадебной суеты: Трофимов должен был уехать на неделю в Россию. Еще месяц назад Поликарп заключил договор об открытии Московского филиала своего банка, куда он собирался поехать вместе с Полем. Друзья ежедневно подробно обсуждали рабочие моменты поездки, месяц пролетел незаметно. И теперь приближался день разлуки с любимой.

За полчаса до отъезда в аэропорт, Изабель подошла к жениху и, нежно промурлыкав ласковые слова, протянула Поликарпу маленький кулачок.

– Возьми, это тебе талисман, на удачу, – и она разжала пальцы. На ладошке лежал браслет из бусин на резинке. Камешки переливались и мерцали дымчато-сиреневым светом. Было в этом подарке что-то трогательное.

Поликарп взял браслет и, положив его в карман пиджака, нежно прижал к себе Изабель.

– Не волнуйся, любимая, все будет хорошо. Скоро я вернусь, и у нас будет самая прекрасная свадьба на свете!

Они долго целовались и что-то шептали друг другу.

Часть четвертая

Людям не стало бы лучше,
если бы исполнились все их желания.

Гераклит

Дорога из аэропорта Домодедово не была приятной. Московская осень отличалась от Парижской и навевала тоску на генетическом уровне. Водитель хорошо знал свою работу и включил приятную музыку, чтобы зарубежные гости не унывали. Свинцовое небо

лезло в душу, а грязь на дороге делала воспоминания о Париже какими-то далекими. Поль пытался завязать разговор с другом, но Поликарп был не в настроении поддерживать беседу. «Теперь я понимаю, почему мои предки покинули родину, – загрустил Трофимов. – Интересно, я увижу хоть одного улыбающегося человека?» И Поликарп невольно вспомнил улыбку Изабель и машинально потрогал бусины в кармане пиджака. Они были теплыми, словно тепло от руки любимой еще хранилось в камешках. «Все будет хорошо», – успокоился Поликарп и взглянул в окно. Пробка на дороге растянулась на сотни метров. Напротив автомобиля, где сидели французские банкиры, убого ютилась ободранная автобусная остановка. На остановке, сутулясь, стоял одинокий мужчина. Его нелепая фигурка в старомодном пиджаке и видавшей виды куртке была трогательна и чем-то близка Поликарпу.

– Поль, – позвал Трофимов друга, – посмотри какой русский, чудной, правда? Он мне почему-то кажется знакомым… тебе нет?

– Mon dieu! Зачем мне такие знакомые?! Нет, дружище, я его никогда не видел, – Поль присмотрелся к мужчине за окном, – а он и правда забавный, посмотри, улыбается! И чему он так радуется?

Нелепый мужчина поправил съехавшие очки, внимательно проследил за полетом капель, падавших с крыши остановки, и с интересом всмотрелся в стоящую рядом черную машину. Стекла автомобиля были тонированы, и мужчина не мог видеть, что двое дорого одетых мужчин внутри тоже разглядывают его. Бухгалтер, как обычно, радовался жизни: осеннему дождю, свежему воздуху, напоминающему о скором приближении зимы. Радовался тому, что скоро подойдет автобус, который отвезет его домой, к горячему чаю и интересным книгам. А еще бухгалтер Трофимов разглядывал большую черную машину и от души мечтал…

Вишневые бусы
(Из сборника «Вишневые бусы»)

Она лежала на спине в траве, широко раскинув загорелые руки. В радостно распахнутых глазах купалось летнее небо, голубое и бескрайнее. Ее просторный молочно-желтый сарафан в мелкую малиновую розочку почти полностью закрывал ноги, красиво драпируясь на стройном теле. Только снизу симпатично торчали маленькие, словно детские, ступни. Девушка улыбалась, а ее губы, сочные и зацелованные, были похожи на вишню, которая лежала на груди в виде ожерелья. Спелые ягоды на двойных черенках с листочками были перекинуты через тонкий гибкий прутик, огибающий шею и ловко закрепленный сзади под волосами. Вишни было много, и темные, глянцевые, словно стеклянные, ягоды были и правда похожи на сказочные роскошные бусины. Это Он сегодня утром повесил вишневые бусы ей на шею. Сам собрал, и со словами «Они как твои губы» закрепил узел.

Холодной январской ночью Она сидела у детской кроватки. Малыш хныкал и не хотел спать. Она пела ему, тихо и нежно. О летнем солнышке, о зеленой поляне, о сказочных феях и волшебных облаках. Малыш затих и заснул, сладко засопев. Над кроваткой покачивались пластмассовые гроздья вишни, подвешенные на шнурок. Она вздохнула и грустно улыбнулась.

Автобусы пыльной чередой доехали наконец до места назначения. Родители высыпали из душных коробок на колесах и ринулись к воротам летнего лагеря. Дети уже ждали своих «предков» и, радостно подпрыгивая, размахивали ладошками. Она обняла сына и поцеловала в спиралевидную макушку, «как у Него» – пронеслась мысль.

– Мам, а почему папа никогда не приезжает?

Сын не задавал раньше этот вопрос. Она растерялась. Как ему рассказать?!

– Дорогой, я обязательно тебе расскажу о папе, но потом, когда ты вырастешь. А сейчас посмотри, что я тебе привезла… – И, прижав к себе мальчика, Она достала из сумки пакет с ягодами. Сочная и спелая вишня, с веточками и листьями…

Рынок гудел людскими голосами и пестрел роскошью фруктов и овощей. Она держала в руке веточку из трех вишен. Темно-зеленые листья были еще совсем свежие, словно ягоды только что сорвали с дерева. Перед глазами будто пронеслись картинки из далекого прошлого:

…Июль, загородное шоссе, березовый лес по сторонам дороги. На асфальте два отброшенных велосипеда и удаляющиеся, кривые следы испачканных в тормозной жидкости автомобильных шин. Он лежал навзничь, в Его глазах отражалось небо, а под головой растекалась вишневая лужа. В глухом отчаянии Она срывала с шеи вишневые бусы, разбрасывая ягоды по асфальту, и долго кричала…

– Женщина! Так вы берете вишню? – Голос продавщицы вывел Ее из забытья.

– Да, да, конечно беру, – улыбнулась Она, – сегодня сын невесту приведет знакомиться. Хочу стол вишней украсить. Сделайте три килограмма, только обязательно с веточками!

Драма в ретро-стиле
(Из сборника «Волшебный калейдоскоп»)

Небольшой старый скверик на окраине города был почти забыт и редко посещаем. Затерянный в лабиринтах улиц, он навевал воспоминания о шестидесятых своим старомодным инвентарем. В середине сквера, на круглой клумбе с маргаритками, гордо трубил в горн гипсовый пионер. Фигура юноши была перекрашена столько раз, что очертания скульптуры стали уже немного кривоватыми. Рабочие халтурили и накладывали краску прямо поверх сколов и грязных потеков. Поэтому теперь пионер хоть и был серебряным, но его поверхность «украшали» ямки и комочки, отчего вид у горниста был побитый. Вокруг клумбы со статуей угнездились три уютные скамьи зеленого цвета, так же многократно крашенные и перекрашенные, как и их гипсовый сосед. Однако неаккуратный вид не отнимал у скамеек их удобной формы. Сидения были покатыми и глубокими, а спинки – широкими и выгнутыми, для удобства отдыхающих. Сев на такую скамейку, уже не хотелось вставать, к тому же, это было не так-то просто: приходилось-старательно выковыривать себя из глубины сидения, похожего на люльку. Рядом с каждой скамейкой стояла тяжеленная урна, походившая формой на вазу или кубок. Стенки урны были оформлены лепниной, изображавшей виноградные гроздья. По вечерам и ночам сквер освещали старомодные фонари на высоких стержнях, вмонтированных в тяжелое бетонное основание. В вышине, над большой круглой лампочкой, покачивался от ветра металлический колпак, похожий на перевернутую тарелку, из-за которого освещение рассеивалось неравномерно. От лампочки спускался яркий, сильно расширяющийся к земле луч, а прямо над «тарелкой» тьма начиналась внезапно, словно свет был отрезан ножом. Но самым интересным экспонатом этого

«Ретро-сквера» была телефонная будка, синяя с закругленными углами, точно такая, какие стояли на улицах города лет сорок назад. Каким чудом будку не увезли из сквера, оставалось загадкой, но она торчала там, как напоминание о детстве. Конечно, сам телефон в будке давно уже не работал, и железный пружинный шнур был нещадно оборван, да и те самые «две копейки» остались в далеком прошлом среди ностальгических воспоминаний. Но будка стояла и радовала посетителей сквера, каковых было немного. Зато пухлые и ленивые голуби, завсегдатаи этого раритетного места, любили собираться здесь кучками и о чем-то долго и негромко ворковать. Заодно невоспитанные птицы щедро одаривали гипсового юношу своими фирменными «автографами».

Утром пригрело солнце, и горячие лучи ярко осветили серебряную фигурку пионера. Убедившись, что в сквере нет людей, он выпрямил руку, держащую горн, и сладко зевая, потянулся. Зеленая скамейка возмутилась такой неосторожности горниста.

– Ты что же делаешь, охальник, а вдрух кто увидить? Людя'м нельзя про такое знать!

– Да что вы, – вежливо успокоил ее пионер, – никого же нет. Да и потом мне сверху хорошо видно дорожку, я абсолютно контролирую ситуацию.

– Контролируеть он, – проворчала скамейка, – все его на подвихи тянеть. Вот прикроють нас, и построють тут офисы какие-нить...а нас на свалку отвезуть.

– Ох! – испугалась урна. – Не хочу на свалку, я еще крепкая!

– Да что вы, товарищи! Никуда нас не отвезут, мы исторические памятники. Все будет отлично.

И приосанившись, горнист заулыбался. Он вообще был какой-то странный. Соседи по скверу частенько обсуждали пионера и совершенно не понимали, как реагировать на его слова. То ли хитрый горнист втайне издевался над обитателями парка, то ли правда был конченым оптимистом. Этаким простачком-

весельчаком. Никогда и ни при каких обстоятельствах пионер не унывал, даже до абсурда доходило.

Например, зимой, когда мороз зашкаливал за тридцать градусов, мерзли все. Деревья покрывались инеем и впадали в анабиоз, лавочки трещали деревянными спинками и ежились, фонари то и дело гасли, и даже чугунная урна постанывала от холода. Телефонная будка плотнее закрывала свою дверцу, но, несмотря на это, все её стекла полностью покрывали морозные узоры. И только серебряный горнист, широко улыбаясь, приговаривал:

– Эх, хорошо! Морозец знатный, прихватил-то как! Теперь я весь до кончика горна буду закаленный и готовый к любым подвигам. И никакая хворь меня не возьмет!

– Дда какая хворь, бболван ты гипсовый, – бубнил тихонько заледеневший фонарь, – смотри, как бы ггорн не отвалился.

Весной же, перепачканный остатками черного снега и сгустками птичьих «неожиданностей», гипсовый юноша тоже не унывал:

– Это ж ведь как полезно! Я точно знаю, в птичьих экскрементах вещество такое – всю грязь и пятна на краске растворит. И буду я снова чистенький и серебряный. Спасибо, птички!

А птички характерным шлепком выражали свое отношение к словам гипсовой скульптуры.

Осенью, стоя под промозглым проливным дождём, пионер опять умилялся:

– Вот радость-то! Дождичек пошел, смоет птичкины следы. Освежит меня водичка. Как все хорошо складывается, товарищи, и какой же я счастливый!

«Товарищи» не радовались за горниста, они искренне не понимали, чему он так восторгается. Или хитрец специально зло подтрунивает над их жалобами на холод, дожди или жару? Все скамейки как скамейки, фонари как фонари, и даже будка телефонная порой ворчала как все нормальные существа. И только этот

гипсовый альтруист, демонстративно показушничая, изображал счастье. Это всех раздражало. И вот сейчас, в разгаре летней жары, когда воздух плавился в солнечных лучах, только пионер нарочито бодро нахваливал погоду:

– До чего же приятно солнышко греет, даже моя арматура прокалилась! Да после такого тепла мне никакие морозы не страшны! Эх, что за погодка!

И горнист, томно раскинув гипсовые руки, развернулся к солнцу.

– Добром это не закончится, – огорчилась телефонная будка, – он что, не понимает?

Будка была самая добрая из всех обитателей сквера, она прятала от дождя случайных прохожих, давала уют и интим парочкам, забредшим в старый скверик. И даже однажды пьяница, вдруг застеснявшись пионера, полез в будку допивать «горькую» без свидетелей. Телефонная будка не возражала, она понимала, что, вероятно, осталась одна в городе, и рада была послужить людям, чем только могла. Но сегодня даже она удивилась безобразному поведению горниста:

– Зачем он так рискует? Своими выходками он подведет нас всех.

– Доложуть, доложуть начальству, и «захремим под фанфары!» Чуеть мое сердце! – поддержала будку скамейка.

И «накаркала». На следующее утро в сквер приехала большая машина, из которой торчала стрела с крюком. Рабочие зацепили крюком петлю на крыше телефонной будки и, погрузив ее в кузов, уехали...

Хотя обитатели старого сквера очень старались быть нужными и из последних сил пыжились, но все равно прекрасно понимали, что их время давно прошло. Друзья знали, что в любой момент за каждым из них может приехать такая машина с крюком. Поэтому вели себя скромно, пытаясь оттянуть наступление неизбежных событий. Но когда увезли телефонную будку, остальным стало страшно и тоскливо. Все

молчали, загрустили деревья, приуныла ворчливая скамейка и две ее скромные сестры. Печально качал «тарелкой» фонарь. Все очень расстроились от такой потери, ведь будка была сердцем и достопримечательностью сквера. И только гипсовый пионер не огорчился. Он гордо поднял горн и весело протрубил пионерский сбор. А потом, радостно улыбаясь, заявил:

– Вот будочке повезло так повезло! Теперь она покатается, город посмотрит, а потом и новые места освоит. Во всем друзья есть положительная сторона!

Голуби, обалдев, щедро «удобрили» горниста. Никто не промолвил ни слова. А что тут скажешь? Урна потемнела от возмущения, а болтливая скамейка, наоборот, из темно-зеленой стала салатовой. Друзья не могли понять, был ли пионер наивным простаком, а попросту дураком, или же хитрым и безразличным эгоистом-лицемером? И что самое неприятное, еще неизвестно, что хуже...

Ирина Егорова

Что-то меняется в этой жизни, одни ситуации рассыпаются, другие берутся непонятно откуда. И уже странно повторять о себе знакомое: главный режиссёр московского театра «КомедиантЪ», актриса, поэт, драматург, преподаватель... оно вроде бы по прежнему всё так и есть, но самое главное прячется уже где-то между всеми моими маршрутами, между всем, чем забито время до отказа... и тычется оно, это главное, как слепой кутёнок, не знает, как выглядит, как называется, и хочет остаться пока неизречённым...

Homo fortunatus,
или
Человек счастливый
(Сценарий моноспектакля)

Сокровенная притча – путешествие в себя

Перед началом зрителям предлагается: в записочках завершить предложение, которое начинается: «Если счастья не будет, то…», их складывают в шляпу и ставят у сценической площадки.

Площадка драпирована сероватой тканью, она же – экран для видеоряда. Между сценой и зрителями натянута крупная цепь.

На заднике – пляшущие строчки стихов, образы, звучит напряжённая музыка.

Внезапно ткань на полу начинает шевелиться, из-под неё слышен голос.

F. Всё! Не могу больше! Нельзя… нельзя больше откладывать… ведь будет поздно… пустите меня!.. Сверлит… как гвоздь в башке… Но – почему?.. Почему? Почему? *(На поверхности появляется рука, вытаскивает сонную голову.)* Где я?

Глумливый голос. У себя в голове.

F. Кто это? Что?

Голос «свыше». Да ты это. И твой внутренний мир.

F. Такой серый?

Голос «свыше». Яркий внутренний мир только у счастливых людей.

Глумливый голос. А не у тебя, дура!

F. Но я – счастливый человек!..

Голос «свыше». Докажи!

Глумливый голос. Докажи, докажи…

F. Докажу! Докажу! Докажу!! *(Разбивает невидимую стену между сценой и залом, видит зрителей.)*

F. Кто это?

Голос «свыше». Твои судьи.

F. Судьи? Доказать… им?.. ну хорошо, я попробую. Вот – счастье. Ведь это такая штука, в которой нуждаются абсолютно все. Это, можно сказать, предмет первой необходимости. Но у каждого оно своё. И всегда его хочется ещё и ещё.

Ну, должен же быть какой-то ключик, какой-то секретный код или ход, который может каждого из нас привести в счастье. Ведь каждому в глубине души известно, какое оно – его счастье. Так почему же тогда все мы бо́льшую часть своей жизни чувствуем себя такими несчастными? Все! Даже самые счастливые из нас!

Голос «свыше». Homo fortunatus!

F. Homo fortunatus? Человек счастливый… Но это же я! Я даже не знаю никого, кто подходил бы на эту роль больше.

Голос «свыше». Ну, что ж, доказывай!

F. И тогда я попаду – в своё счастье?

Глумливый голос. Доказывай-доказывай. Если получится…

F. Ладно! Ну так вот, значит, – всё вокруг и вот это *(показывает на себя)* – всё я, вернее, много-много самых разных моих «я». Ну, где тут у меня, во мне, обитает моё счастье? Я иду искать! (*Идёт на поиски.)*

Вдруг преграда – дорожный знак «кирпич».

О! «Кирпич»… это в смысле – всё перекрыто? Дороги нет? Хорошенькое начало… Стоп!.. это уже было… такое чувство называется «дежавю»… да, точно… это были испытания… и я пыталась где-то там… что-то доказать… *(пытается вспомнить).*

На экране ***подсказка*** *– руки, перемешивающие руны и вытаскивающие одну.*

О! Подсказка!.. как в компьютерной игре... *(читает)* Целостность. Этот знак означает стремление к самореализации и указывает путь, которого следует держаться. Но вы, в силу своей природы, уже являетесь тем, чем стараетесь стать. Вы должны осознать свою сущность, свой персональный миф и творчески выразить его.

Значит, мой путь... осознать сущность... и творчески выразить...

Вообще, мне кажется, перед тем, как нам родиться, с нами где-то... наверху заключают что-то вроде договора о том, какими мы будем и что должны здесь сделать...

Ангел-хранитель

F *(находит и набрасывает на себя накидку – Ангела)***.** А ничего, если я пока побуду таким вот Ангелом-хранителем?.. *(Видит куколку.)* А это у нас – душа, ещё не рождённая.

Наверное, если смотреть высоко-высоко из Вечности, поток времени будет смотреться как однородное, слегка волнистое полотно или как тело, покрытое гладкой кожей. А если приблизиться и взглянуть на него через гигантский микроскоп, то ткань эта зашевелится, закопошится всякими сущностями и процессами. И если умудришься нырнуть в него, то увидишь, что вокруг кипит, бурлит, кишмя кишит жизнь, толкается и манит, обещает и обманывает. И так, глядишь, зазеваешься, что приживёшься, пустишь корни и забудешь заглядывать обратно, в Вечность...

А между нами и нашими ангелами-хранителями, до нашего рождения, видимо, происходит примерно вот что. (*Разыгрывает диалог за двоих. Куколка – душа, F. – Ангел.)*

Душа. Но зачем? Мне и здесь хорошо.

Ангел. Но пойми! Это такая тренировка. Чтобы душа росла, ей нужно напряжение и распряжение, зарядка и разрядка.

Душа. Но что же там можно делать? Ведь всё это – сплошная нелепица...

Ангел. Да, но там это считается логикой. Они называют это законами природы и изучают.

Душа. Как же там можно что-то изучать, когда всё вокруг – плотное и тяжёлое? И к тому же сам ты – плотный и тяжёлый? И каждый шаг рождает последствия – плотные и тяжёлые?

Ангел. Да, да, там всё и плотное, и потное, но тем не менее, поверь, это тоже своего рода форма жизни. И многие так привыкают, что даже держатся за неё.

Душа. За что же там держаться? Ведь это мука – быть таким неповоротливым и неподъёмным – ни полетать, ни создать свои пространства-мысли.

Ангел. Ну, полетать там, конечно, не очень-то придётся... А создать свою мысль – это у них есть. Да и пространство тоже! Правда, пространствишко, сказать по правде, совсем малюсенькое – дом называется. Так вот, они очень гордятся его крепостью и долговечностью.

Душа. Долговечностью? У них у самих-то жизнишки – пшик и нету. Все тела, которые из материи, не успеют создаться, как тут же в них начинается распад. Чем же тут гордиться? А время! Ведь оно только и делает, что проходит!

Ангел. Ладно... ты окунись сперва, тогда и накритикуешься всласть.

Душа. Я вообще не понимаю, как там можно жить? Да и стоит ли?

Ангел. Э-э! Стоит, стоит! А потом – чего волноваться? Ты ведь будешь просыпаться сюда каждую ночь. Без этого, конечно, трудно было бы там удержаться – такие перегрузки! А тут – полетаешь, расправишься, разомнёшь отсиженную в теле душу... Да там и, не просыпаясь, можно иногда заглядывать сюда – у некоторых получается. Чаще всего от любви, особенно, если умудряются стихи писать, картины, музыку. Представляешь, ты как бы там, а на самом деле – весь тут... ну, разве что тело...

Душа. Да, вот, кстати, о теле. А может, не надо?

Ангел. Ну, вот ещё – не надо! Трудно будет – меня помяни, я всегда рядом. Давай, давай, не упрямься. Оно там уж заждалось совсем – тело твоё. Так что зажмурь поскорее свою бессмертную душеньку и ныряй – туда, в сон, на землю.

Душа. А может, как-нибудь?..

Ангел. Ныряй-ныряй, не бойся. Ты и оглянуться не успеешь, как снова пора будет сюда возвращаться. Ещё упрямиться начнёшь, цепляться. Знаю я вас... *(Пинает душу.)*

Душа. Но зачем?! А? *(падает; удаляющийся голос)* уа! Уа! Уа!

Ангел. О! Получилось! *(Глядит вниз, на улетевшего.)* Ну, с Богом!

F *(уже от себя)***.** Кстати, ведь это счастье, что у каждого из нас есть Ангел-хранитель. Что? Думаете, не у каждого? Ну, про себя вам, конечно, виднее. А у меня он точно есть. И это – счастье.

Дежурный голос. Счастье номер раз – Ангел-хранитель.

F. Точно – как в компьютерной игре... Значит, я должна собирать счастье? А когда оно соберётся, сложится, то уже будет всегда? Хорошо! Тогда я буду наполняться счастьем... пускай оно живёт и хранится... здесь *(показывает в район сердца). (Натыкается взглядом на «кирпич».)* А! Вспомнила... у меня же всё было совсем не так, как у них. Наоборот – это я убеждала, что мне надо, надо родиться, во что бы то ни стало! Да! У меня был очень серьёзный шанс – не родится! И всё же я родилась, как утверждают очевидцы, такой счастливой, как будто сам факт моего рождения был самым крупным выигрышем в истории человечества. *(Выкидывает «кирпич».)* Я сделала это!

Дежурный голос. Счастье номер два – рождение.

F (в*пускает в себя счастье)*. Пошло, пошло моё время!

Самое главное в жизни творится, играя:
Пишутся песни, рождаются дети, стихи.
Может быть, всё оттого, что мы родом – из рая?..
Надо ж додуматься мне до такой чепухи!

Ничего, если я иногда буду говорить стихами? Просто время от времени я ими думаю.

Начало пути

(Натыкается на ***преграду – цепь.*** *Звук электрического разряда. Её отбрасывает назад, падает, потирает ушибленную коленку.)* Ничего себе! Кусается... М-да... родиться – это ещё полдела. Но надо же умудриться ещё как-то прожить! А ужас в том, что живёшь-то всё время – впервые! И всегда всё совершенно непонятно: что делать? Как? Зачем? *(Приближается к цепи, звук электрического разряда.)* А! Нельзя... Я просто преклоняюсь перед Божьей драматургией. А Он всю жизнь ставит для меня такой спектакль, что я не могу удержаться, чтобы не пересказать его – хотя бы чуть-чуть – своими словами. Так мальчишки иногда взахлёб рассказывают своим дружкам боевики: «и тут он дуф-дуфф!.. А этот – паф, паф!..»

На экране появляется ***подсказка*** *– нарисованный бантик.*

Смешно, но и я была когда-то маленькой девочкой. И время моё текло совершенно иначе и выглядело иначе. И с каждым днём мне всё легче удавалось взбираться на стул, а сиденье, которое было сначала на уровне носа, становилось всё ниже и ниже: по грудь, по пояс... а однажды я потянулась, встала на цыпочки и положила подбородок на стол. Победа!

Дежурный голос. Счастье номер три – победа над окружающими предметами.

F *(впускает в себя счастье)*. Тогда всё вокруг было очень-очень большое – комната с огромными окнами и высоченным зеркалом между ними; моя кроватка у

стены, на которой было так сладко засыпать под стук бабушкиной швейной машинки. А утром бабушка, одевая меня, много раз повторяла: «Скажи – р-рыба, р-рыба...»

F. Л-ыба, ы-ы-ыба...

Бабушка. Р-рак, р-р-рак... р-рыба....

F. Л-рыба, ы-рыба... аак... рак...

И вдруг мой язык, который только что неловко подворачивался и закручивался, звонко-звонко завибрировал: «Р-р-рыба, р-р-рыба, р-р-рак, р-рак!..»

Вот, счастье!

Дежурный голос. Счастье номер четыре – первая победа над собой.

F *(впускает в себя счастье).* Первая, которую я помню! А потом бабушка отводила меня в садик. А в садике меня любили. Бывало, воспитательница ставила меня перед всей группой и говорила: «Рассказывай!» А я сочиняла что-то прямо на ходу, то ли сказки, то ли рассказы – не вспомню уже, только я стояла и рассказывала, а все слушали.

Дежурный голос. Счастье номер пять – самовыражение.

F *(впускает в себя счастье).* Ну, как? Доказала? Всё, раскрашивайте уже мой мир! Счастья хочу!

Молчание.

Ну, вот же я вся уже переполнена счастьем! Ведь ясно, что я уже насовсем – Homo fortunatus!

Глумливый звук.

*(Ей в лицо начинает светить лучик – **подсказка** солнечные зайчики.)* Вспомнила!.. потом, когда я была уже не очень маленькой девочкой, настал один момент, который пронзил меня солнечным светом насквозь, как стрекозу булавкой, и пригвоздил на веки вечные прямо к Богу в петлицу.

Было лето, я стояла перед зеркалом, которое умещало меня всю целиком. Из окна лупило солнце и, отражаясь в зеркале, затапливало мне лицо, волосы, глаза. И вдруг я ***поняла***, что – ***родилась и живу.***

Прочувствовала эту ликующую радость всем существом – насквозь, навылет, – что у меня есть ***я***, со смуглой кожей и струящимися золотыми волосами, что во мне пульсируют, затаившись, немереные силы и возможности. А ведь всего этого могло и не быть! И осторожная, как тайный сговор, благодарность потекла золотой нитью к Тому, кто одарил меня всем этим богатством.

Теперь, когда мне бывает больно или пусто, тоскливо или бессмысленно, я заглядываю в это мгновение, как в бездонный колодец, сквозь который видны золотые прииски моей судьбы. И тогда, алчным золотоискателем, я начинаю понимать, как много из обещанного всё ещё не сделано, как много упущено и как много ещё нужно сделать во что бы то ни стало. И больше всего я задолжала этому трепещущему золотою рыбкой ощущению бытия, которое обязано оставаться во всём, что я делаю, к чему прикасаюсь.

Дежурный голос. Счастье номер шесть – причастность к Творцу.

F *(впускает в себя счастье)*. Ну что – мало?

Молчание.

Ладно! Мне ещё повезло – родиться в Одессе.

В Одессе удивительный воздух, ленивый и чувственный, и в то же время пропитанный живительными импульсами, как доисторический бульон, в котором зародилась жизнь. А море!

Остановись на косогоре!
Сегодня нам в подарок – шторм!
В кипящих белым крыльях моря
Тела разбросаны, как корм.

Вот море алчное, беснуясь,
Решившись всех перебороть,
Нас превращает в отбивную,
А может, молотую плоть.

Ты, как вратарь, летишь, рискуя,
Чтоб всею плоскостью попасть
Вон в ту, голодную, большую,
Наисвирепейшую пасть.

Разжёван пенными зубами,
Ты, как и все, до визга рад,
Что спутал голову с ногами
Вестибулярный аппарат!

И, пав на берегу, – не вскоре,
В изнеможении борьбой,
В наждачной перебранке моря
Очнёшься вдруг – самим собой!

Весна в тот год совпала с первой «взрослой» любовью, с ощущением, что я – девушка, с распирающе-томящей болью растущей груди и поющим, как струна, телом. Влажный от весенних дождей ветер проглаживал лицо и шею, запускал свои пальцы в гущу волос, от чего они кудрявились пышным ореолом и волнисто развевались сзади, вдогонку моим стремительным шагам.

Ветер в меня влюбился –
Сладкий, щекочущий, пьянкий –
Впивается в ноздри, в губы –
Начало моей изнанки.

Слова брались неизвестно откуда, вертелись в голове назойливо, как насекомые, пока не находили своего законного места в строке. Я шла своим любимым маршрутом: Пушкинская, Приморский бульвар, Дюк... Здесь, среди могучих платанов, вспоминались разговоры таких взрослых поэтов и артистов. И обволакивающее присутствие Его, любимого.

К нашему двадцатилетнему руководителю студии пантомимы стекались приятели его же возраста, очень

зрелые и мыслящие, как казалось тогда мне, четырнадцатилетней. А я (самая маленькая в студии, по прозвищу Мал***а***я), почему-то частенько присутствовала на их бурных обсуждениях проблем мирового масштаба, иногда сопровождавшихся стихами, песнями, танцами и сухим вином. И жутко вдруг становилось от крамольной мысли: проговорить им что-нибудь из моих сложившихся где-то в мыслях (и даже, со страху, не записанных тогда!) строчек:

У меня душа – страстная,
У меня шаги – быстрые,
У меня ладонь – ясная,
У меня глаза – чистые.

Я люблю ходить голая,
У меня спина смуглая,
У меня длинны голени,
В волосах – волна круглая.

Я – ведьма, богиня, чертовка, русалка,
И мне ни единой души
Не жалко, не жалко, не жалко, не жалко –
Глаза мои так хороши.

И волосы вьются, как флаги на мачте,
И пальцы тонки у руки.
Любите, желайте, стенайте и плачьте,
Смотрите, как ноги легки!

Как ноги легки, и длинны, и проворны,
Как стройные бёдра круты…
И это из сердца не выдернешь с корнем
Ни ты, и ни ты, и ни ты!

Нет! Как можно – такое? Неприлично, стыдно и, вообще… Ведь они же уже – !!! А я ещё – ??? Ой! Нет! Я не об этом – я о счастье!

Вот оно, наконец, такое долгожданное первое свидание.

Гусеница ползла по ветке куста, молодая и зелёная, как всё вокруг. Она старательно подтягивала хвост, выгибая туловище, а потом, с гимнастической ловкостью, разгибалась, будто пыталась измерить длину своего пути в гусеницах.

Мы сидим на скамейке под кустом. Запах прогретой весенней зелени смешивается с запахом моря. Солнце уставилось на нас, как на школьников, явно замышляющих что-то запретное.

Он раскинул руки по спинке скамейки. Так я оказалась уже наполовину приобнятой. И каждая мурашка на коже мучительно просит, чтобы эти, несостоявшиеся ещё объятия, сомкнулись уже на самом деле!

Он повернул голову, испытующе заглянул в меня.

Я увидела зелёные глаза с загнутыми золотистыми ресницами, которые смотрели на меня с тою же проницательностью, что и солнце. Стало ясно, что двоечница здесь – только я. Конечно, мне же ещё только четырнадцать, а ему – уже двадцать! Паника внутри привела меня к полному столбняку... правда, какому-то блаженному.

– Мал***а***я! Знаешь, как называются эти цветы? – он наклонился и сорвал среди подростково-ершистой травы несколько маленьких жёлтых цветочков.

– ...Нет, не знаю, – ответила я, понимая, что проваливаю первый серьёзный экзамен.

– Они называются «гусиные лапки», это мои любимые цветы.

– Я... я тоже люблю всё жёлтое, – пульс во мне начал беспорядочно метаться по всему телу.

– Ну, тогда я тебе их дарю! – он сунул мне в ладошку махонький букетик и прикоснулся губами к моим губам. Его руки стали свивать вокруг меня теплый кокон, и я понеслась куда-то вглубь жизни, навстречу сладкому, как нектар, вкусу... у-у-У-У...

И вдруг я зависла над поляной. Внизу, на лавочке сидели двое – я, как-то по-школьному сидя с аккуратно сомкнутыми коленками, и он, обвив, как плющ, мои плечи и талию. Мои волосы разлились с запрокинутой головы золотыми волнами по его рукам. Казалось, двое жадно пьют друг друга и никак не могут напиться... Это длилось вечно.

Гусеница старательно подтянула хвост, потом вытянулась... о!.. сочный дух листа... Кусь... о!.. ещё, ещё... да, да... так должно быть всегда... да... да...

Хоп... и я снова здесь, в своём теле... Ничего не понимаю... Мы как-то с трудом отлепились друг от друга... он с трудом переводит дыхание.

– Мал***а***я! Ты меня любишь?

И снова паника. Как?.. что надо говорить?.. это можно – говорить «люблю» вот так, прямо – сразу?

– Н-не знаю... – не найдя ничего умнее, ответила я.

– Как «не знаю»? – Он смотрит на меня с явным раскаянием. – Мал***а***я!.. Запомни, целоваться и отдаваться можно только по любви.

– Да, да. Я люблю тебя... люблю! – И я, даже, кажется, вскакиваю... Но как же теперь всё это звучит глупо и неубедительно! Детский лепет на лужайке... а-а-а!..

Он нехотя, но неотвратимо выпрямляется, приглаживает мои волосы... ребёнка по головке погладил...

И, кажется, что-то ещё говорится... как в вакууме... а вскоре он ведёт меня домой и, в общем-то, ласково прощается у подъезда.

В серой прохладе я поднимаюсь по лестнице, упрямо перешагивая через две ступеньки... Вдруг замечаю зажатые в кулаке цветы. Они уже повисли в полуобморочном состоянии... а я и не заметила, как удушила их. И тут мордочка моя вся скрючивается, а из глаз жгуче и сладко выкатываются слезищи, бороздят щёки, подбородок, валятся прямо на «гусиные лапки».

– Ы-ы-ы!.. Бестолочь! Какая же я бестолочь!..

Дежурный голос. Не засчитывается! Счастье не обнаружено.

F. Нет, подождите! Тут же не в этом дело. Если бы я знала тогда, сколько с ним будет связано ещё и слёз, и радости... А однажды, после какой-то вечеринки, он сказал мне: «Мал***а***я! Из тебя получится мировая актриса!» И я вдруг поняла – да! Точно! Актриса! Как он угадал! Ведь это моё – точно!

А после была первая поездка, с концертом пантомимы в Москву, когда я подумала: «Да как же тут люди могут жить?! Все какие-то сумасшедшие. В этом шуме, суете, с этими расстояниями? Я бы – ни за что!»

Года через два я приехала в Москву штурмовать театральные институты.

Сейчас я пробегаю иногда по московским переулкам и чувствую, что где-то здесь бродит та самая девочка, заряженная, как бомба с часовым механизмом.

Она, хрупкенькая такая с виду, тащит в себе весь тот запас зелёных, несозревших ещё даров, проблем и любви, никуда не деваемой, как неразменный пятак, величиной с планету. Она ещё ничего ни о чём не знает: состоится ли, сбудется ли. Она только хочет, непомерно много хочет. И сейчас мы проскакиваем друг через дружку насквозь – и я задеваю рукавом себя, прежнюю, и думаю: а ведь, если бы я тогда не... то сейчас бы и... Но ведь не подскажешь никак себе – той, не подчистишь и не подправишь!

И – то боль обжигает, то стыд, то досада, то счастье, что прошла всё-таки когда-то те уроки.

Дежурный голос. Счастье номер семь – познание.

F *(нечаянно натыкается на цепь между сценой и зрителями – ничего).* Ой! Не кусается! Приручилась!.. Свобода! (*Выбрасывает цепь.)*

Испытание огнём

На экране появляется подсказка – дерево.

F. Однажды зимой мне пришлось наблюдать, как рубили деревья и жгли их в костре. Случилось, что мне досталась роль кострового. Но разжечь среди снегов невысохшие ветки было непросто. Их приходилось поливать горючей смесью. Наконец пламя полыхнуло и разгорелось.

И тут я увидела зрелище, которое меня потрясло. Малюсенькие почки на ветках, заготовленные впрок для не наступившей ещё весны, прямо на глазах начали взбухать и лопаться, выпуская нежно-зелёные листочки, которые нехотя поддавались пламени и, спустя несколько долгих секунд, чернели и рассыпались пеплом.

Кучи подтаскиваемых веток росли, и я, заворожённая, подбрасывала их в огонь, наблюдая, как охваченные пламенем, уже отрубленные от жизни, ветки переживали свою жаркую, скоротечную весну, чтобы, едва успев изумиться, опрометью броситься в небытие.

А огонь скакал, выплясывая свои магические выкрутасы, с торжеством пожирая всё новые и новые жертвы, растопыривающие зелёные пальцы, пытающиеся уцепиться за пролетающее мгновение, успеть обнять, потрогать, прожить исходящую жизнь.

Счастье это для них или нет?.. Вопрос на засыпку.

На экране ***подсказка*** *– тасуются карты Таро, выпадает «Шут».*

F *(читает).* Значение карты: Не упускай возможности отправиться в неизведанное! Иди вперёд и не бойся сорваться в пропасть – ты упадёшь не вниз, но вверх. Учись смеяться над собой, и ты поймёшь, что жизнь, в сущности, только игра.

Игра… ну, конечно, игра – сцена…

Я вошла на сцену, когда репетиция уже началась. Он стоял почти спиной ко мне, долговязый, нескладный, а когда повернул свою смешную мордаху и глаза наши

встретились, я почему-то остолбенела, и в голове пронеслось: «Вот смерть моя!..».

Потом были несколько лет, когда я не подпускала его к себе близко. За это время он вызывал у меня самые разные чувства: от восхищения его артистизмом и чувством юмора до презрения и омерзения, когда он клеился ко всем женщинам, без исключения. В ту пору я была ещё первый раз замужем и была абсолютно уверена, что никогда, ни при каких обстоятельствах не изменю мужу. А уж от такого дикого бабника я просто застрахована.

И тем не менее настало время, когда взгляды наши пересеклись и законтачили с такой силой, так безраздельно и безысходно, что ещё после года безнадёжной борьбы всё же произошло то, что я считала совершенно невозможным.

Дежурный голос. Счастье не обнаружено.

F. Ничего, сейчас обнаружится!

Во взгляде твоем желанье –
Сильней, чем земли тяготенье.
И в нашем любом касанье –
Одно кровообращенье.

Пульс – громче пальбы ружей.
Слетает одежд накипь.
Сплетаюсь с тобой снаружи,
Врастаю в тебя с изнанки.

В без-тактной игре метаний,
В несбыточном счастье муки
Смешались слова, колени,
Язык, и губы, и руки...

И, больше нигде не вмещаясь,
Друг другу себя исторгнув,
Забывшись, летим в Вечность
Под песни моих стонов.

F. Ну что – счастье?

Глумливый звук.

В ужасе от случившегося, я дала себе слово, что это никогда не повторится, а я всё забуду. И действительно, назвать точную дату – когда всё началось – я не могу. Зато связь наша продлилась больше двадцати лет, с невероятными взлётами и немыслимыми передрягами, с чудовищными расставаниями и встречами, переполненными запредельным счастьем, с разводами и уходами в другие браки, с новыми и новыми возвращениями друг к другу.

Ещё, ещё, ещё, ещё, ещё бы
Под водопад любовно-бранных слов...
Любить тебя на сквозняках трущобы
Среди поднятых на дыбы полов.

В пролом видны прохожие и кошки.
Ты ловко и бесшумно – алле оп –
Оставил мне кольцо и босоножки,
А остальное – лишнее – соскреб.

Среди обломков, пыли, хлама, стружек,
На каверзной ступеньке – хоть бы где
На волю, вверх, навстречу, внутрь, наружу,
Освободив друг друга из одежд.

А после наизнанку одеваться,
Нарваться на бродягу с бородой
И вместо душа долго умываться
В стакане с газированной водой.
...
Но если ты не можешь жить,
Ни спать, ни пить, ни есть,
Плевать, что так не может быть,
Важней – что это есть!

Дежурный голос. Счастье номер восемь – взаимная любовь-страсть.

F. Да, это всё – счастье! Счастье! Счастье!

Но до чего же тут всё складывалось жутко, дико, катастрофически...

А я, маниакально, как еретичка на костре, всё отстаивала свою отчаянную, неистовую веру, пыталась переиграть судьбу, что-то поменять в себе, в нём...

На этот раз была идиотская ссора из-за какой-то нелепой девицы. Вроде и не было там ничего из ряду вон выходящего. Но, видно, что-то переполнилось во мне... из непонятных глубин нарастал нечеловеческий гул, и нужно было скорей унести себя от чужих глаз и ушей, чтобы не взорваться у всех на виду...

Я неслась домой. И вдруг всё – одно за другим – стало складываться каскадом в одно целое... и тут всё стеклось наконец в одну точку, и наступила ясность. Полная ясность. Просто ты – другой. В тебе всё иначе устроено! Вот эта всеядность – твоя жизнь. Ты НИКОГДА не будешь любить так, как я. Тебе просто нечем! У тебя в этом месте души ничего нет – пусто!

А во мне – почему-то!.. утолить эту гудящую, воющую лаву можешь ты, и только ты. И без тебя в моей жизни **всё** обращается в ничто, умножается на ноль. И только с тобой я – вылетаю за все пределы... и свет, и жизнь, и счастье, и полнота бытия... Ты спусковой крючок, окно... лазейка в ту, самую главную, мою жизнь... но никогда нам не **встретиться** там, в этом свете... **никогда**... и мне быть **без тебя – всегда**... что бы я ни делала, как бы ни сложилось... и не спасли бы ни штампы в паспорте и ни жизнь под одной крышей... бесполезно! ...осторожно... сейчас взорвусь... бегом, домой... лестница, лифт, дверь... А-а-у-у!!! ...АаууОо!!!

Вой из меня вырывается с чудовищной силой. Меня бьёт и мотает об пол, о батарею... Изо рта вместе с воплями вырываются струи чёрного дыма и, змеясь, уползают в форточку. Руки, кажется, разбухли до размеров грелки, с сарделечными пальцами, которые

вот-вот треснут, потому что из них, гудя, текут высоковольтные токи. Душа рвётся вон из тела... Тело то выгибается дугой, то корёжится, выламывается, выворачивается наизнанку... О-О-У-у-ы-а-и-и это – длится, длится, длится... нескончаемо-о-о!!! ...Вдруг – хоп... и дальше ничего нет... и я прекратилась. Совсем.

Я до сих пор не знаю, была ли это – физическая смерть... Но для меня это был опыт смерти... От которой я, как ни странно, очнулась... перед рассветом, в серых сумерках. Тела не чувствую – не моё. М-м-м... а ведь – всё кончено... что же дальше?.. и зачем?.. всё – испепелено. Пустыня.

Глаза открылись с трудом. Сама не заметила, как стала молиться, вперивши взгляд вверх, в окно, в небо...

И в этом полном отсутствии всего, вдруг **поняла: Я – есть!** То, без чего нет жизни, отнято. **Но я-то – есть!** Есть – я. И Тот, в небе, вокруг, во мне... Которому молюсь.

И от этого в меня потёк первый вздох... как будто Кто-то дышал на замёрзшее стекло... потихоньку начала оттаивать на поверхности рёбер лунка... жизнь внедрялась всё глубже внутрь, отвоёвывая телесное пространство. «Возлюби... всем сердцем твоим... возлюби... как самое себя... а остальное...» Нелепая и беспомощная, как медуза на песке... как-то дошевелилась до кровати, вползла во взбаламученную кучу подушек, простыней, одеял, и, трясясь, отключилась.

На видео – превращение из куколки в бабочку.

Тесно... и душно... и темно... надо упереться... нетерпеливо повести туловищем... Вдруг через треснувшую оболочку хлынул поток света и запахов.

Всё было мучительно знакомым... но в то же время – совсем другим...

А самое главное – другою была она сама... Что-то изнутри томило, распирало, звало... Она повела плечиками, изо всех сил взмахнула крылышками... и

вдруг поднялась в воздух... и полетела... А... А... А... я... лечу-у-у! всё выше и выше.

Я открыла глаза – в проёме распахнутого окна, на подоконнике, сидела бабочка. Сначала она прикидывалась листком, непонятно как торчавшим из подоконника. Я пригляделась. Бабочка размеренно-демонстративно похлопала крылышками, изображая аплодисменты.

В окно вливался солнечный день, заполнявший заоконное пространство. Захотелось пошевелиться. Встать. Всё тело было совсем слабым. Но, в то же время, я была намного легче обычного, от этого нужно было заново учиться передвигаться. Я подошла к бабочке, она слегка присела, пошире распахнула крылышки, как бы предъявив их напоследок во всей красе. Потом взмахнула ими и скачкообразно понеслась вдаль.

Я высунулась за ней. Воздух был тёплым. Лицо обнаруживало робкую улыбку. А в глубине грудной клетки что-то уже ворочалось, топорщилось, копошилось, расправляя крылышки.

Какое счастье – я жива!

И ведь проблемы не решились – ни одна! Но – какое счастье, что я могу что-то делать со всем этим!

Дежурный голос. Счастье номер девять – счастье жить.

F. Пусть в доме вечный тарарам.
Я – странница. Моя страница
Всегда открыта всем ветрам.
Я по природе – ученица.

Половодье

Атмосфера резко меняется – молния, гром, ливень, звук воды, она подступает, F. оказывается в лодочке, гребёт. На экране ***подсказка*** *– бутылка в волнах.*

F. А! Подсказка! (*Ловит проплывающую бутылку, читает записку.)* «Какие ещё виды счастья вы знаете?» Ничего себе подсказка! Да это экзамен!.. Хороший

вопрос! И главное – вовремя... *(Продолжая грести и бороться со штормом.)* Счастье создать семью... родить детей... Да что же так качает-то?..

Помню, когда рожала своего первого ребёнка... я тогда впервые поняла, что такое ответственность... то есть в буквальном, физиологическом смысле слова...

Дикие, всё время нарастающие боли схваток, такие изнурительные, что в промежутках проваливаешься куда-то, в полное небытие, откуда болью тебя вытаскивает следующая схватка.

И вдруг я почувствовала, что нахожусь как бы лицом к лицу с Богом – Он смотрит на меня откуда-то сверху и ждёт, как я справлюсь... Вот у меня внутри живой человек, и от того, как я его рожу, зависит его жизнь, здоровье... А я понятия не имею, как это нужно делать. Но кроме меня этого не может сделать никто. Со мной происходит что-то, чего я никогда раньше не испытывала, и я полностью во власти этой силы, которая крутит и вертит меня, как хочет. Но при этом ребёнок находится во мне – внутри, и только я одна в ответе за его выход на свет!.. Но КАКОЕ ЖЕ СЧАСТЬЕ, когда это наконец произошло!

Дежурный голос. Счастье номер десять – продление рода.

F. Потом я поняла, что есть ещё множество вещей, которые за тебя – ну точно никто не сделает. **Никто никогда** не напишет твоих стихов, картин, музыки. Никто не долюбит за тебя, не поймёт то, что ты должен понять, не проживёт твою жизнь и не отдаст это всё другим.

А стихи либо берутся откуда-то, диктуются, и ты можешь только предельно точно их записать... а если не успеешь, забудешь, то остаётся дикое чувство вины и утраты. Или тебя переполняет жуткое напряжение, как в гигантской скороварке, и нужно выпустить пар под страшным давлением, чтобы не взорваться. И отпускает – только когда найдешь абсолютно точные слова – про то, что внутри, переведёшь на человеческий язык. Тогда

наступает освобождение и счастье. И это невероятное счастье.

Дежурный голос. Счастье номер одиннадцать – творчество, самоотдача.

F *(прибирает ткань после грозы).*

Глупее морды нет на свете,
Но мне – к лицу!
Так и попрусь со всем вот этим –
На улицу…

Недоумённо всяк прохожий
Цепляет взгляд,
Но пенной радости, похоже,
Не впрячь назад.

Скрутить пытаюсь хоть отчасти
Улыбки прыть,
Но возмутительного счастья –
Не утаить!!!

(Находит ***подсказку*** *– записочку.)* О! Подсказка? *(Читает.)* «Искать под…» Под?.. *(Находит шляпу, надевает.)* Мм! Незнакомка!

Мы часто назначаем себе цель, которая, как нам кажется, должна будет соответствовать счастью. А всё счастье, которое приходит когда угодно, просто не видим в ожидании правильного счастья. Но правильное или не приходит вовсе, или… оказывается своей противоположностью.

Когда-то я играла в спектакле «Незнакомка». Это была история о юной девчонке, по сути, исповедь, непрерывный диалог со зрителями. В начале я выходила из глубины сцены с блоковскими строчками «По вечерам над ресторанами…». Ну, а в ответ – развесёлое гиканье, улюлюканье, хлопанье стульев: подростки – спектакль для подростков! И тут начиналась коррида – нужно было взять зал, во что бы то ни стало. Иначе эта

отвязная толпа просто сорвёт спектакль, разнесёт всё вдребезги... Но постепенно зал втягивался, начинал дышать вместе с нами одним дыханием, смеяться и плакать. И это, конечно, было счастье, но каждый раз нужно было проходить через такую мясорубку...

Я всё мечтала сыграть эту роль перед нормальными взрослыми людьми, которые не будут шуметь, с самого начала всё поймут и оценят... Однажды это произошло. «По вечерам над ресторанами...» вакуум... «горячий воздух дик и глух...» Худшего спектакля у меня не было. Он был лишён того дыхания, того градуса жизни... той самой стихии – юной, глупой, необузданной, о которой и ради которой был создан. И тогда я поняла, что самые хорошие зрители – это те, которые есть – сегодня, здесь, сейчас.

Дежурный голос. Счастье номер двенадцать – принятие того, что дано.

F. Двенадцать! А может, я набрала проходной балл? Доказала, что я уже навсегда – homo fortunatus?

Глумливый звук.

Опять нет?! Ладно!.. Я убедилась, что счастье добывается иногда самыми невозможными способами. Вот можно ли быть счастливой, когда кругом – кризис, нищета, голод? Но именно в этих условиях я была так счастлива! Потому что любила.

Дежурный голос. Не засчитывается! Счастье любви отработано под номером восемь.

F. Бюрократы!.. Не засчитывается... Правда, в этой семейной жизни за счастьем обладания пришло и счастье разлуки... «Ушёл муж! Какое облегчение! Как будто глистов вывела. Да, умею я выбрать...»

Я прорастаю из любви, как из земли, как из основ.

И вырастаю из мужей, как из коротеньких штанов.

Не засчитывается!..

Я поняла! Мне нужен **белый мамонт**. Вернее, тот, кто мне нужен, явление в жизни такое же распространённое, как белый мамонт... на Пушкинской площади.

Отработано под номером восемь!.. Сколько себя помню, лет с трёх, я всегда была влюблена... Ну, почти всегда... А когда – нет, то ощущение, как будто вообще непонятно: зачем я в этой жизни? Вся, как отсиженная нога, – вроде бы и есть, но себя не чувствую совсем... Раньше как-то Бог миловал, и за всю жизнь невлюблённых пробелов набиралось совсем чуть-чуть. А сейчас – затяну-улось...

Пустыня

Атмосфера меняется.

F. Любви поток, оскалив зубья,
Отхлынул, галькою шурша.
И, выброшена на безлюбье,
Шевелит жабрами душа.

И когда оно иссякло – не заметила. Будто шла-шла по пустыне, вода на крайний случай плескалась где-то во фляжке. А тут вдруг стало невмоготу, хвать... а там высохло всё. И когда она, пустыня эта, кончится? Она вроде океана – тоже стихия, только сухая.

Знать бы, что это – на время, перетерпеть... Я ведь привыкла уже, как верблюд, черпать из себя, пока наконец не дорвусь... оазис... верблюд... песок... Черепаха!

Сквозь космос несусь из глубин временных – и вовне.
Мой шаг – шире паха.
Я – та черепаха, что тащит китов на спине,
Я – та черепаха.

На мне – три кита этот мир, водрузив, понесли,
Несут, как на блюде,
Где бегают прямо у самого края Земли
Бездумные люди.

Но цирк этот самый, небесный, затеян не мной,
И адрес – неведом.
И купол небесный сползает с тарелки земной
И тащится следом.

А мне – удержать, добежать, сохранить, донести –
Ни вздоха, ни «аха»:
Легла впереди – бесконечность длиною пути,
А я – черепаха!

(Падает без сил, как придавленная черепаха. Поднимается.)

Нет, мой Господи, только не это –
Не зима!
Не отнимется яркое лето –
Я сама
Разбегусь босиком с косогора –
И взлечу.
Не покоя, мой Боже, не спора
Я хочу.
Знаю – глупо, но мне бы – влюбиться!
Неба синь!
Зачеркни приговора страницу!
Отодвинь!..

*Видео – **подсказка** – руки размешивают руны, достают – чистую руну.*

F *(читает)*. НЕПОЗНАВАЕМОЕ.

Пустота – это конец и начало. Ничто не предопределено: нет ничего такого, чего нельзя было бы избежать. Это – прямое испытание вашей веры. Появление этой руны часто требует акта мужества, подобно прыжку в пустоту с пустыми руками.

Ничего не понимаю!.. в пустоту с пустыми руками... Вот спасибо! *(Спохватывается.)* Ой, нет!..

Верую, Господи, в неслучайность случая,в неподотчётность Твою, парадоксальность, непредсказуемость, любовь и чувство юмора.

Верую, что не всегда ты хочешь от нас того, что правильно.

И что на одну и ту же Твою загадку ответы у всех должны оказаться разными.

Верую, что жизнь свою нам нужно прожить так, чтобы Тебе, Господи, было интересно. А это трудно. Но Ты же для нас стараешься!

Верую, Господи, что параллельные прямые пересекаются в бесконечности. Если Тебе очень захочется. Иначе – на что она, бесконечность, если даже там не пересечься?

Но если у неё, у бесконечности нет ни конца, ни начала, то какая ей, в сущности, разница, когда и где нам, параллельным, пересекаться! Так почему бы – не сейчас? И не здесь где-нибудь, на этой Земле? А, Господи?

Да, забыла!

И спасибо Тебе за всё, что Ты делаешь!

Спасибо – Тебе и моему бдительному Ангелу-Хранителю.

Вид сверху

F. преображается в Ангела.

Ангел. Да что же она опять прётся незнамо куда! Ну, пробка же! Уймись ты, всё равно опоздаешь!.. Э, парень на бетономешалке, чего тормозишь? Не твоё это дело пассажирок возить, и ехать тебе в другую сторону... Гляди, в кабину к нему громоздится! Ой, что-то быстро она до метро добралась. В вагон села.

Братцы! Сделайте что-нибудь... ну хоть поломку какую, на пару минут. Очень нужно, я в долгу не останусь! Ай, спасибо!

Что? «Вот чёрт»?! Ну, приласкала!

Да не дёргайтесь... говорят же: ненадолго...

О! Уже можно, пускай едут. Если что – обращайтесь, я всегда…

А ты уже можешь не мчаться, на работу всё равно опоздала.

Что рвёшься? Не видишь – авария, машины всмятку – в аккурат там, где ты всегда из-за поворота вылетаешь? Ага! Побелела? Ножки затряслись?

А здесь ты спотыкаешься!.. Спотыкаешься, тебе говорю!.. И не «вот, дьявол!» тебе никакой. Совсем распоясалась…

А вы не проходите мимо, уважаемый! Помогите даме подняться… Ну, обопрись же, когда мужчина руку предлагает. У него там от руки и до сердца недалеко… И пускай проводит. И телефон свой не забудь ему написать. Чего?! Господи, опять она со своими условностями! Ну, скажи хоть ты ей! Упарился я с нею, упёртой!.. Прости меня, Господи! Понял! Куда от неё денешься? Святая об***у***занность. Э-эх! Дурында ты моя! Отдохни уже и расслабься. Перед новой жизнью.

F *(обернувшись, видит любимого).*

Всё. Достаточно ревела.
Слёзы горькие утри ж!
Вот он, вот – мой мамонт белый,
Только – вписанный в Париж…

В кружева дворцов и арок…
Нет, ей-богу, зареву.
Я дана тебе в подарок,
Но – вплетённая в Москву!

Бог придерживал заначку.
Но – шутник, ему всё мало –
Он припас для нас задачку
Почуднее интеграла.

Что же – выть, как волк с волчицей,
Выгнув шеи по-жирафьи?
Может, как-то изловчиться,
Сделать что-то с географией?

Тут – слегка подвинуть горы,
Перелить чуть-чуть моря,
Чтоб явилась пристань скоро,
Где бы бросить якоря.

Глобус, временем вертимый,
Хоть немного поменять!
Сделай это, мой любимый!
Сделай это – для меня…

Ну, что? Что мне ещё сделать, чтобы попасть, наконец, в моё счастье?!! Но поймите же, счастье – это моя стихия. Я там родилась. Это, можно сказать, мой дом! (*Пытается закурить, открыв пачку сигарет, находит записку-**подсказку**.)* «Пока не сложишь из данных тебе букв слово «СЧАСТЬЕ», домой не попадёшь. Искать в углу…»

Анекдот

F *(находит конверт – оттуда вытаскивает буквы).* «А»… счАстье… *(Прилепляет на доску, вытаскивает «О».)* «О»?.. с-ча-сть-е… хм… *(дальше быстро вытаскивает «П», «Ж», прилепляет к доске. Глядя на буквы: «А», «О», «П», «Ж», понимает, что это за слово).* Из этого – счастье?

В анекдот попала!..

Меня, кажется, можно поздравить с необыкновенным счастьем.

Господи… я желаю себе самого обыкновенного счастья… Это (как мне кажется) когда живёшь с тем, кого любишь, и любишь то, что делаешь.

Ладно, пока над моим счастьем трудятся… думаю, это не повод быть, тем временем, несчастной… Если

нельзя быть счастливой – **обыкновенно**, буду пока что счастлива **необыкновенно.** Тем, что у меня есть возможность распутывать, развязывать невозможности. *(Пытается сложить слово.)* Идти туда, где ничего не известно. Начинать то, что непонятно, как сделать.

Собственно, никому другому я такого счастья не навязываю. Оно у каждого – своё. А кто-то может быть, подумает: «Тоже мне – homo fortunatus! Самозванка!»

Буквы ну никак не складываются во что-нибудь приличное.

Но должно же у меня хоть что-то сложиться по-человечески!!!

Глумливый звук.

Всё! Хватит! Не могу больше! Не хочу НИ-ЧЕ-ГО!!! Всё! *(Отрывает от доски и швыряет буквы на пол.)*

Голос «свыше». Бунт не предусмотрен! Набранные баллы недействительны. Счёт обнуляется.

F *(без сил, плача)*. Всё! Я проиграла. *(Зрителям.)* Простите… Всё. Я сдаюсь… (*Чтобы скрыть слёзы, закрывает лицо шляпой. Оттуда высыпаются записочки зрителей.)*

Подсказка (звук).

Подсказка?.. *(Читает вслух, к примеру:)* «Если счастья не будет, то мир разрушится», «Если счастья не будет, то я умру».

Нет. Так неправильно… я попробую…

Дежурный голос. Счёт обнуляется.

F. Я поняла. Счёт обнуляется. *(Поднимает буквы, идёт к доске – складывать. Приклеивает «А», долго примеряет остальные буквы, потом разрывает «О» на два «С», прикрепляет. Колдует с буквой «Ж», отрывает от неё «Ч», прикрепляет «СЧАС», потом разрывает «П», складывает «Т», «Ь», снова не получается дальше… Неожиданно, складывает на доске слово «СЧАСТЬе».)*

Дежурный голос. Выигрыш – счастье. Пройдите получить приз.

F *(не веря услышанному)*. Но счёт обнуляется…

Голос «свыше». «Может быть, всё оттого, что вы родом из рая?..»

F. Что?

Голос «свыше». «Очнуться вдруг самим собой...»

Звучит музыка, на экране взлетают разноцветные шары, воздушные змеи и парашюты, мелькают строчки стихов.

Литературно-художественное издание

МОСКОВСКИЙ ДОМ

Выпуск № 4

БИНОМ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ

Руководитель проекта «Московский Дом»
Ольга Грушевская

Подготовка оригинал-макета и дизайн
Группа «Московский Дом»

Редактор-корректор
Ольга Моисеева

Обложка
На первой странице
Василий Кандинский «Эскиз к импровизации 8», 1909
На четвёртой странице
Василий Кандинский «Корова», 1910

Компьютерный дизайн обложки
Алексей Старобурасовский

Подписано в печать 26.11.2012 г. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 20,6. Тираж 100 экз.
Заказ № M01.0810.002

Московский Салон Литераторов
(МОССАЛИТ)
www.mossalit.ru

Отпечатано в «онтоПринт»
www.ontoprint.ru